Ладлэм Роберт

Уик-энд Остермана

Часть первая

Воскресный полдень

Сэддл-Вэлли — городок в штате Нью-Джерси. Во всяком случае, когда в конце тридцатых, едва почуяв первые признаки упадка зажиточного Манхэттена, в этот лесной край устремились охотники за недвижимостью, они обнаружили здесь небольшой городок.

Белый щит — указатель на Вэлли-роуд — гласил:

Сэддл-Вэлли Инкорпорейтед[1]

1862

Добро пожаловать!

Слова приветствия были написаны мелкими буквами: в Сэддл-Вэлли не любят посторонних, будь то туристы или праздные зеваки, глазеющие из окон проезжающих мимо автомобилей на то, как проводят свой досуг местные жители. Поэтому по выходным улицы здесь патрулируют две полицейские машины.

Кстати, на указателе написано не «Сэддл-Вэлли, Нью-Джерси» и даже не «Сэддл-Вэлли, Н.-Дж.», а просто «Сэддл-Вэлли».

Городок не признает административного подчинения — он сам себе хозяин и живет, отгородившись от всего мира, надежно защищенный и независимый.

В тот июльский день одна из патрульных машин отчего-то проявляла особое усердие. Белый с синими полосами автомобиль быстрее обычного курсировал из одного конца города в другой, объезжая жилые кварталы, состоящие из нескольких сотен коттеджей с прилегающими к ним заботливо ухоженными земельными участками площадью до одного акра.

На необычную активность патрульной машины в тот день обратили внимание несколько жителей Сэддл-Вэлли.

Это было частью тщательно продуманного плана.

* * *

Джон Таннер в старых теннисных шортах, поношенной рубашке и кроссовках на босу ногу наводил порядок в своем гараже и прислушивался к голосам, доносившимся со стороны бассейна, где

резвились двенадцатилетний сын Таннера Реймонд и его приятели. Время от времени, когда детские голоса становились тише или смолкали вовсе, Таннер выходил во двор, чтобы убедиться, что с детьми все в порядке.

Жена Таннера Элис то и дело появлялась в гараже из дверей прачечной и молча тыкала пальцем на очередную груду металлолома. Растущие в гараже горы хлама выводили ее из себя, а Джон терпеть не мог выбрасывать старые вещи. На этот раз Элис ткнула пальцем в навозоразбрасыватель, который валялся в дальнем углу гаража.

— Я установлю его на стальной постамент и продам музею современных искусств, — буркнул он. — Незаслуженно забытые шедевры. Доисторический период садоводства.

Элис Таннер рассмеялась, и ее муж с удовольствием отметил про себя, что у нее по-прежнему звонкий и приятный смех.

— Я откачу его к обочине. Мусор забирают по понедельникам...

Элис потянулась к проржавевшему остову навозоразбрасывателя, но Джон остановил ее:

— Погоди, я сам.

— Ну уж нет, — живо возразила она. — Ты на полпути передумаешь.

Таннер поднял реликвию и перенес через стоявшую в том же углу роторную косилку фирмы «Бригсс и Стрэттон», и Элис осторожно провезла ее мимо своего миниатюрного «триумфа», который она шутливо именовала «символом социального престижа». Однако не успела она выехать на подъездную дорожку, как у тележки отвалилось правое колесо. Оба рассмеялись.

— Теперь-то уж непременно его купят.

Элис подняла взгляд на шоссе и перестала смеяться. Прямо мимо их окон ползла белая патрульная машина.

— Похоже, местное гестапо проводит сегодня рейд по выявлению неблагонадежных.

— Что? — Таннер подобрал колесо и бросил его в тележку.

— Полиция Сэддл-Вэлли проявляет необычную бдительность. Они уже второй или третий раз проезжают по нашей улице.

Таннер посмотрел в сторону патрульной машины и встретился взглядом с водителем — офицером местной полиции Дженкинсом. К удивлению

Таннера, тот не поздоровался, как обычно, взмахом руки или кивком, а ведь они были, можно сказать, в дружеских отношениях.

— Наверное, собака слишком громко лаяла этой ночью, — нахмурился Таннер.

— Нянька не жаловалась.

— За полтора доллара в час можно и потерпеть. Мысли Элис снова обратились к начатому делу.

— Отнеси его к воротам сам, дорогой. Без колеса мне с ним не справиться. Я посмотрю, что делают дети.

Таннер поволок колченогую тележку к обочине, не отрывая глаз от ослепительного пятна ярдах в шестидесяти от ворот. Шоссе здесь поворачивало на запад, огибая слева небольшую рощу. Невдалеке от поворота жили ближайшие соседи Таннеров — Скэнлены.

Яркое пятно оказалось солнечным бликом на полированном крыле полицейского автомобиля, который остановился как раз в том месте, куда направлялся Таннер.

Двое полицейских, развернувшись на переднем сиденье, смотрели на него через заднее стекло. Таннеру стало не по себе. Секунду или две он стоял неподвижно, затем решительно двинулся к патрульной машине. Полицейские быстро отвернулись, заурчал мотор, и автомобиль плавно тронулся с места.

Таннер проводил его недоуменным взглядом, затем повернулся и медленно пошел к дому.

* * *

Патрульная машина мчалась в сторону тихой Пичтри-Лейн, здесь она резко сбавила скорость и медленно поплыла перед Домами.

В гостиной Ричарда Тримейна работал кондиционер. Хозяин сидел перед телевизором — его любимая команда выигрывала. Шторы на окнах были раздвинуты.

Опять полицейская машина. Тримейн поднялся и быстро шагнул к окну. Только теперь она едва движется...

— Эй, Джинни! — позвал он жену. — Зайди-ка сюда на минутку.

Вирджиния Тримейн мягко сбежала по ступеням в гостиную.

— Ну, что стряслось? Надеюсь, на этот раз ты позвал меня не затем, чтобы сообщить, как твои «Меты» или «Джеты» забили очередной гол...

Тримейн поморщился.

— Послушай, вчера, когда Джон и Элис были у нас, мы с ним... э... не перебрали лишнего? То есть я хочу сказать, может быть, мы вели себя слишком шумно?

— Вы напились, но вели себя вполне пристойно. А что?

— Я знаю, что выпили крепко, — неделя была очень тяжелая. Но мы... мы ничего такого не отчудили?

— Нет, конечно. Журналисты и юристы всегда умеют держать себя в руках. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что эта чертова полиция уже пятый раз проезжает у меня под окнами!

— Да? — Вирджиния вдруг почувствовала, что у нее внутри что-то оборвалось. — Ты уверен?

Тримейн хмыкнул.

— Их машину не спутаешь.

— Да, пожалуй... Ты сказал, что была трудная неделя. А может, этот ужасный тип пытается опять...

— О Господи, да нет же! Забудь ты об этом. Он просто болтун... И принял все слишком близко к сердцу. — Тримейн не отрывал глаз от окна. Патрульная машина не спеша удалялась.

— Но он же угрожал тебе! Ты сам мне об этом рассказывал. Ты говорил, что у него есть связи... и...

Тримейн повернулся и, прищурившись, взглянул на жену.

— У нас тоже есть связи, разве не так? Кое у кого даже за океаном, в самой Швейцарии...

— Дик, перестань, пожалуйста. С твоей стороны это просто глупо!

— Да, конечно... Они уехали. Может быть, все это и впрямь ерунда. В октябре полиции обещали повысить жалованье. Возможно, они присматривают для себя дом поприличней. Подонки! Получают больше, чем я зарабатывал через пять лет после того, как стал юристом.

— По-моему, ты не в духе после вчерашнего.

— Наверное, ты права...

Он по-прежнему смотрел в окно.

— Горничная просила дать ей в среду выходной. Пообедаем в ресторане, хорошо?

— Ладно, — не оборачиваясь, бросил он.

Вирджиния шагнула к двери, ведущей в холл, но остановилась и оглянулась на мужа. Теперь Дик отвернулся от окна, и она заметила, что на лбу его выступили мелкие капли пота, хотя в комнате было прохладно.

* * *

Полицейский автомобиль свернул на восток к шоссе номер пять — основной магистрали, связывавшей Сэддл-Вэлли с расположенным в двадцати шести милях отсюда Манхэттеном, — и остановился у обочины над развязкой. Полицейский, сидевший справа от водителя, достал из ящика в передней панели бинокль с цейсовскими линзами и принялся внимательно разглядывать проезжающие по съезду «10А» автомашины.

Через несколько минут он дернул за рукав сидевшего за рулем Дженкинса, который лениво поглядывал на улицу через открытое окно. Дженкинс жестом приказал передать ему бинокль, приложил его к глазам и направил на автомобиль, в сторону которого указывал его напарник. Затем он кивнул и произнес только одно слово:

— Точно!

Патрульная машина резко рванула с места и повернула на юг. Дженкинс взял трубку радиотелефона.

— Говорит патрульная машина номер два. Направляемся к югу на Реджистер-роуд. Преследуем зеленый «форд»-седан с нью-йоркскими номерами. Внутри негры или пуэрториканцы.

Сквозь слабое потрескивание из трубки донеслось:

— Понял вас, машина-два. Отгоните их подальше.

— Ясно. Будет сделано.

Патрульная развернулась и заскользила по длинному спуску на шоссе номер пять. Выехав на автостраду, Дженкинс надавил на педаль акселератора, и машина стремительно стала набирать скорость. Через минуту спидометр показывал девяносто две мили.

Еще через четыре — патрульная машина притормозила у поворота. В нескольких сотнях ярдов от шоссе стояли две телефонные будки — стекло и алюминиевый каркас ярко блестели в лучах знойного июльского солнца.

Автомобиль с полицейскими остановился, и напарник Дженкинса выбрался наружу.

— Мелочь есть?

— Послушай, Макдермотт, — рассмеялся Дженкинс, — пятнадцать лет служишь, а не научился носить в кармане мелочь, чтобы выходить на связь.

— Нечего острить. У меня есть один пятицентовик, но он с индейцем[2], я берегу его для коллекции.

— На... — Дженкинс вынул из кармана монетку и подал ее Макдермотту. — В один прекрасный день поступит сигнал о ядерной атаке, а ты пожалеешь десятицентовик с Рузвельтом, чтобы сообщить об этом в центр.

— Скажешь тоже...

Макдермотт, толкнув скрипучую блестящую дверь, вошел в телефонную будку и набрал цифру "О". В будке было душно, и он придерживал носком ботинка дверь, чтобы она не закрылась.

— Я доеду до развилки и развернусь, — крикнул ему Дженкинс.

— Ладно... Алло, станция? Свяжите меня с Нью-Хэмпширом. Код три-один-два, номер шесть-пять-четыре-ноль-один. Попросить мистера Ледера.

Телефонист принял заказ. Однако он не мог знать того, что в ответ на его вызов раздался звонок не в штате Нью-Хэмпшир, а совсем в другом месте: на одной из подземных станций междугородной связи сработало крошечное реле, и узкая намагниченная пластинка, опустившись на четверть дюйма ниже, произвела другое соединение. В результате зазвонил телефон в двухстах милях к югу от Сэддл-Вэлли, в двухэтажном особняке из красного кирпича, огороженном глухим забором высотой двенадцать футов, через который был пропущен электрический ток.

Этот особняк был одним из десяти тщательно охраняемых зданий, которые образовывали единый комплекс. Сразу за заграждением начинался густой лес. Местечко это называлось Маклин и находилось в штате Вирджиния. Особняк же принадлежал Центральному разведывательному управлению, отгородившемуся от всего мира, надежно защищенному и независимому.

Сидевший за рабочим столом в одном из офисов второго этажа человек, облегченно вздохнув, смял в пепельнице недокуренную сигарету. Он очень ждал этого звонка и, с удовлетворением проследив, как колесики записывающего устройства автоматически пришли в движение, снял трубку.

— Говорит Эндрюс... Да-да, я плачу за разговор, — ответил он телефонистке.

— Докладывает Сэддл-Вэлли… — донеслось с другого конца провода.

— Говорите. Магнитофон включен.

— Все подозреваемые на месте. Кардоун с семьей только что вернулся из аэропорта Кеннеди.

— Мы знали, что он прилетел.

— Тогда какого черта мы мотаемся здесь?

— Там у вас опасная трасса. Он мог попасть в аварию.

— В воскресенье днем?

— Как и в любое другое время… Хотите статистику несчастных случаев на вашем участке?

— Да ну вас! Сидите там со своими компьютерами…

Эндрюс пожал плечами. Агенты-оперативники всегда чем-то недовольны.

— Значит, все трое сидят по домам, я правильно понял?

— Да, Таннеры, Тримейны и Кардоуны. Все, о ком шла речь. Первым двоим мы уже мозолили глаза. К Кардоунам заглянем через несколько минут.

— Есть что-нибудь еще?

— Пока нет.

— Как поживает супруга?

— Лилиан все поглядывает на здешние дома. По-прежнему мечтает купить что-нибудь в этом роде. Завидую Дженкинсу — он холостяк…

— На наше жалованье, Макдермотт, вряд ли что купишь.

— Я ей о том же сказал, так она предложила мне перевербоваться.

Эндрюс поморщился.

— Я слышал, там платят еще меньше.

— Не может быть… А вот и Дженкинс. Ладно, мы будем поддерживать связь.

* * *

Джозеф Кардоун вывел свой «кадиллак» на кольцеобразную подъездную дорожку и остановился у каменных ступеней, ведущих к массивной дубовой двери. Он заглушил мотор, расправил плечи и с

наслаждением потянулся, едва не задев согнутыми в локтях руками потолок автомобиля. Затем он вздохнул и повернулся назад, чтобы разбудить двух своих сыновей — шести и семи лет. Двенадцатилетняя дочь не спала. Она читала книжку комиксов.

Рядом с Кардоуном сидела его жена Бетти. Она выглянула из окна машины.

— В гостях хорошо, а дома лучше. Кардоун рассмеялся и похлопал тяжелой ладонью по плечу жены.

— Должно быть, ты в самом деле так думаешь.

— Конечно.

— Вот-вот... Ты повторяешь эти слова всякий раз, когда мы возвращаемся сюда. Слово в слово.

— У нас чудесный дом, — улыбнулась Бетти. Кардоун распахнул заднюю дверцу автомобиля и обратился к дочери:

— Эй, принцесса! Выводи скорее братьев и помоги маме донести то, что полегче.

Затем Кардоун вынул ключ из замка зажигания и шагнул к багажнику.

— А где Луиза?

— Ее не будет до вторника. Не забывай, что мы приехали на три дня раньше. Я отпустила ее на все время нашего отпуска.

Кардоун поморщился. Мысль о том, что придется два дня довольствоваться стряпней жены, не внушала ему особого оптимизма.

— Ладно, съездим куда-нибудь поесть.

— Сегодня, во всяком случае, так и сделаем. Продукты размораживаются слишком долго.

Бетти Кардоун поднялась по ступенькам к двери, на ходу вынимая из сумочки ключ.

Джо не отреагировал на ее реплику. Он любил поесть, но терпеть не мог, когда готовила жена. Богатым наследницам с Честнат-Хилл никогда не достичь в искусстве кулинарии тех высот, что доступны любой итальянской матроне из Филадельфии.

Через час мощный кондиционер разогнал застоявшийся за две недели воздух, и в доме стало прохладно. Джо всегда следил за подобными вещами, теперь же, разбогатев и достигнув высокого положения в обществе, с особой придирчивостью. Он вышел на крыльцо и с

удовольствием окинул взглядом лужайку перед домом. Там, посреди круглого ярко-зеленого ковра, окаймленного серой полосой подъездной дорожки, росла огромная ива. Садовники тщательно ухаживали за всем этим. Ничего удивительного — он платит им баснословные деньги! Впрочем, о расходах ему теперь можно не волноваться.

Внезапно он вздрогнул. Опять! После того как он съехал с автострады, эта патрульная машина уже трижды попалась ему на глаза.

— Эй вы! Стойте!

Двое полицейских, сидевшие на переднем сиденье, переглянулись, но скрыться не решились. Кардоун уже бежал к обочине.

— Эй!

Машина остановилась.

— Да, мистер Кардоун?

— Вы что, изменили маршрут? Или в нашем квартале что-то стряслось?

— Нет, мистер Кардоун. Просто сейчас пора отпусков, и мы немного отклонились от обычной схемы — проверяем, кто из хозяев вернулся. Мы знали, что вы должны были приехать сегодня, и решили уточнить, вы ли это действительно. Теперь мы вычеркиваем ваш дом из списка.

Джо недоверчиво смотрел на полицейских. Он понимал, что они лгут, и полицейские почувствовали это.

— Что ж, вам надо отрабатывать свое жалованье...

— Мы стараемся, мистер Кардоун.

— Да, я вижу...

— До свидания, сэр.

И патрульная машина рванулась с места. Джо проводил ее долгим взглядом. Он не собирался выходить на работу до середины недели, но теперь передумал. Завтра утром он поедет в Нью-Йорк.

* * *

По воскресеньям, между пятью и шестью часами вечера, Таннер запирался в своем кабинете — просторной, отделанной дубовыми панелями комнате с тремя телевизионными приемниками — и смотрел три разные программы ток-шоу одновременно.

Элис знала, что это не прихоть, а его служебная обязанность — директору отдела информации телекомпании «Стандарт мьючиал» полагалось быть в курсе текущих событий. И все же Элис было не по

себе, когда муж подолгу сидел в полутемной комнате и смотрел три телевизора одновременно, и она всегда ворчала по этому поводу.

Сегодня Таннер напомнил жене о том, что в следующее воскресенье приедут Берни и Лейла Остерман и ему придется отказаться от просмотра — когда они бывали у Таннеров в гостях, все дела отступали на второй план. После этого он уединился в своем кабинете, прекрасно зная, что ему предстоит увидеть.

Таннер отдавал предпочтение одной программе: вот уже несколько лет он уделял особое внимание ток-шоу Чарльза Вудворта. В течение получаса каждое воскресенье ведущий аналитик отдела новостей брал интервью у тех видных политиков или бизнесменов, чье имя было у всех на слуху.

Сегодня Чарльз Вудворт беседовал с Ральфом Эштоном, первым заместителем секретаря Госдепартамента. Сам секретарь прийти не смог, поэтому послали его заместителя.

Это было роковой ошибкой Госдепартамента. Простоватый и скучный Эштон пришел в политику из бизнеса. Единственным его достоинством было умение делать деньги. То, что ему доверили представлять администрацию, — огромный просчет. Разумеется, если посылавшие его не преследовали каких-то скрытых целей...

Вудворт сотрет его в порошок.

Слушая пустые, уклончивые ответы Эштона, Таннер подумал, что многие в Вашингтоне наверняка уже хватаются за трубки телефонов. Вежливый тон и приятные манеры Вудворта не могли скрыть растущую неприязнь к собеседнику. Репортерская беспристрастность таяла на глазах: скоро в голосе Вудворта зазвенит металл и Эштон будет уничтожен. По всем правилам хорошего тона, но уничтожен.

Когда приходилось видеть подобные сцены, Таннер всегда чувствовал себя неловко.

Он повернулся ко второму телевизору и прибавил звук.

Ведущий подробно и нудно знакомил телезрителей с журналистами и экспертами, пришедшими на пресс-конференцию с представителем Ганы в ООН. Чернокожий дипломат смотрел с экрана так, словно его гнали на гильотину.

Достойного соперничества здесь тоже явно не будет.

Дискуссия по третьей программе проходила немного живее, но и она была скучновата.

Таннер вздохнул и решительно поднялся. Достаточно. У него сегодня и так трудный день, а пленку с записью программы Вудворта он может посмотреть и утром.

Было только половина шестого. Солнечные блики искрились на голубой глазури бассейна. Он слышал, как оживленно щебетала вернувшаяся из детского клуба дочь, и нехотя прощались, уходя, друзья Реймонда. Семья была в сборе. Элис и дети ждут не дождутся, когда он закончит и спустится к ужину.

Он удивит их.

Таннер выключил телевизоры, положил блокнот и ручку на рабочий стол — пора передохнуть и что-нибудь выпить.

Он распахнул дверь кабинета и направился в гостиную. Через выходящие во двор окна он видел, что Элис и дети играли в «сделай как я». Они прыгали в воду с невысокого трамплина и смеялись.

Элис обрела наконец покой и счастье! Видит Бог, она это заслужила!

Он немного постоял у окна, глядя на жену. Та подпрыгнула, вытянув носки, мягко ушла под воду и тут же вынырнула, чтобы убедиться, что с восьмилетней Дженет, которая последовала за ней, все в порядке.

Удивительно! После стольких лет совместной жизни он с юношеской пылкостью любил свою жену.

Неожиданно вспомнив патрульную машину, Таннер помрачнел, но тут же отогнал дурные мысли. Должно быть, полицейские просто искали тихое местечко, чтобы отдохнуть или без помех послушать репортаж о футбольном матче. Он слышал, что в Нью-Йорке блюстители порядка частенько этим грешат. Почему бы местной полиции не последовать их примеру? В Сэддл-Вэлли гораздо спокойнее, чем в Нью-Йорке.

Сэддл-Вэлли вообще самое спокойное место на земле. Так, по крайней мере, казалось Джону Таннеру в тот погожий и теплый воскресный вечер.

* * *

Ричард Тримейн отошел от телевизора через десять секунд после того, как Джон Таннер в своем кабинете закончил просмотр телепрограмм. «Меты» все-таки выиграли.

Головная боль прошла, а вместе с ней исчезло дурное расположение духа. «Джинни права, — подумал он, — я просто не могу держать себя в руках. Глупо вымещать на домашних свое плохое настроение». Теперь

он чувствовал себя лучше и был не прочь перекусить. Может быть, позвонить Таннерам да съездить к ним искупаться в бассейне.

Джинни много раз спрашивала, почему он не хочет построить собственный. Ведь их доход в несколько раз больше того, что зарабатывает Таннер, — это ни для кого не секрет. Но Тримейн был непреклонен. Бассейн — это уж слишком. Слишком явный символ преуспевания. Ведь ему только сорок четыре. Хватит и того, что они перебрались в Сэддл-Вэлли, — дом за семьдесят четыре тысячи долларов в тридцать восемь лет! Причем пятьдесят тысяч он выплатил сразу... Бассейн подождет до его сорокапятилетия. Тогда это будет выглядеть менее вызывающе.

Конечно, многие его клиенты не знали, что, окончив Йельский юридический колледж в числе лучших студентов курса, он три года работал в своей фирме простым клерком и лишь потом быстро пошел в гору и стал зарабатывать приличные деньги.

Тримейн вышел в сад за домом. Джинни и их тринадцатилетняя дочь Пегги подрезали розы у белой беседки. Весь сад площадью примерно в пол-акра содержался в безупречном порядке. Он утопал в цветах. Джинни обожала копаться в саду. Это было ее хобби, любимым занятием после секса. «Но секс, — с довольной усмешкой подумал Тримейн, — ей ничто никогда не заменит».

— Эй! Давайте я помогу вам, — предложил он, направляясь к жене и дочери.

— Я вижу, тебе уже лучше, — улыбнулась Вирджиния.

— Смотри, папочка, какие они красивые! — воскликнула дочь, протягивая ему букет красных и желтых роз.

— Просто чудесные, дорогая.

— Дик, я не говорила тебе? На следующей неделе к нам вылетают Берни и Лейла. В пятницу они будут здесь.

— Джонни сказал мне... Устроим «уик-энд Остермана». Мне надо не ударить в грязь лицом.

— По-моему, ты вчера неплохо прорепетировал.

Тримейн расхохотался. Его не терзали угрызения совести за то, что он выпил лишнего. Это случалось слишком редко. А когда случалось, то не доставляло жене лишних хлопот.

Кроме того, вчера вечером ему нужно было расслабиться. Прошедшая неделя была трудной.

Втроем они направились к дому.

Вирджиния ласково взяла мужа под руку.

«Как выросла Пегги», — подумал Тримейн и довольно улыбнулся. Зазвонил установленный во дворе телефон.

— Я возьму! — метнулась к аппарату Пегги.

— Ну конечно! — поддразнил ее отец. — Это ведь все равно не нам!

— Просто уже давно пора установить ей собственный телефон. — Вирджиния игриво ущипнула мужа за локоть.

— Вдвоем вы меня разорите, — проворчал Тримейн.

— Это тебя, мама, миссис Кардоун. — Пегги прикрыла трубку рукой. — Пожалуйста, не разговаривайте слишком долго. Кэрол Браун сказала мне, что позвонит, когда вернется с тренировки. Ты помнишь, я тебе говорила... ну, про этого мальчика у Чоутов.

Вирджиния Тримейн улыбнулась:

— Не беспокойся, дорогая. Кэрол никуда не сбежит, на побег ей не скопить и за неделю.

— О, мама!

Ричард, прислушиваясь, с удовольствием отметил про себя, что Вирджиния прекрасно ладит с дочерью. С этим никто не станет спорить. Он знал, что многие не одобряют слишком экстравагантной манеры одеваться у его жены. Он сам слышал это и догадывался, какой смысл вкладывается в это слово. Но дети... Дети ее обожают, они так и льнут к ней. У нее никогда не было проблем с дочерью. Может быть, Джинни знает что-то такое, что не известно другим матерям.

«Что ж, похоже, все складывается удачно», — подумал Тримейн. Если верить Берни Остерману, риска практически не будет. Все идет хорошо. Все идет хорошо.

Он попросит позвать Джо, когда Джинни и Бетти наговорятся. Потом он позвонит Таннерам. Может быть, они вместе сходят в клуб поужинать, после того как Джонни просмотрит свои телепрограммы.

Внезапно он снова вспомнил о патрульной машине. Чепуха! Он стал слишком мнительным и нервозным. В сущности, что тут особенного? Сегодня воскресенье, а по решению городского совета полиция должна усилить охрану жилых кварталов по выходным.

«Странно, — подумал он, — Кардоуны вернулись раньше времени. Должно быть, Джо срочно вызвали в контору. Финансистам всегда надо

быть в центре событий, особенно сейчас; биржу лихорадит, цены скачут».

* * *

Бетти кивнула, когда Джо передал ей приглашение Тримейна, и вопрос с ужином был решен. Буфет в клубе был неплохой, хоть тамошние повара и не владели секретом настоящей итальянской закуски. Джо давно твердил шеф-повару о том, что салями сорта «Генуэзская» гораздо лучше, чем сорта «Древнееврейская», но тот заключил выгодную сделку с поставщиком-евреем — разве он станет прислушиваться к мнению рядового члена? Даже такого, как Джо, — возможно, самого преуспевающего человека в округе... Для них он все равно иностранец — прошло не больше десяти лет с тех пор, как итальянцам открыли доступ в местный клуб. На днях они отменят ограничения и в отношении евреев. Такое событие нужно будет отметить.

Именно из-за этой расовой нетерпимости — ни разу прямо не выраженной, но все равно ощутимой — Кардоуны, Таннеры и Тримейны стремились сделать каждый приезд Берни и Лейлы Остерман как можно более заметным. В одном все шестеро были едины — начисто лишены расовых предрассудков.

Интересно, сказал себе Кардоун, повесив трубку и направившись к небольшому гимнастическому залу, пристроенному к дому, что именно Таннеры свели всех их вместе.

Джон и Элис познакомились с Остерманами в Лос-Анджелесе, когда Таннер только начинал свою журналистскую карьеру. И теперь Джо спрашивал себя, догадываются ли Джон и Эли о том, какие узы связали его, Кардоуна, с Берни Остерманом и Диком Тримейном. Он никогда не говорил об этом с Джоном — с непосвященными такие вещи не обсуждались.

В конечном счете, связавшее их троих дело означало своего рода независимость, о которой можно только мечтать. Конечно, оно было сопряжено с опасностью и риском, но для него и Бетти это был верный шаг. И для Тримейнов и Остерманов тоже. Они все обсудили между собой, тщательно продумали и, взвесив «за» и «против», пришли к единому мнению.

Возможно, Таннеры тоже захотят присоединиться к ним. Но Джо, Дик и Берни решили, что Джон сам должен дать им знать. Непременно сам. Намеков было достаточно, однако Таннер пока никак на них не реагировал.

Джо закрыл тяжелую дверь гимнастического зала и в сауне включил подогрев воздуха. Затем он переоделся в хлопчатобумажные тренировочные брюки и стянул со стальной перекладины футболку. Он

улыбнулся, заметив на ней вышитые инициалы. Только девушка с Честнат-Хилл станет вышивать монограмму на футболке для тренировок. *«Дж. А. К.»*.

Джозеф Амбруззио Кардоун.

Джузеппе Амбруззио Кардионе.

В семье Анджелы и Умберто Кардионе, выходцев из Сицилии, поселившихся в Южной Филадельфии и в конце концов получивших американское гражданство, было восемь детей. Американские флаги украшали стены их дома наряду с бесчисленными изображениями Девы Марии, держащей на руках пухлого младенца Иисуса с голубыми глазами и красным ртом.

Джузеппе Амбруззио Кардионе в прошлом — один из лучших спортсменов школы, староста своего выпускного класса, член общегородского ученического комитета.

Несколько колледжей предложили ему стипендию, и он выбрал наиболее престижный — Принстонский. К тому же Принстон был расположен ближе всех к Филадельфии. В роли полузащитника футбольной команды он сделал для своей alma mater то, что казалось невозможным. Его включили в сборную страны — до него такой чести не удостаивался ни один игрок футбольной команды Принстона.

Почитатели-однокурсники привели его на Уолл-стрит. Тогда он и изменил фамилию на «Кардоун». Ему казалось, что так будет более изыскано. Как Кардозо. Но его маленькая хитрость никого не обманула, и скоро он перестал обращать на это внимание. Число биржевых операций стремительно росло, все покупали ценные бумаги. Сначала он был просто толковым брокером, молодым итальянцем, который добросовестно делает свое дело, парнем, который умеет вести себя с новоиспеченными миллионерами и с озабоченными судьбой своих вложений инвесторами. Но в конце концов то, что должно было случиться, случилось.

Итальянцы — сентиментальные люди. Они предпочитают вести дела с соотечественниками. Несколько строптивых магнатов — Кастеллано, Латроне и Бателла, — заработавших миллионы на развитии строительной индустрии, заметили Кардоуна. «Наш Джози» — так они его называли. И это служило хорошей рекомендацией. Джо находил для них лазейки в налоговом законодательстве, помогал выгодно инвестировать капитал и получать солидную прибыль.

И деньги потекли к нему рекой.

Благодаря новым друзьям оборот его брокерских сделок удвоился. Фирма «Вортингтон и Беннет», названная по имени владельцев —

членов Нью-йоркской биржи, стала фирмой «Вортингтон, Беннет и Кардоун», а затем «Беннет-Кардоун, лимитед».

Кардоун был благодарен своим покровителям. Он хорошо знал, с кем имеет дело, но его мало волновала сомнительная репутация некоторых его партнеров, пока к его дому не зачастила патрульная машина.

Джо отложил гири и перешел к тренажеру, имитирующему греблю. Пот ручьями стекал по лицу и спине, и Джо почувствовал себя лучше. Почему он решил, что эти чертовы полицейские лгут? Они правы, девяносто девять процентов жителей Сэддл-Вэлли возвращаются из отпусков в воскресенье. Даже если вы обозначите в полицейском участке день своего возвращения средой, какой-нибудь дотошный сержант все равно решит, что это ошибка, и переправит его на воскресенье. Никто не возвращается из отпуска по средам. Среда — середина рабочей недели.

И разве может здравомыслящему человеку прийти в голову, что Джозеф Кардоун связан с мафией? Это он-то! Воплощение профессиональной этики! Символ преуспевающей Америки! Кумир Принстона!

Джо сбросил футболку и прошел в парную. Пар был сухим и горячим. Кардоун опустился на скамью и глубоко вдохнул. Вместе с потом уходила гнетущая тяжесть. После двух недель французско-канадской кухни его тело нуждалось в очищении.

Он громко рассмеялся. Жена права: хорошо вновь оказаться дома! Тримейн сказал, что утром в пятницу прилетают Остерманы. Приятно снова повидать Берни и Лейлу. Они не виделись около четырех месяцев, но постоянно звонили друг другу.

* * *

В двухстах пятидесяти милях к югу от Сэддл-Вэлли расположен тот район Вашингтона, который называют Джорджтауном. Каждый день в половине шестого вечера темп жизни Джорджтауна резко меняется. До этого часа все течет размеренно, с аристократическим достоинством и даже изысканностью, после — начинается постепенное ускорение темпа. Жители Джорджтауна — в основном люди богатые и облеченные властью — стремятся к еще большему расширению сферы своего влияния.

После половины шестого они начинают игру.

После половины шестого в Джорджтауне наступает время военных хитростей, тонких ходов и уловок.

Это повторяется ежедневно, за исключением воскресений, когда сильные мира сего подводят итог сделанного за неделю и набираются сил для предстоящих шестидневных баталий.

Да будет свет! И свет приходит. Да будет покой — и покой настает.

Хотя, разумеется, не для всех.

Например, не для Александра Дэнфорта, помощника президента Соединенных Штатов. Помощника без портфеля и без четко очерченного круга служебных обязанностей.

Дэнфорт был связующим звеном между отвечающей за секретность правительственной связи службой безопасности, расположенной в подвалах Белого дома, и отделением Центрального разведывательного управления в местечке Маклин штата Вирджиния. Дэнфорт обладал огромным влиянием. Благодаря своему положению он всегда оставался в тени, но с его мнением в Вашингтоне привыкли считаться. Так уж сложилось.

В тот воскресный день Дэнфорт и заместитель директора Центрального разведывательного управления Джордж Грувер сидели в тени развесистого дерева во дворе дома Дэнфорта и смотрели телевизор. Оба пришли к тому же выводу, что и Джон Таннер: завтра утром имя Чарльза Вудворта замелькает на страницах газет.

— Чины Госдепартамента за одно утро изведут месячный запас туалетной бумаги, — сказал Дэнфорт.

— Пожалуй... Кто выпустил Эштона в эфир? Он не только глуп, но даже выглядит идиотом. Неумный и скользкий тип. За эту программу отвечает Джон Таннер?

— Да, он.

— Хитрая бестия. Я много бы дал за то, чтобы быть уверенным, что он на нашей стороне, — вздохнул Грувер.

— Фоссет утверждает, что это так. — Они обменялись многозначительными взглядами. — Вы ведь смотрели его личное Дело. Разве вы не согласны?

— Нет, нет, согласен. Фоссет прав.

Он редко ошибается.

На столике перед Дэнфортом стояло два телефонных аппарата: один — черный, включенный в переносную розетку на земле, второй — красный, провод к нему тянулся из дома. Красный телефон зажужжал. Дэнфорт поднял трубку.

— Да... Да, Эндрюс. Хорошо... Понятно. Позвоните Фоссету и скажите ему, чтобы он ехал сюда. Лос-Анджелес подтвердил вылет Остерманов? Все без изменений?.. Прекрасно. Мы тоже действуем по плану.

* * *

Бернард Остерман, когда-то студент Нью-йоркского колледжа, набор 1946 года, вынул из пишущей машинки очередную страницу и, бегло просмотрев ее, присоединил к тощей пачке черновика. Затем он поднялся, обошел вокруг продолговатого, напоминающего по форме человеческую почку бассейна и протянул рукопись своей жене Лейле, которая полулежала в шезлонге, подставив солнцу обнаженное тело.

— Знаешь, раздетая женщина при свете дня выглядит не так уж привлекательно.

— Думаешь, ты сам портрет в бежевых тонах? — подняв глаза на голого мужа, прервала Лейла. — Давай... — Она взяла рукопись и надела большие затемненные очки... — Это конец?

Берни кивнул.

— Когда вернутся дети?

— Я велела Мари обязательно позвонить с пляжа перед тем, как поехать домой. Мервину в его возрасте ни к чему знать, как выглядит без одежды женщина. В городе он и так видит много чего непотребного...

Берни улыбнулся.

— Ну ладно. Читай. — Он нырнул в бассейн и быстро поплыл.

Он успел несколько раз проплыть из одного конца бассейна в другой, пока не сбил дыхание. Берни был хорошим пловцом. В армии, когда он служил в форте Дике, его даже назначили инструктором по плаванию. В армейском бассейне — правда за глаза — его называли «еврей-ракета». Если бы в колледже была футбольная команда, а не пародия на нее, он наверняка стал бы в ней капитаном. Джо Кардоун признался как-то Берни, что он очень пригодился бы ему в Принстоне.

Берни от души рассмеялся, когда Джо сказал ему это. Несмотря на внешний демократизм армейского быта — а он, бесспорно, был лишь внешним, — Бернарду Остерману, потомку Остерманов с Тремонт-авеню в нью-йоркском Бронксе, никогда не приходила в голову мысль о возможности, перешагнув через освященные веками барьеры, очутиться в одном из старейших университетов Новой Англии — Принстоне. Ему не составило бы большого труда поступить туда — он был умен и, как бывший военнослужащий, имел определенные льготы. Однако подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Тогда, в 1946-м, он чувствовал бы себя там неуютно. Сейчас, конечно, времена изменились...

Остерман по лесенке выбрался из бассейна. Хорошо, что они с Лейлой решили на несколько дней съездить в Сэддл-Вэлли. Там можно будет вздохнуть спокойнее, перевести дух... Все почему-то считают, что жизнь на восточном побережье труднее, чем в Лос-Анджелесе. Но так только кажется, потому что пространство для деятельности там более ограниченно.

Лос-Анджелес, его Лос-Анджелес с Бербэнком[3], Голливудом и Беверли-Хиллз, вот где жизнь поистине безумна. Здесь все продается и все покупается. Каждый стремится быть первым. Гигантский супермаркет с пальмовыми аллеями-проходами, по которым лихорадочно мечутся мужчины и женщины в ярких цветных рубашках и оранжевых слаксах.

Иногда Берни очень хотелось увидеть здесь кого-нибудь в суконном костюме от «Братьев Брукс», застегнутом на все пуговицы. Не то чтобы он был почитателем строгого стиля в одежде — в сущности, ему было наплевать на то, кто как одевается, — просто порой у него начинало рябить в глазах от этого нескончаемого пестрого потока...

А может быть, он просто входил в полосу очередного творческого спада, когда все начинает раздражать, даже этот город, ставший ему домом. Хотя это и несправедливо — «супермаркет с пальмовыми проходами» был к нему неизменно благосклонен.

— Ну как? — обратился Остерман к жене.

— Очень хорошо. Пожалуй, у тебя даже могут возникнуть проблемы?

— Что? — Верни снял с вешалки полотенце. — Какие проблемы?

— Ты слишком глубоко копаешь... Можешь задеть больное место... — Лейла взяла следующую страницу и, заметив усмешку мужа, добавила: — Подожди минуту, я сейчас закончу читать. Возможно, к концу тебе удастся выпутаться...

Берни Остерман опустился на плетеный стул и, зажмурив глаза, подставил лицо теплым лучам калифорнийского солнца. На губах его по-прежнему играла улыбка. Он знал, что имела в виду жена, и мысль об этом была ему приятна.

Хотя много лет он пишет сценарии по одному шаблону, но еще не разучился «копать глубоко» — когда действительно этого хотел.

Бывали моменты, когда желание доказать самому себе, что он может писать так, как много лет назад в Нью-Йорке, возникало в нем с неодолимой силой.

Да, прекрасное было время, полное дерзновенных замыслов и честолюбивых планов… Вот только ничего, кроме намерений и замыслов, он не имел. Несколько лестных отзывов, написанных такими же начинающими писателями. Его хвалили за «наблюдательность», «проницательность», «психологизм», а однажды даже наградили эпитетом «выдающийся». Конечно, это льстило его самолюбию, но не более того, и потому они с Лейлой очутились здесь, в этом безумном сверкающем городе, и стали охотно с удовольствием отдавать, вернее продавать, свой талант миру телевидения и кино.

Но когда-нибудь… когда-нибудь, думал Берни Остерман, все повторится. Какое наслаждение — сидеть за письменным столом и не спешить, не думать ни о гонорарах, ни о неоплаченных счетах. Только писать. Возможно, он совершит большую ошибку, но… для него было важно сознавать, что он еще в силах вернуть все это.

— Берни?

— Да?

— Это прекрасно, милый. Просто замечательно, правда, но ты сам должен понимать, что это не пойдет.

— Пойдет!

— Такое они не выпустят.

— Ну и черт с ними!

— Нам платят тридцать тысяч за приличную часовую драму, а не за два часа экзорцизма с финалом на кладбище.

— Это не экзорцизм. Это правдивая история с очень печальным концом, — обиделся Остерман.

— Ее не купят. Они потребуют внести изменения.

— Я ничего не буду менять!

— Решать им. Мы просто не получим оставшиеся пятнадцать тысяч долларов.

— Дьявол!..

— Ты же знаешь, что я права.

Лейла накинула на себя полотенце и нажала на кнопку на подлокотнике шезлонга. Спинка кресла поднялась, и Лейла села прямо.

— Болтовня! Каждый раз пустая болтовня. В этом сезоне мы дадим что-нибудь значительное. Полемичное очередное вранье.

— Они расторгнут контракт. Хвалебным отзывом в «Таймс» не станешь расплачиваться за кредиты в Канзасе.

— К черту!

— Не горячись. Лучше окунись еще разок. Или поплавай — бассейн большой. — Лейла пристально смотрела на мужа. Он знал, что значит этот взгляд, и, улыбнувшись, тряхнул головой. Улыбка его была печальной.

— Ладно, тогда правь сама.

Лейла взяла со стоявшего рядом стола карандаш и желтый блокнот. А Берни поднялся и направился к кромке бассейна.

— Как ты думаешь, Таннер захочет присоединиться? По-твоему, я могу с ним поговорить?

Жена отложила карандаш и подняла голову.

— Не думаю... Джонни ведь не такой, как мы...

— Не такой, как Джо и Бетти? Дик и Джинни? Не понимаю; чем же он так от нас отличается?

— Я не стала бы на него давить. Он — репортер. Его называли ястребом, помнишь? «Ястреб Сан-Диего»... У него прочный хребет. Если его сильно согнуть, то, распрямившись, он может очень больно ударить.

— Он думает так же, как мы... Он точно такой же.

— И все же послушай меня. Не торопись. Считай это пресловутой женской интуицией, но не спеши... Ты можешь все испортить.

Остерман нырнул в бассейн и проплыл под водой тридцать шесть футов до противоположного края.

«Лейла права только наполовину, — думал он. — Конечно, Таннер бескомпромиссный журналист, но он же разумный человек. Он не может не видеть, что творится вокруг. Каждый должен сам позаботиться о себе. Иначе вряд ли удастся жить так, как хочешь: писать, что тебе нравится, и не заботиться о погашении кредитов».

Берни вынырнул на поверхность и ухватился за бортик бассейна. Отдышавшись, он оттолкнулся от стенки и, сильно работая руками, поплыл к тому месту, где сидела жена.

— Я загнал тебя в угол.

— Тебе это никогда не удастся, — спокойно произнесла Лейла, быстро записывая что-то в блокноте. — В моей жизни было время, когда

тридцать тысяч долларов казались мне баснословной суммой. «Бруклинский дом Вайнтрауба» не входил в число преуспевающих фирм Манхэттена.

Она вырвала из блокнота страницу и сунула ее под бутылку из-под пепси-колы.

— У меня таких проблем не было, — улыбнулся Берни, лежа на воде. — Остерманы — неизвестная ветвь рода Ротшильдов.

— Я знаю. Твои цвета на скачках красно-коричневый и ярко-оранжевый.

— Да, вот еще что! — громко воскликнул Берни, радостно глядя на жену. — Я не говорил тебе? Сегодня утром звонил инструктор из Палм-Спрингс. Двухгодовалые жеребцы, которых мы купили, делают три фарлонга за сорок одну секунду!

Лейла Остерман опустила блокнот на колени и рассмеялась.

— Нет, знаешь, это, пожалуй, слишком. А еще хочешь играть в Достоевского!

— Я понял намек… Что ж, возможно, когда-нибудь…

— Да, да, конечно. А пока присматривай за кредитами и за своими бешеными жеребцами.

Остерман фыркнул и поплыл к противоположной стенке бассейна. Он снова подумал о Таннерах… Джон и Эли Таннер… Он называл их имена в Швейцарии. В Цюрихе восприняли это с энтузиазмом.

Бернард Остерман принял решение. Жену он как-нибудь убедит.

В эти выходные он обязательно поговорит с Джоном.

* * *

Пройдя по узкому коридору своего дома в Джорджтауне, Дэнфорт отпер входную дверь. На крыльце стоял Лоренс Фоссет — сотрудник Центрального разведывательного управления. Он улыбнулся и протянул хозяину руку.

— Доброе утро, мистер Дэнфорт. Мне звонил из Маклина Эндрюс… Мы с вами уже встречались, но вы, наверное, не помните. А для меня это была большая честь, сэр.

Дэнфорт внимательно посмотрел на своего собеседника и улыбнулся в ответ. В досье ЦРУ говорилось, что Фоссету сорок семь лет, и Дэнфорт подумал, что выглядит он гораздо моложе. Широкие плечи, мускулистая, крепкая шея, лицо почти без морщин, жесткий ежик

светлых волос — все это напомнило Дэнфорту о том, что ему самому скоро стукнет семьдесят.

— Я, разумеется, помню вас. Проходите, пожалуйста. Когда Фоссет шагнул в коридор, его внимание привлекли развешанные на стенах акварели Дега. Он подошел ближе, чтобы рассмотреть их.

— Прекрасные работы.

— Да, действительно… Вы разбираетесь в живописи, мистер Фоссет?

— О нет… Просто восторженный почитатель. Моя жена была художницей. Мы много времени проводили с ней в Лувре.

Дэнфорт знал, что не следует говорить с Фоссетом о жене. Она была немкой, уроженкой Восточного Берлина. Там ее и убили агенты КГБ.

— Да, да, конечно… Сюда, пожалуйста. Грувер во дворе. Мы с ним смотрели программу Вудворта.

Они пересекли коридор и очутились в вымощенном красным кирпичом внутреннем дворике. Из кресла навстречу им поднялся Джордж Грувер.

— Привет, Лэрри. Кажется, дело сдвинулось?

— Похоже, что да. Я уже заждался.

— Мы все тоже. Выпьешь что-нибудь?

— Нет, благодарю вас, сэр. Если вы не возражаете, перейдем прямо к делу.

Трое мужчин уселись вокруг небольшого журнального столика.

— Давайте начнем с того, как обстоят дела сейчас, — сказал Дэнфорт. — Изложите ваш план действий. В глазах Фоссета мелькнуло удивление.

— Я думал, он был с вами согласован.

— О, разумеется, я читал отчеты. Но хотел бы получить информацию из первых рук, от человека, отвечающего за операцию.

— Хорошо, сэр. Первая фаза подготовки завершена. Таннеры, Тримейны и Кардоуны находятся в Сэддл-Вэлли. В ближайшее время они никаких поездок не планируют и, по всей вероятности, проведут дома всю будущую неделю. Эта информация подтверждена по нескольким каналам. В Сэддл-Вэлли у нас работают тринадцать агентов, и все три семьи будут находиться под постоянным наблюдением… В их телефонах установлены подслушивающие устройства. Из Лос-Анджелеса сообщили, что Остерманы вылетают в пятницу рейсом пятьсот девять и прибывают в аэропорт Кеннеди в четыре пятьдесят по восточному

времени. Обычно они сразу берут такси и отправляются в пригород. За такси, разумеется, мы установим слежку.

— А если они изменят свои планы? — перебил его Грувер.

— Если это произойдет, то в самолете их не будет. Завтра мы вызовем Таннера в Вашингтон.

— Он еще ни о чем не подозревает? — спросил Дэнфорт.

— Абсолютно. Разве что немного встревожен действиями патрульной машины. Мы напомним ему о ней, если завтра утром он заартачится.

— А как, вы думаете, он ко всему этому отнесется?

— Полагаю, он будет ошарашен.

— Он может отказаться сотрудничать, — заметил Дэнфорт.

— Это невозможно. Я сделаю так, что у него не будет выбора. Дэнфорт пристальнее всмотрелся в сидящего напротив него энергичного мускулистого человека — поражала уверенность, с которой он говорил.

— Вы очень хотите, чтобы план удался? Вы говорите так убежденно...

— У меня есть на то причины, — глухо ответил Фоссет и замолчал, как бы справляясь с волнением. Когда он снова заговорил, голос его звучал тихо и бесстрастно. — Они убили мою жену. Ее сбили на Курфюрстендамм в два часа ночи, в то время, когда меня «задержали». Она пыталась разыскать меня. Вы знали об этом?

— Я читал ваше досье. Примите мои глубочайшие соболезнования.

— Мне не нужны соболезнования. Приказ был отдан из Москвы. Мне нужна «Омега».

Часть вторая

Понедельник. Вторник. Среда. Четверг

Понедельник, десять пятнадцать утра

Таннер вышел из лифта и направился по устланному мягким ковром коридору в свой кабинет. Он провел двадцать пять минут в просмотровом зале, где знакомился С записью вчерашней программы Вудворта. Его впечатление совпало с мнением большинства утренних газет: Чарльз Вудворт поставил крест на политической карьере помощника госсекретаря Эштона.

В Вашингтоне многие сейчас в полном смятении, подумал он.

— Впечатляющее было зрелище, да? — вместо приветствия сказала секретарша.

— Как говорит мой сын, «глаза бы не глядели», — отозвался Таннер. — Пожалуй, в ближайшее время нам не следует ждать приглашений в Белый дом. Кто-нибудь звонил?

— Звонят со всего города. В основном поздравляют. Я положила список фамилий вам на стол.

— Это хорошо. Он может мне понадобиться. Что-нибудь еще?

— Да, сэр. Звонили из федеральной комиссии связи. Сотрудник по фамилии Фоссет.

— Кто?

— Мистер Лоренс Фоссет.

— Я всегда имел дело с Крэнстоном.

— Я тоже об этом вспомнила... Он сказал, что дело не терпит отлагательств.

— Может быть. Госдепартамент решил арестовать нас прямо сегодня?..

— Не думаю, сэр. Они подождали бы день или два, чтобы это не имело столь явной политической подоплеки.

— Попробуйте дозвониться до него. У них в комиссии всегда все срочно.

Таннер пересек приемную, вошел в свой кабинет и бегло просмотрел записки и почту. Он улыбнулся, вчерашнее шоу произвело большое впечатление.

Задребезжал зуммер внутреннего телефона.

— Мистер Фоссет у аппарата, сэр.

— Благодарю вас, — сказал Таннер секретарше и нажал нужную кнопку. — Мистер Фоссет? Сожалею, что меня не оказалось на месте, когда вы звонили.

— Ну что вы, что вы... — произнес вежливый голос на другом конце провода. — Это я должен извиниться за то, что звонил слишком рано. Просто у меня сегодня очень насыщенный день, а вы первый в моем списке.

— Что-нибудь случилось?

— Формальность, но дело срочное. Это касается сводок, присланных для ознакомления в отдел информации «Стэндарта». Там кое-чего не хватает...

— Да? — Действительно, несколько недель назад сотрудник комиссии связи Крэнстон вскользь упоминал о чем-то подобном, но Таннеру тогда показалось, что Крэнстон не придал этому большого значения. — Чего же там не хватает?

— Во-первых, двух ваших подписей. На страницах семнадцать и восемнадцать. Кроме того, в полугодовом перспективном плане по разделу хроники имеются большие пробелы.

Теперь Джон Таннер вспомнил. Это была вина Крэнстона. Семнадцатая и восемнадцатая страницы исчезли, когда папку с документами пересылали из Вашингтона на подпись Таннеру — так сообщили ему из юридического отдела компании. А пропуски по разделу хроники были обусловлены тем, что компания попросила отсрочить отчет по этому вопросу на один месяц, и Крэнстон снова дал свое согласие.

— Страницы, о которых вы говорите, не вложил в папку ваш сотрудник Крэнстон, можете проверить это сами. Что касается перспективного плана — отчет отложили на месяц. С согласия Крэнстона.

В трубке замолчали. Когда через несколько секунд Фоссет снова заговорил, в голосе его уже не было прежней благожелательности.

— При всем моем уважении к Крэнстону должен сказать, что он не был уполномочен принимать такие решения. Надеюсь, вы поняли...

— Да, разумеется. Документы уже готовы. Я вышлю их сегодня. Срочной доставкой.

— Боюсь, что будет поздно. Мы вынуждены просить вас прибыть сюда лично сегодня днем.

— Не понимаю, к чему такая спешка?

— Инструкции пишу не я. Я лишь слежу за их исполнением. Ваша компания нарушила установленные федеральной комиссией правила. Мы не можем мириться с таким положением дел. Не важно, кто виноват, важно другое: факт нарушения установленных норм. Давайте покончим с этим вопросом сегодня же.

— Хорошо. Но предупреждаю, что, если эта история инспирирована чинами из Госдепартамента, я обращусь к адвокатам компании, и все будет названо своими именами.

— Не понимаю, о чем вообще идет речь.

— Вы прекрасно меня понимаете. Я имею в виду вчерашнюю программу Вудворта.

Фоссет рассмеялся.

— Ах, вон вы о чем… Да, я что-то слышал. «Пост» раздула из этого целую историю… Можете не беспокоиться: мой звонок с этим не связан. Я уже дважды звонил вам в прошлую пятницу.

— В самом деле?

— Да.

— Подождите минутку. — Таннер нажал на кнопку «пауза», потом на кнопку «внутренняя связь». — Норма, — спросил он секретаршу, — этот Фоссет действительно звонил мне в пятницу?

Секретарша просмотрела список поступивших звонков.

— Возможно. Было два звонка из Вашингтона. Вас просили позвонить на телефонную станцию — оператор «тридцать шесть», — если вы вернетесь до четырех часов дня. Вы были в студии до половины шестого.

— А вы не спросили, кто звонил?

— Конечно спросила, но мне ответили, что дело потерпит до понедельника.

— Спасибо. — Таннер снова соединился с Фоссетом. — Это вы оставили номер оператора со станции?

— Да. Оператор «тридцать шесть». Вашингтон, до четырех часов дня.

— Почему вы не назвались, не сказали, какую фирму представляете?

— Была пятница, и я хотел освободиться пораньше. Вам стало бы легче, если бы я сказал, что у меня срочное дело, ас вы не смогли бы до меня дозвониться?

— Ну, хорошо, хорошо… Значит, вы не хотите, чтобы документы были посланы почтой?

— Мне очень жаль, мистер Таннер, но я выполняю инструкции. «Стандарт мьючиал» не какая-нибудь маленькая местная станция. Все документы вы должны были представить несколько недель назад… И к тому же, — Фоссет рассмеялся, — в вашей нынешней ситуации я бы вам не позавидовал, если бы в Госдепартаменте узнали об этом маленьком происшествии. Не подумайте, что это угроза. Мы не снимаем вины и со своей службы.

Джон Таннер улыбнулся. Фоссет был прав. Они действительно задержали подачу документов, и вступать в конфликт с бюрократической машиной Госдепартамента было неразумно, Он вздохнул.

— Я постараюсь успеть на ближайший рейс и буду у вас в три или немного позже. Где находится ваш кабинет?

— Я буду у Крэнстона. Мы найдем недостающие страницы, а вы привезете документы по перспективному плану. Мы понимаем, что это лишь проект, и не будем требовать от вас его точного выполнения.

— Хорошо. До встречи...

Таннер нажал еще одну кнопку и набрал номер домашнего телефона.

В трубке раздался голос жены.

— Привет, дорогая. Мне сегодня нужно слетать в Вашингтон.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, серьезного. Небольшие сложности с федеральной комиссией. Постараюсь успеть на обратный рейс в семь вечера. Я позвонил, чтобы ты не волновалась.

— Хорошо, милый. Мне приехать в аэропорт?

— Нет, я возьму такси.

— Ты правда не хочешь, чтобы я тебя встретила?

— Оставайся дома, я возьму такси. «Стэндарт» придется раскошелиться на двадцать долларов.

— Ты это заслужил. Кстати, я читала рецензии на программу Вудворта. Это просто триумф!

— Я повешу себе на грудь табличку «Таннер-триумфатор».

— Хотела бы я на нее посмотреть, — грустно усмехнулась Элис.

Она не упускала возможности даже в шутку уколоть его. У них не было проблем с деньгами, но Элис Таннер всегда казалось, что труд ее мужа оплачивается недостаточно высоко. Это был единственный повод для семейных ссор. Джону никак не удавалось объяснить жене, что значит взвалить на себя еще больше обязательств перед этим безликим гигантом.

— До вечера, Эли.

— Пока. Я люблю тебя...

Словно в ответ на упрек жены, Таннер заказал служебную машину и попросил отвезти его в аэропорт Ла-Гардиа. Возражений не было. В это утро он действительно был триумфатором.

В течение последующих сорока минут он дал несколько указаний и сделал пару деловых звонков. Последний звонок был в юридический отдел «Стэндарт мьючиал».

— Попросите, пожалуйста, мистера Харрисона... Алло, Энди? Привет, это Джон Таннер. Я тороплюсь, Энди. Мне нужно успеть на самолет. Я хотел кое-что у тебя уточнить. У нас есть что-нибудь по линии федеральной комиссии связи? Ну, какие-то недоделки... По разделу хроники я и сам знаю. Крэнстон сказал, что это терпит... Хорошо, я подожду... — Таннер побарабанил пальцами по диску. Мысли его по-прежнему крутились вокруг Фоссета. — Да, Энди. Я слушаю... Страницы семнадцать и восемнадцать. Подписи... Понятно. Хорошо, спасибо. Нет, нет, здесь все в порядке. Еще раз спасибо.

Таннер положил трубку и медленно поднялся. Харрисон подтвердил его подозрения. Все это выглядело очень странным. В комплекте сводок для федеральной комиссии не хватало двух заключительных страниц в четвертом и пятом экземплярах документов. Это были простые копии, и восстановить их на ксероксе не стоило труда. И все же эти страницы отсутствовали. Харрисон сказал:

— Я помню, что даже писал тебе записку об этом, Джон, мне тогда показалось, что эти страницы вытащили умышленно. Ума не приложу зачем...

Таннер этого тоже не знал.

* * *

Понедельник, половина четвертого

К удивлению Таннера, в аэропорту его встречал присланный федеральной комиссией автомобиль.

Офис Крэнстона находился на шестом этаже занимаемого комиссией здания. Сюда периодически вызывали директоров служб информации всех крупнейших телекомпаний.

Крэнстон всегда вел себя очень дипломатично. Ему удавалось сохранять хорошие отношения и с представителями телекомпаний, и с часто меняющейся администрацией комиссии. Возможно, поэтому Таннер испытывал неприязнь к Лоренсу Фоссету, который высокомерно заявил, что Крэнстон не уполномочен принимать такие решения.

Таннер никогда раньше не слышал о человеке по имени Лоренс Фоссет.

Джон распахнул дверь в приемную Крэнстона. Там никого не было. Стол секретарши был пуст — ни блокнота, ни карандашей, никаких документов.

Окна в приемной были зашторены. Свет падал через раскрытую дверь кабинета Крэнстона. Оттуда доносился ровный гул кондиционера. Неожиданно Таннер увидел на стене огромную тень шагавшего к нему человека.

— Добрый день, — раздался доброжелательный голос, ив дверном проеме появился мужчина. Он был на несколько дюймов ниже Таннера — примерно пять футов десять или девять дюймов, — широкоплеч и подтянут. Вероятно, одного возраста с Джоном, он выглядел значительно крепче его физически. Даже в его позе, подумалось Таннеру, есть что-то угрожающее.

— Мистер Фоссет?

— Совершенно верно. Входите, пожалуйста. — Вместо того чтобы вернуться в кабинет, Фоссет пересек приемную и запер входную дверь. — Так нам никто не помешает, — с вежливой улыбкой пояснил он.

— Что это значит? — удивленно произнес Таннер. Лоренс Фоссет обвел взглядом приемную.

— М-м... Я понимаю ваше недоумение... Проходите, пожалуйста.

Фоссет отступил, пропуская Таннера в кабинет, и шагнул за ним следом. Два окна, выходившие на улицу, были плотно зашторены. Таннер опешил, увидев на рабочем столе Крэнстона кроме двух пепельниц небольшой магнитофон с двумя дистанционными выключателями. Один находился у кресла Крэнстона, другой — на противоположной стороне, где к столу был придвинут стул.

— Это магнитофон? — недоуменно спросил Таннер, следя за Фоссетом.

— Да. Садитесь, пожалуйста.

Джон Таннер остался стоять. Когда он заговорил, в голосе его звучал едва сдерживаемый гнев.

— Нет, я не сяду... Я должен заявить вам, что мне все это не нравится. Ваши методы мне непонятны, или, вернее, слишком понятны. Вы напрасно рассчитываете записать наш разговор на магнитофон. Я буду говорить только в присутствии адвоката своей компании.

Фоссет прошел к столу Крэнстона.

— Ваш вызов сюда никак не связан с федеральной комиссией. Когда я объясню суть дела, вам станут понятны мои методы.

— Тогда объясняйтесь побыстрее, я не намерен здесь задерживаться. Меня вызвали в федеральную комиссию, чтобы согласовать сетку хроники, подготовленную «Стэндартом», и подписать две страницы сводок, которые ваше ведомство не позаботилось вовремя прислать. Вы дали понять, что наша беседа будет проходить в присутствии Крэнстона. Но я попадаю в пустой офис и... Я жду объяснений, в противном случае через час вы будете иметь дело с нашими адвокатами. И предупреждаю, если это как-то связано с репрессиями в отношении службы информации, то я ославлю вас на всю страну.

— Я очень сожалею... такой разговор всегда проходит трудно.

— Надо думать!

— Хорошо, слушайте. Крэнстон сейчас в отпуске. Мы использовали его имя, потому что с ним вы уже имели дело раньше.

— Вы хотите сказать, что намеренно солгали мне?

— Да, именно так. Зачем?.. Ключ к разгадке прост. Вы сказали: «Меня вызвали в федеральную комиссию связи», так, кажется? Мы хотели, чтобы именно так все и думали... Позвольте показать вам мои документы.

Лоренс Фоссет полез в нагрудный карман пиджака, достал оттуда документы и по столу подтолкнул их к Таннеру. Джон увидел визитную карточку Лоренса Фоссета, сотрудника Центрального разведывательного управления.

— Что все это значит? При чем тут я? — Таннер вернул Фоссету документы.

— Зато теперь, надеюсь, вы понимаете, зачем здесь магнитофон. Сейчас я покажу вам, как он работает. Прежде чем мы перейдем к сути дела, я должен задать вам несколько вопросов. У этого магнитофона два выключателя. Один — здесь, около меня, другой — перед вами. Если в ходе нашей беседы я задам вам вопрос, на который вы не захотите отвечать, то вам нужно будет нажать на выключатель, и магнитофон остановится. — Фоссет включил магнитофон, затем, перегнувшись через стол, нажал на кнопку, и лента остановилась. — Видите? Все очень просто. Я провел не одну сотню таких интервью. Вам не о чем волноваться.

— Это похоже на допрос без адвоката и без повестки в суд! Зачем все это нужно? Если вы намерены потом шантажировать меня, то вы сошли с ума.

— Нет-нет. Это будет обычная процедура выяснения личности... Я с вами полностью согласен: вы не более уязвимый объект для шантажа, чем

Джон Эдгар Гувер. Вдобавок вы контролируете службу новостей телекомпании, которая вещает на добрую половину штатов.

Таннер внимательно посмотрел на стоявшего напротив сотрудника ЦРУ. Фоссет прав. Его ведомство не стало бы пускать в ход столь примитивные методы по отношению к человеку, занимавшему такое положение, как Таннер.

— Что значит «обычное выяснение личности»? Вам прекрасно известно, кто я.

— Я уполномочен говорить с вами о чрезвычайно важном деле. Принимая во внимание исключительную ценность информации, которую мы намерены сообщить вам, мы, естественно, хотели бы принять некоторые меры предосторожности. Вы, вероятно, слышали, что во время Второй мировой войны некий актер — капрал Британской армии — изображал на нескольких официальных приемах в Африке фельдмаршала Монтгомери, и даже некоторые близкие друзья Монтгомери не смогли распознать подмену.

Таннер взял лежавший перед ним выключатель и попробовал, как он работает: включил магнитофон, затем снова выключил. Любопытство пересилило гнев. Он опустился на стул.

— Начинайте. Но помните, что я оставляю за собой право в любой момент отключить магнитофон и уйти.

— Согласен. Но с одним условием...

— Что? Никаких условий я не принимаю!

— Выслушайте меня, — мягко произнес Фоссет. — И вы все поймете.

— Хорошо. Начинайте, — сказал Таннер. Сотрудник ЦРУ достал картонную папку, открыл ее и включил магнитофон.

— Ваше полное имя Джон Реймонд Таннер?

— Неверно. По документам меня зовут Джон Таннер. Имя Реймонд мне было дано при крещении, оно не значится в свидетельстве о рождении.

Фоссет одобрительно улыбнулся.

— Очень хорошо. Ваше постоянное место жительства — Орчед-Драйв, двадцать два, Сэддл-Вэлли, штат Нью-Джерси?

— Да.

— Вы родились 21 мая 1924 года в Спрингфилде, штат Иллинойс, в семье Лукаса и Маргарет Таннер?

— Да.

— Когда вам было семь лет, ваша семья перебралась в Сан-Матео, штат Калифорния?

— Да.

— Почему вы переехали?

— Отца назначили администратором ряда крупных универмагов фирмы «Брайант Сторз»:

— Вы хорошо устроились?

— Да, очень.

— Вы получили образование в муниципальной школе Сан-Матео?

— Нет, два последних года я учился в частной школе «Уинг-стон Припаритори».

— После ее окончания вы поступили в Стэнфордский университет?

— Да.

— Вы были членом каких-либо студенческих братств или клубов?

— Да. Братства «Альфа Каппа», общества «Трайлон ньюс» и еще нескольких — названий я сейчас не припомню. Кажется я вступал в клуб любителей фотографии, но пробыл там недолго. Кроме этого, я работал в редакции университетской газеты, но ушел оттуда.

— Почему?

Таннер внимательно посмотрел на Фоссета.

— Я выступал против дискриминации нисеев[4]. Газета же это поддерживала. Я и сейчас считаю, что был тогда прав.

Фоссет снова улыбнулся.

— Вы были вынуждены прервать образование?

— Как и многие другие, в конце второго курса я ушел добровольцем в армию.

— Где вы проходили подготовку?

— В Форт-Беннинге, штат Джорджия. В пехоте.

— Третья армия? Четырнадцатая дивизия?

— Да.

— Вы были на европейском театре военных действий?

— Да.

— Ваше воинское звание первый лейтенант?

— Да.

— Офицерское звание получили в Форт-Беннинге?

— Нет. Звание лейтенанта мне присвоили во время боевых действий во Франции.

— Кажется, у вас было несколько наград?

— Нет, только благодарности. Наград не было.

— В Сент-Лу вы пролежали несколько недель в госпитале. Вы были ранены?

Таннер немного смутился.

— Вы прекрасно знаете, что нет. На моем личном деле нет красной полосы, — тем не менее, спокойно ответил он.

— Как вы попали в госпиталь?

— Я упал с джипа по дороге в Сент-Лу. Вывихнул ногу.

Оба улыбнулись.

— Вы демобилизовались в июле сорок пятого и в сентябре вернулись в Стэнфорд?

— Да... И как вам, очевидно, известно, мистер Фоссет, перешел с факультета английского языка на факультет журналистики. Окончив его в сорок седьмом году, получил степень бакалавра гуманитарных наук.

Не поднимая глаз от раскрытой папки с личным делом Таннера, Фоссет задал следующий вопрос:

— Учась на предпоследнем курсе, вы женились на Элис Маккол?

Таннер потянулся к кнопке и остановил запись.

— Я не буду отвечать на вопросы, касающиеся моей жены.

— Не волнуйтесь, мистер Таннер. Я просто уточняю личность вашей супруги... Мы не считаем, что за грехи отца должна нести ответственность его дочь. От вас не требуется ничего. Ответьте просто «да» или «нет».

Таннер снова включил запись.

— Да.

Теперь уже Лоренс Фоссет остановил магнитофон.

— Два следующих вопроса будут касаться обстоятельств вашей женитьбы. Я полагаю, вы не захотите отвечать на них?

— Вы правильно полагаете.

— Поверьте, они вполне невинны.

— Если бы это было иначе, я тотчас же покинул бы это помещение.

Эли достаточно натерпелась в жизни, и он, Таннер, не позволит никому вновь вытаскивать на свет ее личную трагедию.

Фоссет снова включил запись.

— От брака с Элис Маккол у вас двое детей. Мальчик Реймонд тринадцати лет и девочка Дженет восьми лет.

— Моему сыну двенадцать.

— Послезавтра у него день рождения… Вернемся немного назад. После окончания университета вы стали работать в «Сакраменто дейли ньюс»?

— Да, репортером. И кроме этого, переписчиком, курьером, кинокритиком и уличным продавцом газет, если оставалось время.

— Вы проработали там три с половиной года, после чего получили место в «Лос-Анджелес таймс»?

— Нет. Я пробыл в «Сакраменто» два с половиной года. Потом в течение следующего года я сотрудничал в «Сан-Франциско кроникл» и лишь после этого получил место в «Таймс».

— В «Лос-Анджелес таймс» вы проявили себя как талантливый репортер…

— Мне просто повезло. Вы, вероятно, имели в виду мои репортажи о ликвидации мафиозной группы в порту Сан-Диего?

— Да. Вас выдвигали на премию Пулитцера?

— Я ее не получил.

— А затем повысили в должности до редактора?

— Помощника редактора. Должность незавидная.

— Вы поработали в «Лос-Анджелес таймс» в течение пяти лет…

— Около шести, я полагаю…

— До января 1958-го, тогда вас пригласили в телекомпанию «Стандарт мьючиал».

— Верно.

— Вы состояли сотрудником отделения телекомпании в Лос-Анджелесе до марта 1963-го, затем вас перевели в Нью-Йорк. С того момента у вас было несколько повышений по службе?

— Переехав на восток, я получил должность редактора вечерней программы новостей. Затем курировал экстренные информационные выпуски и хронику, пока не был утвержден в своей настоящей должности.

— Какой?

— Директора информационной службы «Стандарт мьючиал». Лоренс Фоссет захлопнул папку и выключил магнитофон.

Затем он откинулся на спинку кресла и широко улыбнулся Таннеру.

— Вот видите, все оказалось не так уж и страшно.

— Вы хотите сказать, что это все?

— Нет… не все. Но с выяснением вашей личности мы закончили. Вы успешно справились с тестом. Вы дали достаточное количество неточных ответов, чтобы пройти его.

— Что?

— Такие вопросники, — Фоссет похлопал ладонью по папке, — разрабатывают у нас в службе дознания. Собираются умные головы и прогоняют все это через компьютер. Нормальный человек просто не способен ответить на все вопросы правильно. Если бы он ответил, это бы значило, что он слишком усердно запоминал. Ну, например, вы сотрудничали в «Сакраменто дейли ньюс» почти день в день три года, а не два с половиной, как вы сказали. Ваша семья перебралась в Сан-Матео, когда вам было восемь лет и два месяца, а не семь лет.

— Черт побери…

— Честно говоря, даже если бы вы ответили на все вопросы правильно, мы все равно выбрали бы вас. И все же я рад, что все прошло нормально. Мы должны были зафиксировать это на пленке… Ну а теперь, боюсь, мы подошли к более трудной части.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах… Я должен включить магнитофон. — Сделав это, он положил перед собой исписанный лист бумаги и произнес: — Джон

Таннер, я должен предупредить вас, что информация, которую я сейчас вам сообщу, является чрезвычайно секретной и важной. Клянусь, что наш разговор никогда не будет использован против вас или против членов вашей семьи. Разглашение того, что вы здесь услышите, будет являться преступлением против интересов государства, и вы можете преследоваться по Закону о национальной безопасности, раздел восемнадцатый, статья семьдесят третья... Вам понятно, что я сказал?

— Да. Только прошу учесть, что я пока не связан никакими обязательствами...

— Я понимаю, и потому в нашей беседе мы будем продвигаться к главному постепенно, в три этапа. После первого и второго вы можете, если захотите, попросить о прекращении разговора. В этом случае нам останется лишь надеяться на вашу сдержанность и лояльность по отношению к своему правительству. Однако если вы решите перейти к третьему этапу, в ходе которого вам будут изложены факты и названы имена, то тем самым вы примете на себя ответственность за соблюдение секретности. О последствиях этого шага вы предупреждены. Вам все ясно, мистер Таннер?

Таннер поерзал на стуле, посмотрел на крутящиеся катушки магнитофона, а затем поднял взгляд на Фоссета:

— Да, ясно, и я ни за что не соглашусь на это. Вы не имеете права, вызвав меня сюда под ложным предлогом, выдвигать требования, ставящие меня в двусмысленное положение.

— Я пока не спрашиваю о вашем решении. Меня интересует лишь, понятно ли вам то, что я сказал.

— Мне не нравится ваш тон. Если вы мне угрожаете, то катитесь к черту!

— Я просто оговариваю условия. При чем здесь угрозы? Разве вы не занимаетесь тем же самым каждый день, заключая контракты? Вы можете выйти из игры в любую минуту, до тех пор, пока я не назову вам имен. Разве это не логично?

Таннер понимал, что его собеседник прав, и любопытство все больше разгоралось в нем.

— Вы только что сказали, что это дело не имеет никакого отношения к моей семье, к моей жене... или ко мне, правда?

— Я поклялся вам в этом перед работающим магнитофоном.

Фоссет отметил, что Таннер добавил «или ко мне» после небольшой паузы. Он беспокоился в первую очередь о жене.

— Продолжайте.

Фоссет встал со своего кресла и направился к зашторенным окнам.

— Кстати, вам тоже не обязательно все время сидеть. В комнате установлены сверхчувствительные микрофоны. Разумеется, миниатюрные.

— Я посижу.

— Как угодно. Итак, начнем. Несколько лет назад до нас дошли слухи об операции советских спецслужб, которая при успешном осуществлении могла оказать разрушительное воздействие на американскую экономику. Мы пытались получить достоверную информацию, однако все наши старания были напрасными, операция была засекречена не меньше космических программ. Затем, в 1966 году, к нам был доставлен перебежчик — сотрудник восточногерманской разведки. От него нам удалось узнать о некоторых конкретных деталях этой операции. Он проинформировал нас о том, что восточногерманская разведка поддерживает связь с группой агентов на Западе, известной под названием «Омега». Если мы дойдем до второго этапа, я открою вам еще одно название той организации, которое вам многое объяснит. Так вот, перебежчик сообщил, что «Омега» регулярно направляет шифрованные донесения восточногерманской разведке. Два вооруженных курьера в обстановке строжайшей секретности доставляют их в Москву.

Функция «Омеги» стара, как сам шпионаж. Но теперь, в эпоху гигантских корпораций и бесчисленных конгломератов, весьма эффективна. Составлены списки, содержащие сотни, а теперь, возможно, уже и тысячи лиц, ставших жертвами чумы, Но не бубонной, а той, что называют шантажом. Люди, чьи имена попали в эти списки, занимают ключевые позиции в гигантских корпорациях. Многие из них имеют огромную экономическую власть; действуя согласованно, они могут породить настоящий экономический хаос.

— Не понимаю, зачем они станут это делать? Для чего им это нужно?

— Я уже ответил вам: шантаж. Все эти люди уязвимы. Поводов для шантажа — тысячи. Супружеская измена или сексуальные отклонения, введение в заблуждение или злоупотребление доверием партнера по бизнесу, манипуляции с ценами и товарами, уклонение от уплаты налогов. В списки «Омеги» занесено множество имен. Если эти люди откажутся подчиниться, их деловой карьере, положению в обществе, даже семейным отношениям грозит крах.

— По-моему, вы слишком низкого мнения о представителях делового мира. К тому же я убежден, что то, что вы рассказали, далеко от реальности. Во всяком случае, не все так мрачно, как вы описали. И вряд ли можно сегодня всерьез говорить об угрозе экономического хаоса.

— Вы так считаете? Фонд Кроуфорда провел глубокие исследования, касающиеся деятельности самых крупных представителей делового мира Соединенных Штатов в период с 1925-го по 1945 год. Результаты и сейчас, четверть века спустя, засекречены. Исследования показали, что тридцать два процента корпоративного финансового капитала в стране было получено в результате сомнительных, если не незаконных, сделок. Тридцать два процента!

— В это трудно поверить. Если бы это было правдой, то факты давно стали бы достоянием широкой гласности.

— Практически это невыполнимо. Последовала бы судебная война. Суд и деньги — вещи несовместимые... Теперь настала очередь конгломератов. Возьмите любую газету, откройте финансовую страницу и почитайте о биржевых махинациях, о подделках, об исках и встречных жалобах. Это золотая жила для «Омеги». Справочник по будущим кандидатам в заветные списки. Безгрешных людей нет. Кто-то предоставил необеспеченную ссуду, кто-то манипулировал уровнем цен на бирже, кто-то грешил с девочками втайне от супруги. «Омеге» не нужно глубоко копать. Нужно лишь точно ударить. Так, чтобы не уничтожить, а испугать.

Таннер отвернулся. Этот светловолосый разведчик говорил очень убежденно и открыто...

— Мне не хотелось бы думать, что вы правы.

Внезапно Фоссет шагнул назад к столу и выключил магнитофон: Катушки остановились.

— Почему? Важна даже не сама полученная ими информация — она иногда вполне невинна, — а то, как она подается. Возьмем, к примеру, вас. Предположим — только предположим, — что в вечерней газете Сэддл-Вэлли напечатают о событиях, происходивших более двадцати лет назад в окрестностях Лос-Анджелеса. Ваши дети ходят в местную школу, жена дружит с соседями... Как вы думаете, долго вы сможете оставаться там после такой заметки?

Таннер вскочил с кресла и рванулся к Фоссету, его трясло от ярости. Он негодующе произнес:

— Это подло!

— Таковы приемы «Омеги», мистер Таннер. Успокойтесь... Я привел этот пример, чтобы вы поняли, что жертвой «Омеги» может стать практически любой. — Фоссет снова включил магнитофон и после того, как Таннер обессиленно рухнул в свое кресло, продолжил: — Итак, «Омега» существует. Мы подходим к концу первой части нашего разговора.

— Вот как?

Лоренс Фоссет сел за стол и смял в пепельнице сигарету. Он улыбнулся, увидев, как нахмурившийся Таннер полез в карман и достал свою пачку.

— Нам стало известно, — продолжал Фоссет, — что руководителями «Омеги» назначена точная дата, когда должен разразиться хаос... Я не сообщу вам ничего нового, если скажу, что наша и советская разведки нередко обменивают провалившуюся агентуру.

— Мне это известно.

— Один наш сотрудник за двоих или троих их агентов — это обычное соотношение...

— Об этом я тоже знаю.

— Двенадцать месяцев назад на границе с Албанией произошел один из таких обменов. Ему предшествовало сорок пять дней непрерывных переговоров. Я был там, и поэтому сейчас я беседую с вами. Там в контакт с нашей группой вступили несколько человек из советской дипломатической службы. Я могу охарактеризовать их одним словом — «умеренные». Таких, как они, — политиков, придерживающихся умеренных взглядов, — немало и здесь; у нас.

— Я знаю, кому противостоят «умеренные» здесь. А в Советском Союзе?

— Там есть свои «ястребы». Вместо Пентагона — военно-промышленный комплекс, сторонники твердой линии в Политбюро. Те, кто уповает на военную силу.

— Понятно.

— Нам сообщили, что советские спецслужбы определили дату заключительной стадии этой операции. Сотни влиятельных лиц в американском деловом мире под угрозой краха их личного благополучия будут вынуждены выполнить данные им инструкции, результатом которых окажется всеобъемлющий финансовый кризис. Экономический хаос — не миф, он реален.

— Надо полагать, это конец первой части нашего разговора?

Таннер поднялся со своего кресла и достал из пачки сигарету. Он несколько раз прошелся вдоль стола и повернулся к своему собеседнику.

— И, получив такую информацию, я могу беспрепятственно уйти отсюда?

— Вам решать.

— Видит Бог, вы постарались втянуть меня в эту трясину слишком глубоко... Я не выключаю магнитофон. Продолжайте.

— Очень хорошо. Итак, часть вторая... Мы знали, что агентура «Омеги» состоит из того типа людей, на которых она же охотится. Это вполне естественно, в противном случае ей никогда не удалось бы установить контакты с теми, кто уязвим для шантажа. Так что в общих чертах мы знали, кого искать. Людей, которые смогли бы внедриться в крупные корпорации, тех, кто либо служит непосредственно в них, либо работает на них и общается со своими жертвами. Как я уже говорил, «Омега» — это одно кодовое название агентурной группы. Есть еще и другое, имеющее отношение к географии. Скажем, это название небольшого городка. Для них это своего рода центр по обработке и передаче сведений, пройдя который информация считается достоверной и получает гриф особой секретности. Географическому кодовому названию «Омеги» трудно дать адекватный перевод, пожалуй, самое близкое значение — это «кусок кожи» или «козлиная шкура».

— "Кусок кожи"? — Таннер стряхнул пепел. — Да. Имейте в виду, это стало известно около трех лет назад. После полуторагодового напряженного расследования мы пришли к выводу, что «Кусок кожи» это, вероятно, один из одиннадцати отобранных нами населенных пунктов, разбросанных по территории страны.

— А точнее, городок Сэддл-Вэлли[5] в штате Нью-Джерси.

— Не будем торопиться.

— Я угадал?

— Мы внедрили в эти населенные пункты свою агентуру, — продолжал Фоссет, не обращая внимания на вопрос Таннера, — и произвели проверку местных жителей — это очень дорогая процедура, — и по мере углубления поисков мы все больше склонялись к тому, что «Кусок кожи» — это, как вы правильно догадались, местечко Сэддл-Вэлли. Была проведена скрупулезнейшая работа: анализ пыли, водяные знаки на почтовой бумаге, переданной нам восточногерманским перебежчиком, проверка и перепроверка тысяч других предметов... Но решающее значение имела, конечно, информация о некоторых жителях интересующего нас населенного пункта, на которых мы вышли в результате наших поисков.

— Я думаю, вам пора переходить к главному.

— Хорошо, что вы решили идти до конца. Я уже почти подошел к концу второй части нашего разговора... — Таннер молчал, поэтому Фоссет продолжил: — Дело в том, что вы могли бы оказать нам неоценимую помощь. В одной из самых секретных в истории американо-советских

отношений разведывательных операций вы можете сделать то, что не способен сделать никто, кроме вас. Возможно, это вас заинтересует, потому что в данном случае «умеренные» обеих стран действуют заодно.

— Поясните, пожалуйста.

— Только фанатики способны прибегнуть к такому варварскому способу борьбы. Победа «умеренных» была бы на благо обеим нашим странам. Разоблачение «Омеги» является необходимым условием на пути к этому. Мы должны предотвратить надвигающуюся катастрофу.

— Но чем я могу помочь?

— Вам известна агентура «Омеги». Не удивляйтесь, мистер Таннер, именно вам.

Таннер вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха, у него внезапно остановилось сердце. Он ощутил, как кровь прихлынула к лицу, и на мгновение все поплыло перед глазами. Задыхаясь, он едва смог вымолвить:

— Ваше заявление... Я не нахожу слов... Просто неслыханно!

— На вашем месте я, вероятно, тоже счел бы его неправдоподобным. Тем не менее, это правда.

— И это, как я понял, конец второй части?.. Мерзавец! Сукин сын! — свистящим шепотом произнес Таннер.

— Называйте меня как хотите. Можете даже ударить. Я не отвечу... Я говорил вам, что уже не первый раз провожу такие беседы.

Таннер вскочил со стула и схватился за голову. Он отвернулся от Фоссета, затем снова резко повернулся к нему.

— А если вы ошиблись? — прошептал он. — Что, если ваша идиотская служба допустила ошибку?

— Ошибки нет... Возможно, мы выявили не всю агентуру «Омеги», но мы максимально сузили круг причастных к ней лиц. Ваше положение уникально.

Таннер подошел к окну и стал поднимать шторы.

— Не прикасайтесь к ним! Оставьте все как есть! Фоссет рванулся к окну и схватил Таннера за запястье. Тот, прищурившись, посмотрел в глаза разведчику и четко произнес:

— Уйдя отсюда теперь, я обречен жить с сознанием того, что где-то рядом со мной враг. Я не буду знать, с кем я разговариваю на улице!.. Я

надолго запомню, как вы схватили меня за руку в страхе, что кто-нибудь выстрелит в окно, если я подниму штору.

— Не стоит драматизировать… Это простая предосторожность…

Таннер вернулся к своему месту, но садиться не стал.

— Будьте вы прокляты… — тихо сказал он. — Вы знали, что я не смогу уйти.

— Вы принимаете условия?

— Да, принимаю.

— Я должен попросить вас подписать вот это. Фоссет достал из картонной папки лист бумаги и положил его перед Таннером. Это было краткое изложение Закона о национальной безопасности и предусмотренных им мер наказания. «Омега» именовалась в нем расплывчато — «Объект А, о котором шла речь в ходе магнитофонной записи». Таннер подписался и остался стоять, не сводя вопросительного взгляда с Фоссета.

— Теперь я задам вам несколько вопросов. — Фоссет забрал у Таннера лист и снова вложил его в папку. — Знакомы ли вы с людьми, которых я сейчас назову?.. — Он сделал паузу. — Ричард Тримейн и его жена Вирджиния. Ответьте, пожалуйста.

Ошеломленный Таннер едва слышно пробормотал:

— Да.

— Джозеф Кардоун, урожденный Джузеппе Амбруззио Кардионе, и его жена Элизабет.

— Знаком.

— Бернард Остерман и его жена Лейла.

— Да.

— Громче, пожалуйста, мистер Таннер.

— Я сказал «да»! — почти выкрикнул Таннер.

— Ставлю вас в известность, что кто-то из них, а возможно, и все три названные супружеские пары являются важнейшими звеньями в агентурной цепи «Омеги».

— Вы сошли с ума! Это невозможно.

— Возможно. Я рассказывал о переговорах на албанской границе. Так вот, тогда нам сообщили, что «Омега» базируется в одном из пригородов

Нью-Йорка — это подтвердилось благодаря проведенному нами анализу. Нам передали также, что в составе организации супружеские пары, фанатически преданные идее советской военной экспансии. Деятельность этих людей щедро оплачивается. Названные мной лица — Тримейны, Кардоуны и Остерманы — имеют секретные банковские счета в Цюрихе, в Швейцарии, размеры которых намного превосходят суммы декларированных ими доходов.

— Этого не может быть!

— Даже если допустить возможность совпадения — хотя мы тщательнейшим образом все проверили, — вас в любом случае используют как прикрытие. Вы — журналист с безупречной репутацией. Мы не утверждаем, что все названные супружеские пары являются участниками преступных операций. Возможно, кто-то из них используется в качестве приманки или прикрытия — так же, как и вы. Но это маловероятно. Доказательства? Счета в швейцарских банках, профессии, необычные обстоятельства вашего знакомства и сближения — все это указывает на их принадлежность к организации.

— Но почему тогда вы исключили меня? — упрямо пробормотал Таннер.

— Вся ваша жизнь с момента рождения была тщательным образом изучена профессионалами. Если мы ошиблись, нам нечего больше делать в разведке.

Таннер в изнеможении опустился на стул.

— Что вам нужно от меня?

— По нашей информации, Остерманы в пятницу вылетают на восток и проведут выходные у вас. Это так?

— Было так.

— Не нужно ничего менять. Ни во что не вмешивайтесь.

— Но теперь это невозможно.

— Это единственный способ помочь нам. Всем нам. Мы надеемся, что сможем разоблачить «Омегу» во время этого уик-энда. При условии, что вы окажете нам содействие. Без этого у нас ничего не выйдет.

— О каком содействии вы говорите?

— До приезда Остерманов остается четыре дня. Все интересующие нас лица — Остерманы, Тримейны и Кардоуны — будут подвергнуты психологическому давлению. Анонимные телефонные звонки, телеграммы, посланные через Цюрих, случайные встречи в кафе и на улице — все-это будет сделано с единственной целью: внушить им

мысль, что Джон Таннер не тот, за кого он себя выдает, а двойной агент или, к примеру, информатор КГБ, или, наоборот, опытный агент нашей разведслужбы. Информация, которую они получат, рассчитана на то, чтобы встревожить их, вывести из равновесия.

— И тем самым вы подвергнете мою семью смертельной опасности. Я этого не допущу! Они убьют всех нас!

— Этого они не сделают.

— Почему же? Если хотя бы малая часть того, что вы здесь говорили, правда, они вполне способны пойти на убийство. Но я же знаю этих людей! Я не верю в то, что они могут быть замешаны в этом.

— Если так, то никакой опасности для вас нет. Если они все — или хотя бы одна из названных пар — не замешаны в деятельности «Омеги», они немедленно сообщат об инцидентах в полицию или в ФБР. Мы будем начеку. Если кто-то из них сделает заявление, а другой или другие промолчат, мы будем знать, кто из них агент «Омеги».

— А... а если, предположим, вы окажетесь правы, какие вы можете дать мне гарантии?

— Я уже говорил вам, что информация против вас будет ложной. «Омега», естественно, использует все свои возможности, чтобы проверить ее непосредственно через Кремль. Наши союзники там будут к этому готовы. Из Москвы им ответят правду, что вы — просто Джон Таннер, директор службы информации, и не участвуете ни в каких секретных операциях. Ловушка будет ждать их дальше. Москва сообщит тому, кто станет наводить о вас справки, что следует опасаться не вас, а остальных. Что кто-то из них отступник. Мы разделим их, посеем между ними недоверие и вражду.

— Это только слова. На словах всегда все легко.

— Но поймите, любая попытка покушения на вас или на членов вашей семьи поставит под угрозу спланированную ими операцию. Они не станут рисковать. Проделана слишком большая подготовительная работа. Я уже говорил вам — это фанатики. До начала решительных действий им осталось чуть больше месяца.

— Простите меня, но то, что вы сказали, никак не гарантирует безопасности моей семьи, скорее наоборот.

— Что ж... Вас успокоит, если каждого члена вашей семьи будут охранять минимум два вооруженных агента? Они будут нести дежурство круглосуточно, находясь на расстоянии не более пятидесяти ярдов.

— Теперь я знаю, что вы сумасшедший. Вы просто не представляете, что такое Сэддл-Вэлли. Незнакомцев, праздно шатающихся по округе, там быстро выдворяют из города. Мы попросту станем удобной мишенью…

Фоссет улыбнулся.

— В данный момент мы располагаем в Сэддл-Вэлли тринадцатью агентами. Все тринадцать — местные жители.

— Господи помилуй! — пробормотал Таннер. — Грядет год тысяча девятьсот восемьдесят четвертый?[6]

— Время, в которое мы живем, тоже требует осторожности и бдительности.

— В конце концов, у меня нет выбора, я правильно вас понял? — Таннер указал на магнитофон и лежащую рядом папку с документом, который он только что подписал. — Теперь я у вас на крючке.

— По-моему, вы склонны слишком драматизировать происходящее.

— Нет, напротив, я реально смотрю на вещи… Мне придется выполнить все, что вы от меня потребуете. Единственная альтернатива — исчезнуть… Но тогда вы станете за мной охотиться, вы и — если все, что вы сказали, правда, — эта «Омега».

Фоссет встретил взгляд Таннера без тени смущения. Журналист правильно понял ситуацию, и Фоссета это устраивало.

— Только шесть дней, — с улыбкой произнес Фоссет. — Всего шесть дней, а впереди целая жизнь.

* * *

Понедельник, восемь часов вечера

Полет из аэропорта Даллас в Ньюарк был как кошмарный сон. Таннер не чувствовал усталости. Он видел перед собой то холодные пронизывающие глаза Лоренса Фоссета, устремленные на него поверх вращающихся катушек магнитофона, то лица Лейлы и Берни Остерман, Дика и Джинни Тримейн, Джо и Бетти Кардоун. В ушах звучал бесстрастный голос Фоссета, задающий одни и те же вопросы. Голос становился все громче и громче.

Он прилетит в Ньюарк, и этот кошмар кончится. Он просто передал Лоренсу Фоссету подготовленный проект и подписал недостающие страницы отчета…

Увы! Но это было не так.

Час езды от Ньюарка до Сэддл-Вэлли прошел в молчании: таксист понял настроение пассажира, который без конца курил и даже не ответил на традиционный вопрос, как прошел полет.

Взгляд Таннера уперся в указатель, выхваченный из темноты светом автомобильных фар:

Сэддл-Вэлли Инкорпорейтед 1862 Добро пожаловать!

Надпись промелькнула, оставив в мозгу саднящее: «Кусок кожи». Невероятно!

Через десять минут такси остановилось перед его домом. Он вышел и рассеянно протянул водителю деньги.

— Спасибо, мистер Таннер, — сказал тот.

— Что? Что вы сказали?! — стряхивая оцепенение, встревоженно произнес Таннер.

— Я сказал: «Спасибо, мистер Таннер».

Таннер рванулся вперед и, схватившись за ручку передней дверцы, резко дернул ее на себя.

— Откуда тебе известно мое имя? Отвечай быстро, откуда ты знаешь мое имя? — На лбу его выступили капли пота, глаза дико сверкали.

«Ненормальный», — решил таксист и незаметно нашарил левой рукой тонкую свинцовую трубку, которая всегда лежала у него под сиденьем.

— Послушай, Мак, — миролюбиво сказал он, зажав покрепче трубку, — если ты не хочешь, чтобы люди знали твой имя, убери табличку со своих ворот.

Таннер попятился и оглянулся. На лужайке перед домом стоял металлический столб, с поперечины которого на цепи свисала лампа. Над ней в отблесках света была хорошо видна табличка:

Джон и Элис Таннер, Орчед-Драйв, 22.

Он тысячу раз смотрел и на эту лампу, и на надпись на столбе: «Джон и Элис Таннер, Орчед-Драйв, 22». Однако сейчас ему казалось, что он видит ее впервые.

— Прости, парень. Я немного устал сегодня. Плохо переношу самолет.

Поднимая стекло, водитель едко заметил:

— Значит, вам нужно ездить поездом, мистер. Или ходить пешком!

Такси с ревом рванулось с места, а Таннер повернулся к своему дому. Дверь отворилась. Навстречу ему, радостно лая, выскочила собака. На пороге, в полосе света, стояла Элис и улыбалась.

* * *

Вторник, половина четвертого утра по калифорнийскому времени

Белый французский телефон с приглушенным звонком прозвонил уже раз пять. Сквозь сон Лейла подумала, что глупо было ставить его на стороне Берни: такой звонок никогда не будил его.

Она толкнула мужа локтем.

— Дорогой... Берни! Берни! Телефон...

— Что? — Остерман смущенно протер глаза. — Телефон? О опять этот чертов телефон! Его совсем не слышно... Он протянул руку и нащупал в темноте аппарат.

— Да? Международный?.. Да... Да, это Бернард Остерман. — Он прикрыл рукой трубку, сел в кровати и повернулся к жене: — Который час?

Лейла включила настольную лампу и взглянула на часы.

— Господи! Еще только половина четвертого...

— Наверное, какой-нибудь идиот по поводу гавайского сериала. У них там сейчас нет и полуночи...

Берни замолчал, слушая голос телефонистки в трубке.

— Да-да, я жду... Это откуда-то издалека, дорогая... Если опять с Гавайев, то пусть сажают за машинку своего продюсера. С нас хватит. Не нужно было вообще браться за это дело... Да! — почти крикнул он в трубку. — Да. И пожалуйста, побыстрее, хорошо?

— Помнишь, ты говорил, что хочешь увидеть эти острова, когда на тебе не будет военной формы?

Вопрос Лейлы остался без ответа.

— Я прошу прощения... Да, да, это Бернард Остерман, черт возьми! Да! Что? Да, спасибо!.. Здравствуйте! Я вас плохо слышу... Да, теперь лучше... Кто это? Кто?.. Что вы сказали?.. Кто вы? Назовите свое имя. Я вас не понимаю. Да, я слышал, что вы сказали, но я не понимаю... Послушайте! Эй, подождите! Я говорю, подождите!

Остерман резко спустил ноги с кровати. Одеяло упало на пол. Он застучал по рычагу телефона.

— Станция! Станция! Нас разъединили!

— Почему ты кричишь? Что тебе сказали?

— Он... этот сукин сын бубнил что-то насчет того, что нам следует остерегаться какого-то Тэна... Так он сказал — Тэн-эн. Он повторил несколько раз, пока не убедился, что я услышал. Тэн-эн... Что за чертовщина!

— Как ты сказал?

— Тэн-эн. Он это без конца повторял! — Но это бессмыслица... Звонок был с Гавайев? Ты понял, откуда звонили?

Остерман растерянно посмотрел на жену.

— Да. Это я хорошо расслышал. Звонок был из Лиссабона. Из Португалии.

— Но мы ни с кем не знакомы в Португалии!

— Лиссабон, Лиссабон... — несколько раз негромко повторил Остерман. — Лиссабон... Лиссабон соблюдал нейтралитет.

— Что ты имеешь в виду?

— Тэн-эн.

— Тэн... тан. Таннер. Может быть, это Джон Таннер?

— Нейтралитет!

— Это Джон Таннер, — спокойно подытожила Лейла. — Джонни?.. Но что значит «остерегайтесь»? Чего мы должны остерегаться? И зачем понадобилось звонить в половине четвертого утра?

Лейла села на постели и потянулась за сигаретой.

— У Джонни есть враги. Ему до сих пор не могут простить Сан-Диего.

— Сан-Диего — да. Но при чем тут Лиссабон?

— На прошлой неделе «Дэйли вэрайети» сообщила, что мы собираемся в Нью-Йорк, — глубоко затянувшись, продолжала Лейла. — И что, возможно, мы остановимся у своих бывших соседей Таннеров.

— И что же?

— Может быть, нам сделали слишком хорошую рекламу?

Она внимательно посмотрела на мужа.

— Пожалуй, я позвоню Джонни. — Он потянулся к трубке. Лейла перехватила его руку.

— Ты что, с ума сошел?

Остерман откинулся на подушки.

* * *

Джо открыл глаза и посмотрел на часы. Семь двадцать две. Пора вставать, позаниматься на тренажерах и, может быть, дойти до клуба сыграть партию в гольф.

Он всегда поднимался рано. Бетти же, если ее не разбудить, могла проспать до полудня. У каждого из них была своя двуспальная кровать. Джо считал, что если два человека спят в одной постели под одним одеялом, благотворное воздействие ночного сна на организм снижается почти на пятьдесят процентов. Два разнотемпераментньгх тела пагубно действуют друг на друга. Секс сексом, но хорошо выспаться можно только порознь. Пара двуспальных кроватей — вот то, что нужно.

Покрутив минут десять педали велотренажера, он взялся за восьмифунтовые гантели. Через толстую стеклянную дверь он видел, что парная уже готова.

На стене, над часами, загорелась лампочка. Кто-то звонил у парадного. Джо смонтировал здесь устройство, передающее сигнал звонка, на случай, если никого не будет дома, а он окажется в спортзале или в парной.

Странно: часы показывали семь тридцать — у жителей Сэддл-Вэлли не принято наносить визиты в столь ранний час. Он положил гантели на пол и направился к переговорному устройству.

— Да? Кто это?

— Вам телеграмма, мистер Кардионе.

— Кому?

— Здесь написано — Кардионе.

— Моя фамилия Кардоун.

— Ваш адрес Эппл-Плейс, одиннадцать?

— Да. Подождите. Сейчас я выйду.

Он сорвал, с вешалки полотенце и, завернувшись в него, поспешил к выходу из спортзала.

«Все это очень странно», — встревоженно думал Джо.

Он подошел к парадному и распахнул дверь. На пороге стоял щуплый человек в форме почтового служащего и неторопливо жевал резинку.

— Почему вы не прочли ее по телефону? Ведь еще очень рано...

— Там было сказано — отдать лично в руки. Мне пришлось ехать сюда пятнадцать миль, мистер Кардионе. У нас круглосуточная служба доставки.

Кардоун расписался на бланке, который протянул ему почтальон.

— Почему пятнадцать миль? У Западного союза есть отделение в Ридж-парке.

— Мы не из Западного союза, мистер. Телеграмма пришла из Европы.

Кардоун взял из рук почтальона конверт.

— Подождите минутку.

Он не хотел показывать, что взволнован, и поэтому не спеша направился в гостиную, где, как он помнил, на крышке рояля лежал кошелек Бетти. Он взял оттуда два долларовых банкнота и вернулся к двери.

— Пожалуйста. Извините за беспокойство.

Захлопнув дверь, он быстро разорвал конверт.

"L'uomo bruno palido non e amico del Italiano. Guarda bene vicini di questa maniera. Proteciate per la fina della settimana.

Da Vinci".

Кардоун прошел в кухню, взял с телефонной полки карандаш и сел к столу. На обложке журнала он написал перевод:

"Светлокожий человек не любит итальянцев. Остерегайся таких соседей. Будь особенно осторожен в конце недели.

Да Винчи".

Что это могло значить? Светлокожие соседи? Но в Сэддл-Вэлли нет негров. Послание казалось бессмысленным.

Внезапно Джо Кардоун похолодел. Светлокожим соседом мог быть только Джон Таннер. Конец недели — пятница... В пятницу приезжают Остерманы. Некто из Европы сообщал ему, что следует остерегаться Джона Таннера и приближающегося уик-энда.

Он схватил телеграмму и взглянул на обратный адрес: Цюрих.

О Боже! Цюрих! Кто-то в Цюрихе, назвавшийся именем да Винчи, предупреждает его! Ему известно настоящее имя Кардоуна, он знает Джона Таннера...

Кардоун невидящим взглядом смотрел в окно на внутренний двор. Да Винчи. Да Винчи!

При чем тут Леонардо?

Художник, ученый, военный инженер… Бессмыслица.

Джо похолодел — может быть, телеграмма имеет отношение к его делам с итальянскими мафиози? Боже! Но кто же? Кто же? Кастеллано? Бателла? Может быть, Латроне?

Кто из них разгневался на него? И почему? Он ведь был другом…

Дрожащими руками Кардоун расправил на столе телеграмму и еще раз вчитался в текст. Каждая следующая фраза, казалось, таила в себе все более угрожающий смысл.

Таннер! Наверное, Таннер что-то пронюхал. Но что?

И почему телеграмма прислана из Цюриха?

Какое отношение к Цюриху могут иметь итальянские кланы?

А может быть, Остерманы?

Что же стало известно Таннеру? Что он собирается предпринять? Один из людей Бателлы, помнится, как-то странно назвал Таннера… но как?

«Volturno!» Ястреб, «…не любит итальянцев… Остерегайся… Будь осторожен…»

Чего он должен остерегаться? О какой осторожности идет печь? Он, Джон Кардоун, не был членом синдиката. Что он мог знать?

Но сообщение да Винчи пришло из Швейцарии. И это делало возможным самое страшное — то, о чем он боялся даже подумать. «Коза ностра» узнала о Цюрихе! Они используют это против него. Чтобы спасти себя, он должен выполнить то, чего они от него требуют, — обезвредить «светлокожего человека», врага итальянцев. Он должен предотвратить то, что задумал Джон Таннер, иначе дни его сочтены.

Цюрих! Остерманы!

Он сделал то, что считал нужным сделать, чтобы выжить. Остерман уверил его в полной безопасности этого шага. Но теперь все оказалось в чужих руках. Теперь рассчитывать на Берни нельзя.

Джо Кардоун вышел из кухни и вернулся в спортзал. Не надевая перчаток, он стал молотить кулаками по груше. Быстрее, быстрее. Сильнее. Резче… В мозгу его зловеще ухало:

«Цюрих! Цюрих! Цюрих!»

* * *

В шесть пятнадцать Вирджиния Тримейн услышала, как муж встал с постели. Она сразу поняла — что-то случилось. Он редко просыпался так рано.

Она подождала несколько минут, но муж не возвращался, и Джинни, накинув махровый халат, спустилась вниз. Он стоял в нише у окна в гостиной и курил, держа в другой руке небольшой листок бумаги.

— Что ты делаешь?

— Смотрю вот на это, — тихо ответил он.

— На что? — Она взяла лист из его рук.

"Остерегайтесь своего приятеля-журналиста. Его дружеские чувства лживы. Он не тот, за кого себя выдает. Возможно, нам придется взять на заметку его гостей из Калифорнии.

Блэкстоун".

—Что это такое? Откуда ты это взял? — Я услышал странный шум под окнами минут двадцать назад. Потом заработал мотор автомобиля: тише — громче, тише — громче... Я думал, ты тоже слышишь — ты натянула на голову одеяло.

— Да, кажется, слышала, но не обратила внимания.

— Я спустился и открыл дверь. Прямо передо мной на коврике лежал конверт.

— Что это может значить?

— Пока не знаю.

— Кто такой Блэкстоун?

— Скорее всего, что никто. Просто вымышленная фамилия, чтобы письмо не выглядело анонимкой. — Ричард Тримейн опустился в кресло и аккуратно затушил в пепельнице недокуренную сигарету. — Подожди, пожалуйста. Дай мне подумать...

Вирджиния Тримейн снова взглянула на лист с загадочным текстом.

— "Приятеля-журналиста..." О ком это?

— Вероятно, Таннер снова что-то раскопал, и тот, кто писал эту записку, испугался. Теперь они, очевидно, хотят, чтобы я тоже запаниковал.

— Зачем?

— Не знаю. Может быть, они рассчитывают, что я могу помочь им. И угрожают на случай, если я откажусь. Угрожают всем нам Цюрихом.

— О Господи! Они узнали! Кто-то разнюхал.

— Похоже на то.

— Ты думаешь, что Берни мог испугаться и рассказать обо всем?

У Тримейна дернулось веко.

— Он еще не сошел с ума. Сделать это — значит подписать себе приговор. И здесь и там. Нет, только не это...

— Тогда что?

— Тот, кто написал эту записку, либо мой бывший клиент, либо один из тех, кому я отказал. А может быть, он как раз тот, с кем я сейчас работаю. Возможно, папка с его делом сейчас лежит у меня на столе... Очевидно, Таннер узнал что-то и собирается поднять шум. Они хотят, чтобы я остановил его. Если я этого не сделаю, меня уничтожат. До того, как я смогу что-то предпринять... До того, как Цюрих сможет прийти нам на помощь.

— Они не посмеют тебя тронуть! — в отчаянии воскликнула Джинни.

— Ну-ну, дорогая. Не будем себя обманывать. Для широкой публики я — преуспевающий адвокат, специалист по экономическим вопросам, для правления корпораций — просто толковый маклер. Всем прекрасно известно, что время от времени заключаются крупные незаконные сделки. Незаконные. Или фиктивные.

— У тебя неприятности?

— Да нет... Я всегда могу сказать, что был неправильно информирован. Судьи меня любят.

— Тебя уважают! Ты работаешь больше их всех! Ты самый лучший адвокат на свете!

— Хотелось бы так думать.

— Это так и есть!

Ричард Тримейн задумчиво смотрел в окно на лужайку перед домом.

— Забавно... — Он усмехнулся. — Но ты, пожалуй, права. Я действительно один из лучших в системе, которую презираю... В системе, которую Таннер разнес бы в пух и прах в первой же своей программе, если бы только узнал, какой механизм приводит ее в действие. Вот о чем сказано в этой записке...

— Я думаю, что ты не прав. Наверное, писал кто-то из тех, кто хочет свести с тобой счеты. Тебя просто запугивают.

— И надо признаться, не безуспешно. То, чем я занимаюсь, действительно ставит нас с Таннером по разные стороны баррикад. Во всяком случае, он так считал бы, если... если бы знал всю правду... — Тримейн перевел взгляд на жену и вымученно улыбнулся. — Правду знают в Цюрихе, но это не мешает им относиться ко мне с доверием.

* * *

Вторник, половина десятого утра по калифорнийскому времени

Остерман бесцельно слонялся по съемочному павильону, стараясь не вспоминать о звонке. Однако это ему плохо удавалось.

До утра ни он, ни Лейла больше уже не смогли заснуть и пытались понять, что все это может значить. Когда все возможные варианты были исчерпаны, возникли и другие вопросы. Почему позвонили именно ему? Кому и зачем это могло понадобиться? Может быть, Таннера преследуют за какое-нибудь из сделанных им сенсационных разоблачений? Но если так, тогда какое отношение к этому имеет он, Берни Остерман?

Таннер никогда не говорил с ним о конкретных проблемах своей работы. Разговор, если он заходил, касался каких-то общих положений. У Джона была своя точка зрения на проблемы несправедливости. Их мнения о том, что можно считать честной игрой на рынке, часто расходились, потому они предпочитали попросту не обсуждать этих вопросов.

В глазах Берни Таннер всегда был счастливчиком, которому не довелось хлебнуть в жизни горя. Ему не приходилось видеть, как, возвращаясь домой, отец объявляет, что потерял работу. Или как мать до полуночи перешивает обноски, чтобы сыну было в чем утром идти в школу. Таннер мог позволить себе праведный гнев — ведь свое дело он всегда делал достойно. Но многого он был просто не способен понять. Именно поэтому Берни никогда не заговаривал с ним о Цюрихе.

— Эй, Берни! Постой-ка! — Эд Памфрет, толстый суетливый продюсер средних лет, поравнялся с ним и зашагал рядом.

— Привет, Эдди! Как дела?

— Прекрасно! Я звонил тебе в офис, но девушка ответила, что ты вышел.

— Сегодня нет работы.

— Мне все передали. Тебе, наверное, тоже? Рад буду поработать с тобой.

— Да?.. Я ничего не слышал. Над чем мы работаем?

— Ты что? Шутишь? — В глазах Памфрета сверкнула обида: ему всегда казалось, что им пренебрегают как неудачником.

— Какие шутки? Я все заканчиваю здесь на этой неделе. Что еще за работа? О чем ты говоришь? Кто тебе передал?

— Ну, этот новенький... из секретариата позвонил мне сегодня утром. Я забираю половину сериала о перехватчиках. Он сказал, что ты делаешь четыре серии. Идея мне понравилась.

— Какая идея?

— Ну, план сценария... Три человека проворачивают выгодное дельце в Швейцарии. Сюжет прямо-таки захватывающий...

Остерман резко остановился и сверху вниз посмотрел на Памфрета.

— Кто подослал тебя?

— Как подослал?

— Нет никаких четырех серий. И никаких сценариев. Никаких сделок. Говори прямо, что тебе надо?

Глаза Памфрета забегали.

— О чем ты? Стал бы я шутить с такими китами, как вы с Лейлой. Я обрадовался до смерти... правда... А потом этот тип велел позвонить тебе и попросить сценарий.

— С кем ты говорил?

— С этим, как его... Ну, с новым редактором, которого привезли из Нью-Йорка...

— Как его зовут?

— Он назвал свое имя... Подожди... Таннер! Да, точно. Таннер. Джим Таннер, Джон Таннер!

— Джон Таннер здесь не работает! Отвечай, кто подослал тебя ко мне? — Берни схватил Памфрета за плечи. — Отвечай, сукин сын!

— Отпусти меня, ты что, спятил!

Остерман понял свою ошибку. Памфрет был просто посыльным. Он разжал пальцы.

— Прости, Эдди! Извини... Сам не знаю, что это на меня нашло.

— Ладно, ладно... Ты просто переутомился и все. Слишком много работаешь...

— Ты сказал, что этот парень — Таннер — звонил тебе сегодня утром?

— Около двух часов назад. Сказать по правде, я не знаю, кто он такой...

— Слушай. Это просто-напросто чья-то шутка. Дурацкая шутка, понимаешь? Никакого сериала я не делаю, поверь мне... Забудем об этом, ладно?

— Шутка?

— Даю тебе слово... Знаешь что, нам с Лейлой предлагают здесь еще одну работу — новый сценарий. Я буду настаивать, чтобы продюсером был ты, хорошо?

— Гм... спасибо!

— Не стоит... и пусть та шутка останется между нами, идет?

Остерман оставил очумевшего от счастья Памфрета и поспешил вниз по улице к тому месту, где стояла его машина. Он торопился домой, к Лейле.

На переднем сиденье его машины сидел дюжий малый в шоферской форме. Когда Берни приблизился, он вылез из машины и услужливо распахнул перед ним заднюю дверцу.

— Мистер Остерман?

— Кто вы такой? Что вы делаете в...

— Меня просили вам передать...

— Я не хочу ничего слушать! Я хочу знать, что вы делали и моей машине?

— Остерегайтесь вашего друга Джона Таннера. Будьте осторожны в разговорах с ним.

— Что за чушь вы несете? Шофер пожал плечами.

— Я просто передаю вам то, что меня просили, мистер Остерман. Вы не хотите, чтобы я отвез вас домой?

— Разумеется, нет! Я вас не знаю. И я не понимаю, зачем...

Задняя дверца мягко закрылась.

— Как хотите, сэр. Я просто хотел услужить.

Вежливо откланявшись, он повернулся и зашагал прочь.

Берни стоял неподвижно и смотрел ему вслед.

* * *

Вторник, десять утра

—Со «средиземноморскими» счетами все в порядке? — спросил Джо Кардоун.

Его партнер, Сэм Беннет, повернулся на своем стуле, чтобы проверить, закрыта ли дверь. «Средиземноморские» — на звание, которое партнеры употребляли применительно к выгодным, но опасным вкладчикам.

— По-моему, да, — пожал плечами Сэм. — А почему ты спрашиваешь? Случилось что-нибудь?

— Так, ничего определенного... а может быть, вообще *ш*чего.

— Ты из-за этого вернулся раньше срока?

— Нет, не только. — Кардоун понимал, что даже Бенни не стоит всего объяснять. Сэм ничего не знал о Цюрихе, и этому Джо колебался. — Но отчасти — да. Я провел некоторое время на Монреальской бирже.

— И что там услышал?

— По распоряжению генерального прокурора совет фондовой биржи перетряхивает клиентуру. Все подозреваемые в связях с мафией вкладчики, на счетах которых больше ее ни тысяч, находятся под наблюдением.

— Это не новость...

— Не знаю, как тебе, а мне не нравится, когда я слышу разговоры о таких вещах за восемьсот миль от своего офиса. Не могу же я просто так снять трубку и спросить своего компаньона, не угодил ли кто-нибудь из наших клиентов под суд... Телефонные разговоры, как тебе должно быть известно, прослушиваются.

— О Господи! — Беннет рассмеялся. — У тебя просто разыгралось воображение.

— Хорошо, если бы это было так.

— Ты прекрасно знаешь, что я сразу связался бы с тобой, если бы возникла хоть малейшая опасность. Не верю, что ты прервал свой отдых по столь ничтожному поводу. В чем все-таки дело?

Кардоун, избегая встречаться взглядом с глазами партнера, сел за свой рабочий стол.

— О'кей. Не стану лгать. Есть одна причина... Но я уверен, что она не имеет никакого отношения ни к тебе, ни к делам фирмы. Если выяснится, что это не так, я сразу приду к тебе, хорошо?

Беннет поднялся со своего стула и кивнул. За годы совместной работы он научился не задавать Джо лишних вопросов. Несмотря на кажущуюся общительность, Джо Кардоун был очень скрытным человеком. Его капиталовложения в их общее дело были весьма существенны, но он не требовал больше полагавшейся ему по договору доли. Это устраивало Беннета.

Сэм направился к двери, посмеиваясь.

— И когда ты перестанешь бегать от призрака Южной Филадельфии?

Кардоун ответил вслед ему с грустной улыбкой:

— Когда он перестанет гоняться за мной.

Беннет закрыл за собой дверь, и Джо вернулся к разбору накопившейся за десять дней его отсутствия почты. Ничего, что могло бы иметь отношение к «средиземноморской» проблеме, в ней не было. Ничего, что хоть как-то могло свидетельствовать о конфликте мафиозных группировок. И все же за эти десять дней что-то случилось, и к этому как-то причастен Таннер.

Он поднял трубку телефона и нажал на кнопку вызова секретаря.

— Это все? Больше никаких писем не было?

— Ничего существенного. Я всем говорила, что вас не будет до конца недели. Некоторые обещали позвонить сразу, как вы вернетесь, другие предпочли подождать до понедельника.

— Пусть все так и останется. Если будут звонить, скажите, что я вернусь в понедельник.

Джо положил трубку на рычаг и отпер ящик стола, в котором хранилась металлическая коробка с картотекой «средиземноморской» клиентуры.

Кардоун поставил коробку перед собой и стал быстро перебирать карточки. Может быть, чье-то имя наведет его на мысль, заставит вспомнить какую-нибудь, на первый взгляд малозначащую, деталь, которая на поверку окажется важной...

Зазвонил его личный телефон. По этому номеру ему звонила только Бетти, больше его никто не знал. Джо любил свою жену, но его раздражало, что она постоянно звонит ему по пустякам в то время, когда он хочет сосредоточиться.

— Да, дорогая? В трубке молчали.

— Что случилось, Бетти? Я сейчас очень занят.

Жена не отвечала.

Кардоун похолодел от страха.

— Бетти! Ответь мне!

Незнакомый голос в трубке громко и внятно произнес:

— Джон Таннер летал вчера в Вашингтон. Мистер да Винчи очень озабочен. Возможно, ваши друзья из Калифорнии предали вас. Они находятся в контакте с Таннером.

Джо Кардоун услышал щелчок — неизвестный повесил трубку.

Господи! О Господи! Значит, все-таки Остерманы… Но зачем? Ведь это просто абсурд! Какое отношение имеет Цюрих к мафии? Между ними расстояние в тысячу световых лет! Или он ошибается?

Кардоун попытался взять себя в руки, но это ему не удалось. Он с удивлением обнаружил, что скомкал несколько карточек.

Что теперь делать? С кем он может поговорить?

С самим Таннером? О Боже, конечно нет!

Остерманы? Берни? Нет, черт возьми! Во всяком случае, не сейчас.

Тримейны? Дик Тримейн! Он должен связаться с Тримейном.

* * *

Вторник, десять минут одиннадцатого

Тримейн был слишком взбудоражен, чтобы отправиться в Нью-Йорк как обычно на экспрессе. Оставив дома проездной, он вывел из гаража машину.

Когда его автомобиль, набрав скорость, мчался к мосту Вашингтона, он заметил в зеркале заднего вида светло-голубой «кадиллак». Тогда Тримейн взял немного влево, вырвавшись вперед других автомобилей, и «кадиллак» последовал за ним. Потом Тримейн вернулся в правый ряд, втиснувшись в поток медленно идущих машин, — «кадиллак» проделал то же самое.

У поста сбора дорожной пошлины Тримейн увидел, что «кадиллак» поравнялся с ним и идет по параллельной полосе.

Дик попытался разглядеть, кто сидит за рулем.

«Кадиллак» вела женщина. И хотя лица он не смог рассмотреть, в ее облике ему почудилось что-то знакомое.

Набрав скорость, «кадиллак» скрылся. Тримейн так и не увидел лица женщины. Движение по мосту было интенсивным, и пытаться догнать машину не имело смысла. Тримейн не сомневался, что «кадиллак»

преследовал именно его. Это было так же очевидно, как и то, что женщина-водитель не хотела, чтобы ее узнали.

Почему? Кто она такая? Может быть, эта женщина и есть Блэкстоун?

* * *

На работе Дику никак не удавалось сосредоточиться. Он отменил несколько назначенных встреч, а сам занялся просмотром документов по корпоративным объединениям, которые в последнее время выиграли свои дела в суде. Особенно его заинтересовала папка «шерстяные изделия» Кэмерона. Несколько поколений семейства Кэмерон владели тремя ткацкими фабриками в одном из небольших городков штата Массачусетс. Старший сын Кэмеронов частенько играл на бирже. Шантажом и угрозами его вынудили продать свою долю нью-йоркской фирме, специализировавшейся на продаже одежды.

Новые владельцы немного погодя заявили о желании получить фирменный знак корпорации «Кэмерон».

Получив, что хотели, они закрыли фабрики, и городок захирел. Тримейн представлял интересы этой торговой фирмы в бостонском суде.

В семействе Кэмерон была дочь, незамужняя женщина, которой едва минуло тридцать, упрямая и решительная. А за рулем «кадиллака» сидела женщина примерно такого же возраста.

«Нет, — думал Тримейн, — остановиться на этом варианте — значит исключить все остальные...»

За последние годы через его руки прошло много дел. Кэмероны. Смиты из Атланты. Бойнтоны из Чикаго. Фергюссоны из Рочестера. Эти старые богатые семейства, избалованные почетом и финансовым благополучием, оказались беспомощными в жестких современных условиях.

Лидеры новых корпораций знали, к кому обращаться в случае возникновения юридических трудностей. Тримейн! За хороший гонорар он берет самые сомнительные дела и выигрывает их. Сорокачетырехлетний волшебник, с легкостью манипулирующий новой юридической машиной. Один взмах волшебной палочки — и нет больше ни Кэмеронов из Массачусетса, ни Смитов из Атланты, ни многих других, чьи имена Тримейн уже успел забыть.

Так кто же? У многих есть причины ненавидеть преуспевающего адвоката Дика Тримейна.

Тримейн встал со стула и заходил по кабинету. Он больше не вынесет этого заточения, он должен выйти на улицу.

А если сейчас позвонить Таннеру и пригласить пообедать? Как он отреагирует? Примет приглашение или ответит вежливым отказом? Может быть, если Таннер согласится, удастся узнать у него что-нибудь о предупреждении Блэкстоуна?

Тримейн поднял трубку телефона и набрал номер. Его веко сильно — до боли — дергалось.

Таннера на месте не оказалось. Он ушел на какое-то совещание. Тримейн облегченно вздохнул. Что за глупая идея взбрела ему в голову! Он положил трубку и поспешил прочь из своего офиса.

На Пятой авеню, у перекрестка, дорогу ему преградило такси.

— Эй, мистер! — Из окна машины высунулась голова водителя.

Тримейн оглянулся, пытаясь понять, к кому обращены эти слова. То же самое сделали еще несколько пешеходов. Они недоуменно переглянулись.

— Эй, мистер! Ваша фамилия Тримейн?

— Моя? Э... да.

— Я должен вам кое-что передать.

— Вы? Мне?..

— Я тороплюсь, сейчас загорится зеленый, а мне дали за это двадцать долларов. Меня просили передать, чтобы вы шли на восток по Пятьдесят четвертой улице. Идите все время прямо. Там вас будет ждать какой-то мистер Блэкстоун.

Тримейн посмотрел в глаза шоферу.

— Кто вас просил это сделать? Кто сказал...

— Откуда я знаю... Этот псих сидел у меня в машине с половины десятого утра. У него был бинокль, и он курил тонкие сигары.

Замигал знак «стойте».

— Что он еще сказал?.. Подождите! — Тримейн полез в карман и достал оттуда несколько банкнотов. Он сунул водителю десятидолларовую бумажку. — Вот, возьмите. Только прошу вас, ответьте мне, пожалуйста!

— Но я все сказал, мистер! Он вышел из машины несколько секунд назад и дал мне двадцать долларов, чтобы я передал вам то, что он просил. Это все.

— Нет, не все! — Тримейн в отчаянии схватил водителя за рубашку.

— Спасибо за десятку! — Водитель отстранил руку Тримейна, дал сигнал, предупреждая зазевавшихся пешеходов, и отъехал.

Тримейн с трудом взял себя в руки. Он отступил назад на тротуар и встал у витрины ближайшего магазина. Внимательно всматриваясь в толпу, он тщетно пытался отыскать мужчину с биноклем и тонкой сигарой.

Так никого и не увидев, он двинулся вдоль ярких витрин к Пятьдесят четвертой улице. Он шел очень медленно, вглядываясь в лица идущих навстречу людей. Прохожих в этот час было довольно много. Все они куда-то спешили, и, обгоняя Тримейна, некоторые толкали его в спину, другие же с улыбкой оборачивались, удивленные странным поведением белокурого человека в хорошо сшитом костюме.

На углу Пятьдесят четвертой улицы Тримейн остановился. Дул свежий ветер, и, хотя на нем был летний костюм, он чувствовал, что вспотел от напряжения. Он знал, что здесь нужно повернуть на восток.

Теперь, по крайней мере, ясно, что женщина из светло-голубого «кадиллака» не имеет никакого отношения к Блэкстоуну. Блэкстоун — мужчина с биноклем, курящий тонкие сигары.

Но кто тогда та женщина? Он мог поклясться, что встречал ее раньше. Держась правой стороны, он дошел до Медисон. Никто не остановил его и не окликнул. Никто не обращал на него внимания.

Он пересек Парк-авеню и направился к центру. Никого.

Лексингтон-авеню. Он пошел мимо огромных строительных площадок. Никого.

Третья авеню. Вторая. Первая.

Никого.

Тримейн дошел до последнего квартала.

Тупиковая улица заканчивалась на Ист-Ривер. По обеим сторонам ее тянулись подъезды многоквартирных домов. В конце улицы поперек дороги стоял светлый «мерседес». Он стоял так, словно затормозил в середине разворота. Около него находился мужчина в элегантном белом костюме и шляпе-панаме. Он был намного ниже Тримейна. Даже с расстояния тридцати ярдов бросался в глаза его густой загар. Большие темные очки закрывали почти пол-лица. Он смотрел прямо на Тримейна.

— Мистер Блэкстоун?

— Мистер Тримейн! Простите, что вам пришлось идти так далеко. Мы должны были убедиться, что вы один.

— А почему я должен быть не один?

Тримейн насторожился. Акцент незнакомца явно выдавал в нем иностранца.

— Люди, попавшие в беду, часто — и совершенно напрасно — берут себе провожатых.

— В какую я попал беду?

— Вы получили мою записку?

— Разумеется, но мне непонятно, что это все означает?

— Только то, что в ней сказано. Ваш друг Таннер представляет большую опасность для вас. И для нас тоже. Мы просто хотим обратить на это ваше внимание, как того требуют интересы нашего дела.

— О чьих интересах вы заботитесь, мистер Блэкстоун? Полагаю, Блэкстоун — вымышленное имя. Во всяком случае, мне оно ничего не говорит.

Человек в белом костюме и темных очках сделал шаг к «мерседесу».

— Мы уже все сказали вам. Друзья Таннера из Калифорнии…

— Остерманы?

— Да.

— Моя фирма не ведет никаких дел с Остерманами. И никогда не вела.

— Зато вы ведете, не так ли? — Блэкстоун обошел «мерседес» сзади и остановился с другой стороны машины.

— Вы шутите?!

— Нет, я вполне серьезно. — Он взялся за ручку дверцы, но не спешил открывать ее.

— Подождите минутку! Кто вы?

— Блэкстоун… Большего вам знать не надо.

— Нет!.. Вы сказали… Но вы же не можете…

— Можем. В том-то все и дело. И теперь вы сами убедились, сколь обширно наше влияние. А если этого недостаточно, мы можем предоставить вам более убедительные доказательства.

— К чему вы клоните? — Тримейн облокотился на капот и наклонился к Блэкстоуну.

— Нам вдруг подумалось, что вы можете войти в сговор со своим другом Таннером. Поэтому мы и решили повидаться с вами. Это было бы крайне неосмотрительно с вашей стороны. В этом случае нам пришлось бы сделать достоянием гласности вашу сделку с Остерманами.

— Вы сошли с ума? Зачем мне вступать в сговор с Таннером? О чем нам сговариваться? Я не понимаю, о чем речь!

Блэкстоун снял темные очки. У него были пронзительные голубые глаза. На носу и скулах Тримейн различил бледные веснушки.

— Если это правда, то вам не о чем волноваться.

— Конечно, правда! Почему я должен сотрудничать с Таннером? В чем?

— Что ж, это логично. — Блэкстоун распахнул дверцу «мерседеса». — Действуйте и дальше в том же духе.

— Ради Бога, вы не можете так просто уехать. Я вижусь с Таннером каждый день. В клубе. В электричке. Что мне прикажете теперь думать? Как я буду с ним разговаривать?

— Вы хотите спросить, чего вам следует опасаться? Я бы посоветовал вести себя так, словно ничего не случилось. Словно мы никогда не встречались... Возможно, он станет вас прощупывать. Конечно, если вы сказали правду и действительно ничего не знаете... Он станет делать намеки. Теперь это не застанет вас врасплох.

Тримейн не двигался с места, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

— Я думаю, будет лучше, если вы скажете, кого вы представляете. Честное слово, так будет лучше.

— О нет, господин адвокат, — с легкой усмешкой покачал головой Блэкстоун. — Сказать по правде, мы заметили, что в последние годы у вас стали появляться дурные привычки. Так, ничего серьезного — пока, однако закрывать на это глаза тоже не стоит.

— Привычки? О чем вы?

— Вы стали больше пить.

— Это смешно!

— Я и не говорил, что это серьезно. Со своей работой вы справляетесь. Однако иногда вы теряете над собой контроль. Посему не стоит усугублять ваше волнение, когда вы и так возбуждены.

— Не уезжайте! Подождите...

— Мы будем поддерживать с вами связь. Может быть, вам удастся узнать что-то, что может нам помочь. Во всяком случае, за вашей... за вашими посредническими усилиями мы всегда следили с большим интересом.

Тримейн вздрогнул.

— А Остерманы? Вы должны мне рассказать!

— Если в ваших адвокатских мозгах осталась хоть капля здравого смысла, вы ничего не скажете Остерманам! Остерман действует заодно с Таннером, вы сами в этом убедитесь. Даже если это не так, ему все равно не следует знать правду о вас.

Блэкстоун сел за руль «мерседеса» и включил зажигание. Перед тем как отъехать, он еще раз повернулся к Тримейну:

— Держите себя в руках, мистер Тримейн. Мы скоро дадим о себе знать.

Оставшись один, Тримейн попытался собраться с мыслями. У него сильно дергалось веко, почти наполовину закрывая глаз. Слава Богу, что он не дозвонился до Таннера! В своем неведении он мог натворить глупостей.

Неужели Остерман был таким идиотом или трусом, что проговорился о Цюрихе Таннеру? Не посоветовавшись с ними...

Если это так, Цюрих нужно предупредить об опасности. Там займутся Остерманом. Они проучат его.

Нужно найти Кардоуна. Вдвоем они должны решить, что делать дальше. Он бросился к ближайшему телефону-автомату.

Бетти ответила, что Джо уехал в свой офис. Секретарь Кардоуна сообщила, что он не возвращался из отпуска. Неужели Джо тоже затеял какую-то игру?

Тримейн прижал пальцем левое веко — нервный тик усилился, и этим глазом он уже едва видел.

* * *

Вторник, семь часов утра

Так и не сумев заснуть, Таннер встал с постели и направился в свой кабинет. Пожалуй, в первый раз он обратил внимание, что в серых экранах телевизоров есть что-то пугающее. Три пустых и мертвых прямоугольника. Джон закурил сигарету и опустился на кушетку. Он вспомнил наставление Фоссета: сохранять спокойствие, вести себя как ни в чем не бывало и не рассказывать о случившемся Эли. Фоссет повторил несколько раз: «Реальная опасность, и в первую очередь для Эли, может возникнуть лишь в том случае, если она проговорится». Но

Таннер никогда ничего не скрывал от жены. То, что они всегда оставались друг с другом искренними, было самой сильной стороной их прочного союза. Даже когда они ссорились, то никогда не оставляли невысказанных обид. Они оба не любили недомолвок. Элис Маккол измучили ими еще в детстве.

Однако «Омега» вынудила его отступить от привычных правил, по крайней мере, на шесть ближайших дней. Пришлось подчиниться требованию Фоссета, ведь тот сказал, что так будет лучше для Эли.

Солнце уже поднялось. День начался, и скоро Кардоуны, Тримейны и Остерманы получат первые сигналы тревоги. Как они будут реагировать, что станут делать? Он надеялся, что все трое сразу поставят в известность официальные власти и опровергнут догадки Фоссета. Тогда это безумие кончится.

А вдруг оно только начинается?.. Как бы то ни было, он останется дома. Если угроза опасности существует, он должен быть вместе с женой и детьми. Фоссет не вправе ему этого запретить.

Он убедит Эли в том, что подхватил грипп. Он будет поддерживать связь со студией по телефону, но сам останется здесь, с семьей.

Из офиса звонили непрерывно. Элли и дети, заявив, что несмолкающие звонки сводят их с ума, пошли в бассейн. День был ясным и жарким, лишь к полудню на небе появилось несколько облаков — прекрасная погода для купания. Мимо дома несколько раз проехала белая патрульная машина. В воскресенье это насторожило Таннера. Теперь же он испытывал облегчение и благодарность. Фоссет держал слово. Опять зазвонил телефон.

Джон снял трубку. Наверное, снова с работы.

— Да, Чарли...

— Мистер Таннер?

— О, извините. Да, это Джон Таннер.

— Фоссет беспокоит...

— Подождите минуту! — Таннер выглянул из окна кабинета, проверяя, где находятся Элли и дети. Они по-прежнему были в бассейне. — Что случилось, Фоссет? Ваши люди начали?

— Вы можете говорить?

— Да... Вам удалось что-нибудь узнать? Кто-нибудь из них позвонил в полицию?

— Нет. Если это произойдет, мы немедленно поставим вас в известность. Я позвонил вам не поэтому... Вы совершили большую глупость. Неужели вы не поняли, насколько это неосторожно с вашей стороны!

— О чем вы говорите?

— Вы не поехали утром на работу...

— Разумеется, не поехал.

— Запомните, не должно быть никаких отклонений от вашего обычного распорядка. Не надо ничего менять. Это очень важно. Чтобы обеспечить собственную безопасность, вам нужно следовать нашим инструкциям.

— Вы просите слишком многого!

— Послушайте меня. Ваша жена и дети сейчас в бассейне во дворе вашего дома. Ваш сын Реймонд не пошел на тренировку по теннису...

— Это я не пустил его. Я велел ему постричь траву на лужайке.

— Ваша жена заказала продукты на дом, хотя раньше всегда ходила за ними сама.

— Я сказал, что ей придется сделать для меня кое-какие записи. Она и раньше мне помогала...

— И главное, вы сами не делаете того, что делали всегда. Вы непременно должны следовать заведенному распорядку. Я знаю, как можно вас в этом убедить. Вы не имеете права привлекать к себе внимание.

— Я забочусь о своей семье. По-моему, это вполне естественно.

— Мы тоже о ней заботимся. И гораздо более эффективно чем это можете сделать вы. Они находятся под постоянным наблюдением. Так же, как и вы. Вы выходили к подъездной дорожке перед домом дважды — в девять тридцать две и в одиннадцать двадцать. К вашей дочери во время ленча приходила подружка — Джоан Лумис, восьми лет. Видите, мы внимательны и очень осторожны.

Таннер потянулся за сигаретой и прикурил ее от настольной зажигалки.

— Да, наверное... — помедлив, произнес он.

— Вам не о чем волноваться. Вашей семье ничто не угрожает.

— Может быть. Я вообще думаю, вы все сумасшедшие. Ни один из моих друзей не имеет никакого отношения к «Омеге».

— Возможно. Но если правы мы, они не предпримут ни одного шага, не перепроверив информацию, которую мы им подбросили. Они не станут паниковать: слишком много поставлено на карту. А как только они

начнут проверять, то сразу заподозрят друг друга. Ради всего святого, не мешайте им делать это. Живите и работайте как обычно, словно ничего не случилось. Это чрезвычайно важно. Вашей семье никто не причинит вреда. Они не смогут даже приблизиться.

— Хорошо. Предположим, вы меня убедили. Только к подъездной дорожке я выходил три раза, а не два.

— Нет, не три. В третий раз вы остановились в воротах гаража и к подъездной дорожке не подходили. И потом, это было не утром, а четырнадцать минут первого. — Фоссет рассмеялся в трубку. — Теперь вам легче?

— Я солгу, если скажу, что нет.

— Вы не лжец. Во всяком случае, не злоупотребляете этим. Ваше досье не оставляет на этот счет никаких сомнений. — Фоссет снова рассмеялся, и даже Таннер не смог сдержать улыбку.

— Вы настойчивый человек, Фоссет. Хорошо, завтра я выйду на работу.

— Когда все это кончится, вы с Элис должны зайти к нам в гости. Я думаю, наши жены друг другу понравятся. Напитки за мной. Вам — «Диварс уайт лейбл» с содовой, а вашей жене шотландское виски с водой.

— Боже мой! Если вы начнете описывать нашу интимную жизнь…

— Давайте попробуем…

— Идите к черту! — с облегчением рассмеялся Таннер. — Мы принимаем приглашение.

— Вот и прекрасно. Думаю, мы поладим.

— Назовите дату, и мы приедем.

— Договоримся на понедельник. Будем поддерживать связь. У вас есть номер телефона на случай непредвиденных осложнений. Звоните в любое время.

— Не буду. Завтра я появлюсь на работе.

— Прекрасно. И окажите мне любезность, не делайте больше передач о нашем ведомстве. Моему начальству очень не понравилась последняя.

Таннер вспомнил: программу, о которой говорил Фоссет, готовил Вудворт. Сценарий был назван «Пойман с поличным» по первым буквам сокращенного названия ведомства[7]. Передачу выпустили в эфир год назад. Год назад с точностью до недели.

— По-моему, это было неплохо.

— Очень плохо. Я видел программу. Мне хотелось смеяться, но увы!.. Я сидел в это время в гостиной у шефа. «Пойман с поличным»! Надо же! — Фоссет снова рассмеялся, и у Таннера стало легко на душе.

— Спасибо, Фоссет.

Он положил трубку и смял в пепельнице сигарету. Фоссет — настоящий профессионал, подумал он. И Фоссет прав. Никто не сможет добраться до Эли и до детей. Таннер знал, что при необходимости ЦРУ рассадит снайперов на всех деревьях. Ему остается лишь следовать наставлениям Фоссета и ничего не предпринимать. Жить как ни в чем не бывало. Он почувствовал, что теперь сможет сыграть свою роль. Защита, которую обещал Фоссет, должна быть надежной. Лишь одна мысль не давала ему покоя. И чем больше он думал над этим, тем страшнее ему становилось.

Было уже четыре часа дня... Обработка Тримейнов, Кардоунов и Остерманов началась. Однако ни один из них до сих пор не обратился в полицию и не позвонил ему.

Возможно ли, что шесть человек, которых он в течение многих лет считал самыми близкими друзьями, оказались не теми, за кого себя выдавали?

* * *

Вторник, девять сорок утра по калифорнийскому времени

Резко свернув с бульвара Уилшир, Остерман погнал машину по Беверли-Драйв. Он знал, что превышает допустимую в Лос-Анджелесе скорость, но сейчас это его не заботило. Он не мог думать ни о чем, кроме полученного предупреждения. Нужно скорее ехать домой, к Лейле. Они должны серьезно все обсудить. Нужно решить, что теперь делать.

Почему выбор пал именно на них?

Кто послал им это странное предупреждение? И что оно может значить?

Возможно, Лейла права, Таннер лучший из их друзей. Но он человек сдержанный и осторожный. Он всегда держится на расстоянии, словно прозрачная стена отделяет его от окружающих. От всех, за исключением, конечно, Эли.

И вот теперь Таннер получил информацию, которая затрагивает важные для Остерманов вопросы и, в частности, касается Цюриха. Но Боже! Как он мог об этом узнать?

Остерман доехал до подножия холма Малхолланд и стал быстро подниматься вверх по улице мимо огромных старомодных особняков,

жильцы которых принадлежали когда-то к голливудской элите. Некоторые дома совсем обветшали — реликты былой роскоши. Предельно допустимая скорость в Малхолланде — тридцать миль в час.

У Остермана стрелка спидометра показывала пятьдесят одну. Надавив на педаль акселератора, он принял решение. Он заедет за Лейлой и отправится в Малибу. Там, на шоссе, они найдут телефон-автомат, позвонят Тримейну и Кардоу-ну, и тогда...

Быстро приближающийся пронзительный звук полицейской сирены вернул его к реальности. Что это? За ним гонится полиция? Не может быть. В этом мире декораций нет ничего настоящего. Но сигналили все-таки ему...

— Э... послушайте, я здесь живу. Моя фамилия Остерман. Я живу на Калиенте, номер двести шестьдесят. Вы, наверное, знаете мой дом... — Голос его звучал уверенно: район Калиенте считался престижным.

— Прошу прощения, мистер Остерман. Ваши права.

— Видите ли, мне позвонили на студию и сообщили, что с женой очень плохо... Я полагаю, вы меня поймете. Я очень спешу.

— И все же из-за этого не должны страдать пешеходы. Ваши права...

Остерман протянул удостоверение и отвернулся, чтобы не срывать раздражения на постороннем человеке. Полицейский лениво писал что-то в длинной дорожной квитанции, а когда закончил, звонко пришлепнул к ней права. Остерман повернулся на резкий звук.

— Что, обязательно портить права?

Полицейский устало вздохнул, пряча книжку с квитанциями.

— Вы могли на месяц лишиться прав, мистер. Я уменьшил вам скорость. Заплатите десять долларов, как за билет на стоянку. — Он протянул Берни квитанцию. — Надеюсь, с вашей женой все будет в порядке.

Полицейский вернулся к машине. Уже забравшись внутрь, он высунулся из окна и крикнул:

— Не забудьте убрать права в бумажник.

Патрульная машина отъехала.

Остерман швырнул квитанцию на сиденье и повернул ключ зажигания. Машина покатилась вниз по склону Малхолланда. Берни брезгливо покосился на валявшуюся на сиденье квитанцию.

Затем, нахмурившись, бросил на нее еще один взгляд. Что-то насторожило его.

Форма бланка с печатным текстом была та же. Но бумага... Она казалась слишком гладкой и блестящей даже для бланков квитанций автотранспортного отделения муниципалитета Лос-Анджелеса.

Остерман остановил машину и, взяв в руки квитанцию, поднес ее к глазам. Нарушения были помечены полицейским небрежно, можно сказать, не отмечены вовсе...

И тут Остерман понял, что лицевая сторона квитанции — всего лишь ксерокопия, наклеенная на лист более плотной бумаги.

Он перевернул его и увидел на обратной стороне написанную красным карандашом записку, наполовину закрытую приколотыми скрепкой скоросшивателя правами. Он отодрал права и прочел:

"Получено сообщение, что соседи Таннера находятся с ним в сговоре. Ситуация чрезвычайно опасная. Она осложняется еще и тем, что информация, которой мы располагаем, далеко не полная. Попытайтесь осторожно выяснить, в чем дело. Нам необходимо знать, в чем и как глубоко они замешаны. Еще раз напоминаем: будьте очень осторожны.

Цюрих".

Остерман тупо смотрел на красные строчки. Вновь возникший в нем страх отозвался неожиданной болью в висках. Значит, Тримейны и Кардоуны тоже.

* * *

Вторник, половина пятого вечера

Среди пассажиров экспресса, прибывшего в Сэддл-Вэлли в четыре пятнадцать, Дика Тримейна не было. Кардоун, который ожидал его, сидя в своем «кадиллаке», громко выругался. Он звонил в офис Тримейна, и ему сказали, что адвокат ушел обедать немного раньше обычного. Джо не стал просить, чтобы Тримейн позвонил ему, когда вернется. Вместо этого он поехал на станцию и встречал все поезда, прибывающие в Сэддл-Вэлли начиная с половины четвертого.

Кардоун отъехал от станции, свернул у развязки влево и направился на запад, за город. До следующего поезда было целых тридцать пять минут. Может быть, езда поможет ему отвлечься. Он не мог просто так сидеть на вокзале и ждать. Если за ним следят, это может показаться подозрительным.

Тримейн поможет ему ответить на многие вопросы. Дик — очень толковый адвокат и, конечно, найдет какой-нибудь выход — если из этой ситуации вообще есть выход.

Джо выехал на проселочную дорогу, петлявшую между полей. Здесь его обогнал серебристый «роллс-ройс», и Кардоун отметил про себя, что огромный автомобиль развил очень высокую скорость — слишком высокую для такой узкой дороги. Кардоун проехал еще несколько миль, скользя отсутствующим взглядом по живописным окрестностям. У поворота к какой-нибудь ферме нужно будет развернуться. Кажется, скоро должен быть поворот с широкими — он это точно помнил — обочинами. Там он и развернется. Пора уже возвращаться на станцию.

Он притормозил, готовясь резко свернуть направо на широкую обочину. «Роллс-ройс», припаркованный под деревьями, преграждал ему дорогу.

Чертыхнувшись, Кардоун нажал на газ и проехал еще несколько сот ярдов. Здесь — так как поблизости не было видно машин — он с трудом развернулся.

Подъехав к станции, Кардоун взглянул на часы. Пять пятнадцать. С того места, где он стоит, просматривается вся платформа. Он увидит Тримейна сразу, как только тот сойдет с поезда. Кардоун надеялся, что адвокат приедет рейсом пять двадцать пять. Ожидание становилось невыносимым.

Раздался скрип тормозов, и Кардоун оглянулся. Прямо за его «кадиллаком» остановился серебристый «роллс-ройс».

Из автомобиля вышел дюжий детина в шоферской форме — ростом более шести футов — и неторопливо направился к «кадиллаку» Кардоуна.

— Мистер Кардионе?

— Моя фамилия Кардоун.

— О'кей. Как хотите...

Мужчина наклонился и непринужденно положил свои огромные руки на полуопущенное стекло, так чтобы Кардоун имел возможность хорошо разглядеть их и сравнить со своими собственными.

Джо, возмущенный бесцеремонностью незнакомца, резко спросил:

— Это вы обгоняли меня несколько минут назад? На Сэддл-роуд?

— Да, сэр, я, — с готовностью подтвердил громила. — Более того, я весь день находился рядом с вами. Кардоун непроизвольно вздрогнул.

— Весьма странное признание... — Я очень сожалею...

— Мне не нужны ваши извинения. Я хочу знать причину. Почему вы преследовали меня? Я вас не знаю. И мне не нравится, когда ездят за мной по пятам.

— Это вряд ли кому понравится. Но я лишь делаю то, что мне велели.

— Что вам от меня нужно?

Шофер слегка передвинул руки, словно для того, чтобы лишний раз продемонстрировать их внушительные размеры.

— Мне нужно кое-что передать вам. Вот и все. Я проделал долгий путь. Мой шеф живет в Мэриленде. — Что вы хотите мне передать? От кого?

— От мистера да Винчи, сэр.

— Да Винчи?

— Да, сэр. Вы ведь уже слыхали о нем сегодня утром?

— Я не знаю никакого да Винчи... Что вам нужно?

— Не доверяйте мистеру Тримейну.

— О чем вы говорите?!

— Я говорю то, что велел передать вам мистер да Винчи. Кардоун впился глазами в лицо великана. Совершенно очевидно, что он не просто тупой громила, каким пытался прикинуться.

— Почему же вы так долго ждали? Зачем следили за мной весь день? Вы могли сразу заговорить со мной.

— Не было команды. В моей машине есть радиотелефон. Мне приказали вступить с вами в контакт лишь несколько минут назад.

— Кто вам приказал?

— Мистер да Винчи, сэр.

— Но это вымышленное имя! — Кардоун задыхался от гнева. Чтобы успокоиться, он сделал глубокий вдох и спросил:

— Скажите мне, кто этот мистер да Винчи?

— Я должен был передать вам еще кое-что, — продолжал шофер, не обращая внимания на требование Кардоуна. — Мистер да Винчи хочет, чтобы вы знали: возможно, Тримейн уже разговаривал с Таннером. Это еще не точно, но похоже на то.

— О чем? О чем он мог с ним разговаривать?

— Я не знаю, сэр. Мне не положено. Мне платят за то, чтобы я ездил на машине и передавал сообщения.

— Я не понимаю! Что толку в таком сообщении?! — Кардоун стиснул зубы, пытаясь взять себя в руки.

— Может быть, вам поможет последнее, сэр... Последнее из того, что я должен вам передать. Мистер да Винчи считает, что будет хорошо, если вы попытаетесь выяснить, во что Тримейн посвятил Таннера. Но будьте осторожны. Не следует также доверять вашим друзьям из Калифорнии. Запомните, это очень важно.

Великан в шоферской форме отошел немного от «кадиллака» и приложил два пальца к блестящему козырьку своей форменной фуражки.

— Подождите минуту... — Кардоун открыл было дверцу своей машины, но великан молниеносно захлопнул ее.

— Нет, мистер Кардионе. Оставайтесь в машине. Вы не должны привлекать к себе внимание. Поезд подходит.

— О, пожалуйста... пожалуйста! Я хочу поговорить с да Винчи. Где я могу его увидеть?

— Это невозможно, сэр. — Шофер крепко держал дверь.

— Мерзавец! — выкрикнул Кардоун и схватился за ручку, налегая на дверь всем телом. Она слегка приоткрылась, но тут же снова захлопнулась от сильного толчка шофера.

— Я размозжу твою башку! — заорал Кардоун.

К платформе подошел экспресс. Из него вышли несколько человек. Два коротких гудка прорезали воздух. Великан спокойно заметил:

— Его нет в поезде, мистер Кардионе. Он сегодня отправился в офис на машине. Как видите, и это нам известно.

Поезд медленно тронулся с места, плавно набирая скорость. Джо не сводил глаз с огромного человека, державшего дверцу машины. Внутри у него все клокотало от ярости, но он понимал, что криком и угрозами здесь не поможешь. Шофер сделал шаг назад и быстро зашагал к «роллс-ройсу». Кардоун распахнул дверцу и вышел на платформу.

— Эй, привет, Джо! — окликнул его Амос Нидхэм, который только что сошел с поезда, — вице-президент промышленного банка Ганновера и председатель комитета по чрезвычайным ситуациям клуба Сэддл-Вэлли. — Вам, биржевикам, все нипочем. Когда становится совсем

туго, вы попросту остаетесь дома и ждете, пока обстановка прояснится, так, а?

— Ты прав, Амос, — рассеянно подтвердил Кардоун, украдкой наблюдая за водителем «ройса», который сел в машину и завел мотор.

— Я тебе вот что скажу, — продолжал Нидхэм, — не знаю, куда вы, парни, нас заведете!.. Слыхал, как котируется Дю Понт?[8] Остальные плавают, а они берут все даром! Скажу своим директорам, чтобы ходили на спиритические сеансы. На вас, брокеров, никакой надежды! — Нидхэм прищелкнул языком и неожиданно замахал рукой, увидев подъезжавший к платформе «линкольн-континентал». — Это Ральф. Подвезти тебя, Джо? Нет, конечно... Ты же на машине.

«Линкольн» подъехал к ним, и шофер Нидхэма открыл дверцу, чтобы выйти наружу.

— Не нужно мне помогать, Ральф. Я еще способен сам сесть в машину. Кстати, Джо... этот «ройс», на который ты так внимательно смотришь, напомнил мне машину одного моего приятеля. Хотя вряд ли это его... Он из Мэриленда.

Кардоун вздрогнул как от удара и уставился на безобидного банкира.

— Из Мэриленда? Кто из Мэриленда? Амос Нидхэм открыл дверцу машины, задержался на мгновение и, добродушно улыбнувшись, покачал головой.

— О, не думаю, что ты его знаешь. Он умер много лет назад... У него было странное имя. Я над ним всегда подшучивал... Его звали Цезарь.

Нидхэм уселся в свой «линкольн» и захлопнул дверцу.

Проехав по привокзальной аллее, «роллс-ройс» повернул направо и помчался по направлению к главной магистрали, ведущей в Манхэттен.

Кардоун остался стоять на перроне железнодорожного вокзала Сэддл-Вэлли. Его охватил ужас.

Тримейн!

Тримейн заодно с Таннером!

Остерман тоже с Таннером...

Да Винчи... Цезарь...

Опять итальянец. Не может быть, что это простое совпадение.

Он, Джузеппе Амбруззио Кардионе, остался один, совершенно один.

"О Господи! Боже милостивый! Святая Дева Мария! Матерь Божья! Окропи руки мои невинною кровью агнца. Господи Иисусе! Прости грехи мои тяжкие! Иисус и Мария! Боже милостивый! Пресвятая Богородица! Вразумите меня!

Что я сделал?"

* * *

Вторник, пять часов вечера

Уже несколько часов Тримейн бесцельно бродил по знакомым улицам Ист-Сайда. Но спроси его кто-нибудь, где он находится, он не смог бы ответить. Адвокат был напуган. Разговор с Блэкстоуном ничего не прояснил.

А Кардоун солгал либо жене, либо секретарше, но это не важно. Важно то, что до Кардоуна сейчас не добраться. Тримейн знал, что охватившая его паника не пройдет до тех пор, пока они с Кардоуном не встретятся и не решат, как быть дальше, как вести себя с Остерманами.

Неужели Остерман их предал? Нет, это невозможно!

Дик пересек Вандербилт-авеню, механически отметив про себя, что приближается к отелю «Билтмор».

Он грустно улыбнулся. «Билтмор» навевал воспоминания о прошлых беззаботных временах.

Он вошел в вестибюль со странным чувством, что сейчас увидит кого-нибудь из друзей, своей молодости, и действительно почти сразу же уперся взглядом в человека, с которым не встречался почти двадцать пять лет. Тримейн сразу узнал его, хотя тот сильно постарел за эти годы. Только вот имени не мог вспомнить. Оно бесследно терялось в далеких школьных годах.

Друзья юности неловко шагнули навстречу друг другу.

— Дик... Дик Тримейн! Ведь это ты, Дик, да?

— Да... а ты... Джим?

— Джек, Джек Таунсенд! Как поживаешь. Дик? — Они пожали друг другу руки. — Сколько лет прошло? Двадцать пять или тридцать? Ты прекрасно выглядишь! Как, черт возьми, тебе удается не толстеть? А я распустился...

— Ты тоже выглядишь прекрасно, — солгал Дик. — Нет, в самом деле, очень хорошо... Я не знал, что ты живешь в Нью-Йорке.

— А я здесь и не живу. Просто на пару дней приехал в Толедо. Клянусь, когда я летел в самолете, у меня возникла сумасшедшая идея. Я отказался от номера в «Хилтоне» и подумал, что хорошо бы снять комнату здесь, просто чтобы посмотреть, не заходит ли сюда кто-нибудь из нашей старой компании. Глупо, да?.. И надо ведь, встретил тебя!

— Странно! Действительно странно! Я подумал о том же самом несколько секунд назад.

— Пойдем выпьем!

* * *

Таунсенд громко разглагольствовал о корпоративной морали. Тримейн почти не слушал его, он думал о Кардоуне. В третий раз опорожнив свой стакан, Дик обернулся, ища глазами телефон-автомат, который был здесь в дни его юности. Тогда он находился в укромном месте, у служебного выхода, и знали о нем лишь завсегдатаи бара.

Теперь телефона не было. А Джек Таунсенд все говорил и говорил, теперь он вспоминал давно забытые дни, безвозвратно ушедшие в прошлое.

В нескольких футах от них стояли два негра в кожаных куртках.

В прежние времена их бы сюда не пустили.

О, чудесные дни юности...

Тримейн залпом выпил четвертый стакан... Этот Таунсенд никогда не заткнется...

Он должен, должен позвонить Джо. Его снова охватила паника... Может быть, Джо что-то знает? Тогда он быстро рассеет все сомнения относительно Остерманов.

— Что с тобой, Дик? Ты, кажется, очень взволнован?

— Я все, же здесь в первый раз за эти годы... — невнятно пробормотал Тримейн и поднялся. — Мне нужно позвонить. Извини.

Таунсенд мягко удержал его, положив на его руку свою большую ладонь.

— Ты хочешь звонить Кардоуну?

— Что?..

— Я спросил, кому ты собираешься звонить, Кардоуну?

— Ты кто?.. Какого дьявола ты...

— Я друг Блэкстоуна. Не звони Кардоуну. Не делай этого ни при каких обстоятельствах, слышишь? Неужели ты не можешь понять, что сам себе роешь могилу?

— Я ничего не понимаю! Кто ты такой? — Тримейн старался говорить тихо, но голос его гулко разносился по бару.

— Послушай: Кардоун может быть опасен. Мы ему не доверяем. Мы в нем не уверены, как не уверены в Остерманах.

— О чем ты говоришь?

— Возможно, они сговорились. В таком случае ты остался один. Ты должен действовать хладнокровно и попытаться выяснить, как далеко они зашли. Мы будем поддерживать с тобой связь... Мистер Блэкстоун ведь уже сказал тебе об этом, да?

И тут Таунсенд сделал странную вещь. Он вынул из бумажника банкнот и положил его перед Ричардом Тримейном. Он произнес только два слова:

— Возьми это.

Затем он быстро поднялся и вышел из зала.

На столе остался лежать банкнот в сто долларов. «Он что, хотел меня купить, — недоумевал Тримейн. — Нет, это просто символ. Цена. Не важно какая».

* * *

Когда Фоссет вошел в гостиничный номер, двое находившихся там мужчин стояли склонившись над столом, на котором были разложены какие-то бумаги и карты. Один из присутствующих был Грувер. Второго звали Коул.

Фоссет снял шляпу и темные очки и положил их на бюро.

— Все в порядке? — осведомился Грувер.

— Все идет по плану. Если, конечно, Тримейн не слишком напьется в «Билтморе».

— Даже если он напьется, — сказал Коул, не поднимая глаз от карты автомобильных дорог штата Нью-Джерси, — какой-нибудь добродушный, падкий на взятки полицейский все уладит.

— Вы поставили своих людей по обе стороны моста?

— Да. И у туннелей. Иногда он едет в город через туннель Линкольна и подъезжает к дому со стороны Паркуэй...

Мои люди все время на связи. — Коул делал какие-то пометки на листе кальки, наложенном на карту.

Зазвонил телефон. Грувер шагнул к туалетному столику и взял трубку.

— Грувер слушает... Да? Хорошо, мы перепроверим, но я уверен, мы бы знали, если бы он... Хорошо. Не беспокойтесь. Держите с нами связь. — Грувер положил трубку и постоял какое-то мгновение у аппарата.

— Что там случилось? — Фоссет снял белый пиджак и стал закатывать рукава.

— Это из Лос-Анджелеса. Между тем моментом, когда Остерман покинул студию и был остановлен в Малхолланде, они минут на двадцать потеряли его из виду. Беспокоятся, не мог ли он за это время связаться с Кардоуном или Тримейном.

Коул поднял взгляд от стола.

— Около одиннадцати по нашему, около десяти по калифорнийскому времени?

— Да.

— Кардоун был в своей машине, а Тримейн на улице. Ни до того, ни до другого он просто не смог бы дозвониться.

— Я понимаю, чего они боятся, — перебил его Фоссет. — Тримейн сегодня днем, не тратя времени, стал звонить Кардоуну.

— Мы предвидели это, Лэрри, — кивнул Коул. — Мы перехватили бы их, если бы они назначили встречу.

— Да, я знаю. И все же риск был.

Коул громко рассмеялся, поднимая кальку с карты.

— Ты планируешь, мы выполняем. Вот здесь все дороги, ведущие в город.

— Мы ведь уже составляли схему.

— Джордж забыл захватить копию, а все остальные карты в деле. На командном пункте должна быть карта района боевых действий.

— Это моя вина, — улыбнулся Грувер. — Я до двух ночи был на совещании, а к половине седьмого нужно успеть на самолет. Я забыл и бритву, и зубную щетку, и Бог знает что еще.

Телефон опять зазвонил, и Грувер снял трубку.

— ...Понятно... подождите минутку — Он опустил руку с трубкой и повернулся к Лоренсу Фоссету: — Наш второй шофер не поладил с Кардоуном...

— О Господи! Надеюсь, ничего страшного не произошло?

— Нет-нет. Вспыльчивый чемпион попытался вылезти из машины и затеять драку, но все обошлось.

— Передай шоферу, чтобы ехал назад в Вашингтон. Пусть выбирается из этого района.

— Возвращайся назад, Джим... Да, конечно, можешь... О'кей. Увидимся на базе. — Грувер положил трубку и подошел к столу.

— А что Джим «конечно, может»?

— Оставить машину в Мэриленде. Ему кажется, что Кардоун запомнил номер.

— Прекрасно. А что семья Цезаря?

— Их хорошо проинструктировали, — сообщил Коул, — теперь они ждут не дождутся, когда объявится некий Джузеппе Амбруззио Кардионе. Сын Цезаря из штанов выпрыгнет, чтобы лишний раз доказать, что не имеет ничего общего со своим папочкой.

— Что это значит? — Грувер поднес к сигарете зажигалку.

— Старик Цезарь сколотил рэкетом состояние. А его старший сын работает в конторе окружного прокурора и фанатично ненавидит все связанное с мафией.

— Замаливает семейные грехи?

— Да, что-то в этом роде.

Фоссет подошел к окну и поглядел вниз на ярко-зеленый ковер Центрального парка. Когда он заговорил, голос его был очень тихим, но в нем звучал такой неподдельный азарт, что его коллеги не смогли сдержать улыбок.

— Игра началась. Ставки сделаны. Все они напуганы и сбиты с толку. Ни один не знает, что произошло и как нужно себя вести. Теперь мы подождем и посмотрим. Дадим им передохнуть. Исчезнем на двадцать четыре часа... И у «Омеги» не будет выхода. Им придется действовать.

* * *

Среда, десять пятнадцать утра

Когда Таннер приехал в свой офис, было уже четверть одиннадцатого. Хотя он понимал, что Фоссет прав, ему с большим трудом удалось уговорить себя выйти из дома. Сев за рабочий стол, Таннер принялся просматривать почту и записки. Все просили совета. Никто не желал принимать решения самостоятельно.

«Как музыканты, чутко следящие за взмахом дирижерской палочки. Или собрание, послушное воле своего председателя», — подумал он.

Подняв трубку, Джон Таннер набрал код Нью-Джерси.

— Привет, Эли.

— Привет, дорогой. Ты что-нибудь забыл?

— Нет... Просто соскучился. Чем ты занимаешься?

В доме номер двадцать два по Орчед-Драйв в Сэддл-Вэлли Элис Таннер счастливо улыбнулась.

— Чем занимаюсь?.. Согласно приказу великого хана я надзираю за тем, как его сын убирает в подвале. И, подчиняясь воле того же хана, заставляю его бедную дочь жарким июльским утром корпеть над книгами, которые им в школе велели прочитать за лето. Как еще она сможет попасть к двенадцати годам в Беркли?

Таннер почувствовал в голосе жены недовольство. Кода она была маленькой девочкой, то проводила летние каникулы в грустном одиночестве. И теперь ей хотелось, чтобы каникулы дочери были беззаботными и веселыми.

— Хорошо, пусть она отдохнет...

— Звонила Нэнси Лумис и спрашивала, сможет ли Дженет прийти к ним на ленч...

— Эли... — Таннер переложил трубку в левую руку. — Я бы отложил визит к Лумисам на несколько дней...

— Почему?

Джон знал Джима Лумиса по совместным поездкам на восьмичасовом экспрессе.

— Джим затевает какую-то аферу на бирже и пристает ко всем в поезде с предложением войти в долю. Если он не поймает меня на этой неделе, то мне удастся отвертеться.

— А что говорит Джо?

— Он ничего не знает об этом. Джим не хочет, чтобы Джо знал... Конкурирующие фирмы, понимаешь?

— Но я не понимаю, каким образом приглашение Дженет на ленч может...

— Я просто не хочу попасть в неловкое положение. У нас нет тех денег, что ему нужно.

— Ну хорошо, пусть будет по-твоему.

— И... сделай мне еще одно одолжение. Не отходи сегодня далеко от телефона.

Элис Таннер удивленно вскинула брови.

— Почему?

— Я не буду сейчас рассказывать, но мне могут позвонить по важному делу... мы с тобой много говорили об этом...

Элис Таннер непроизвольно понизила голос и, не сдержав улыбки, заговорщически прошептала:

— Тебе предложат что-нибудь стоящее?

— Возможно. Они собирались позвонить домой, чтобы договориться о встрече.

— О, Джон! Как это здорово! Я так рада...

— Да, предложение может оказаться... интересным. — Ему вдруг стало трудно говорить. — Я позвоню тебе позже.

— Это чудесно, Джон! Конечно, я буду ждать. Я сделаю звонок погромче, так что его будет слышно даже в Нью-Йорке!

— Я позвоню тебе позже, — повторил он.

— И расскажешь подробности, ладно?

Таннер медленно положил трубку на рычаг и вздохнул. Пришлось солгать... но зато его семья останется дома.

Он знал, что нужно переключиться на проблемы телекомпании. Фоссет предупреждал, что в его поведении не должно быть никаких отклонений от нормы. А нормой для директора службы информации была напряженная работа. Таннера знали в руководстве компании как человека, который в любой ситуации безошибочно прогнозирует возможные трудности. Теперь наступил момент, когда главное — не допустить хаоса. Он взял трубку телефона.

— Норма, я прочитаю список тех, кого приму сегодня утром. Позвоните и предупредите их. Передайте всем, что беседы будут короткими. Я даю им самое большее пятнадцать минут. Хорошо, если все предложения и замечания будут изложены письменно — полстраницы печатного текста... Передайте это им, пожалуйста. Мне сегодня нужно многое успеть.

Таннер освободился лишь около половины первого. Оставшись один, он закрыл дверь своего кабинета и позвонил домой.

Он не опускал трубку минуты две. Ответа не было. Никто не подходил к телефону, который должен был звонить так громко, чтобы было слышно в самом Нью-Йорке.

Часы показывали двенадцать тридцать пять. Наверное, Эли решила, что между полуднем и половиной второго по важному делу никто звонить не станет. Видимо, ей срочно понадобилось что-нибудь купить к обеду. Или захотелось пойти с детьми в клуб, чтобы они съели там по гамбургеру и поболтали с приятелями. Или она все-таки не смогла отказать Нэнси Лумис и повела Дженет на ленч. А может быть, она пошла в библиотеку?

Таннер попытался представить себе жену за одним из этих занятий. Конечно, ее что-нибудь отвлекло.

Он снова набрал номер домашнего телефона. Безрезультатно. Он позвонил в клуб...

— Извините, мистер Таннер. Мы подали ленч на улице... Нет, миссис Таннер к нам не заходила... Лумисы! Значит, они пошли к Лумисам...

— Что ты, Джон! Элис сказала, что у Дженет разболелся живот. Может быть, она повела ее к доктору?

До десяти минут второго Джон Таннер успел позвонить домой еще дважды. Последний раз он не клал трубку минут пять, тупо слушая однообразные гудки. Ему казалось, вот Эли уже бежит по лестнице и сейчас схватит трубку, и он ждал еще и еще...

Но никто так и не ответил.

Он пытался убедить себя, что волноваться глупо. Он же видел патрульную машину, которая сопровождала их, когда Эли везла его на станцию. Фоссет уверял его вчера, что за домом ведется постоянное наблюдение.

Фоссет!

Он поднял трубку и набрал номер телефона, который дал ему Фоссет на случай непредвиденных обстоятельств. Судя по коду, телефон был в Манхэттене.

— Грувер слушает.

— Кто? — удивился Таннер.

— Алло? Алло? Джордж Грувер слушает.

— Меня зовут Джон Таннер. Я хотел бы поговорить с Лоренсом Фоссетом.

— О, добрый день, мистер Таннер. Что-нибудь случилось? Фоссет вышел. Может быть, я смогу вам помочь?

— Вы — сослуживец Фоссета?

— Да, сэр.

— Я не могу дозвониться до своей жены. Я звонил уже несколько раз. Она не отвечает.

— Может быть, она куда-нибудь вышла? Не беспокойтесь. За домом ведется наблюдение.

— Вы уверены?

— Конечно.

— Я просил ее не отходить от телефона. Она думает, что я жду звонка...

— Я свяжусь с нашими людьми и перезвоню вам. Думаю, что смогу вас успокоить.

Таннер опустил трубку, чувствуя некоторую неловкость. Однако прошло пять минут, а обещанного звонка не последовало.

Он снова набрал номер Фоссета, но линия была занята. Он быстро положил трубку. Вероятно, это Грувер сам звонит ему. Да, наверное, так и есть. Сейчас он позвонит еще...

Но телефон молчал.

Таннер снова снял трубку и медленно, тщательно следя за тем, чтобы все цифры были верны, набрал манхэттенский номер.

— Грувер.

— Это Таннер. Я думал, вы позвоните сразу...

— Простите, мистер Таннер. У нас тут небольшое затруднение. Пока ничего не удалось выяснить.

— Что значит «затруднение»?

— Мы не смогли связаться с нашими людьми из оперативной службы. Такое случается. Они же не могут все время сидеть у радиотелефона. Как только связь восстановится, мы сообщим вам.

— Меня это не устраивает! — рявкнул Таннер и, швырнув трубку на рычаг, встал. Вчера днем Фоссет пересказал ему все их действия до мельчайших подробностей — даже в момент самого телефонного разговора. А теперь этот Грувер якобы не может связаться с теми, кто ведет наблюдение за его домом. Как говорил Фоссет? «В Сэддл-Вэлли работает тринадцать наших агентов…»

А Грувер не может с ними связаться! Тринадцать человек и ни с одним нет связи?

Таннер вышел в приемную.

— Я ухожу. Норма, следите за моим телефоном. Если позвонит человек по фамилии Грувер, скажите ему, что я уехал домой.

Сэддл-Вэлли Инкорпорейтед 1862 Добро пожаловать!

— Куда теперь, мистер?

— Поезжайте прямо. Дальше я покажу.

Такси свернуло на Орчед-Драйв за два квартала до его дома. У Таннера лихорадочно забилось сердце. Сейчас станет видно их машину. Если она там, значит, все в порядке. О Господи! Пусть все будет в порядке…

Автомобиля не было.

Таннер взглянул на часы.

Два сорок пять. Без пятнадцати три! А Элис нет дома!

— Налево. Дом, обшитый деревом.

— Прекрасное место, мистер. Просто чудесное.

— Быстрее!

Такси подъехало к дому. Расплатившись, Таннер распахнул дверцу и вышел.

— Эли! Эли! — Он стремительно прошел через кухню и свернул к гаражу.

Никого. Маленький «триумф» на месте.

Тишина.

И все-таки что-то не так. Запах... Едва различимый тошнотворный запах. Откуда он?

— Эли! Эли! — Он вернулся на кухню и в окно увидел бассейн. О Боже! Он лихорадочно обшарил глазами поверхность воды и рванулся к двери, ведущей во двор. Дверь была заперта. Он с размаху ударил плечом и, сорвав защелку, выбежал во двор.

Слава Богу! В воде никого не было!

Проснулся и залаял его любимец — уэльский терьер. Пес был посажен на цепь и теперь рвался с нее, захлебываясь заливистым лаем.

Таннер бросился в подвальное помещение.

— Рей! Дженет! Эли!

Тишина. Только во дворе истошно лает собака.

Оставив дверь подвального этажа открытой, он устремился к лестнице.

Он несся наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Дверь их с Элис спальни закрыта. И тут он услышал... слабо доносившуюся оттуда музыку. Они никогда не оставляли радио включенным. Так было заведено. Тем более что в приемник Элис были встроены часы и таймер, который отключал радио не позднее чем через час после начала работы. Они с Элис всегда пользовались этим таймером. А Элис уехала два с половиной часа назад. Значит, радио включил кто-то другой.

Таннер отворил дверь.

Никого.

Он хотел было обыскать другие комнаты, но вдруг увидел записку, приколотую рядом с приемником.

В один прыжок он оказался у туалетного столика.

«Вашей жене и детям неожиданно пришлось уехать. Вы найдете их у старого железнодорожного вокзала на Лесситер-роуд».

Охваченный ужасом Таннер припомнил заброшенную станцию, расположенную в лесу. Туда вела единственная проселочная дорога.

Что он наделал?! Он стал причиной их... О Господи, неужели они погибли? Если это так, то он убьет Фоссета! Убьет Грувера! Убьет всех тех, кто должен был следить за его домом!

Он выбежал из спальни и бросился вниз по лестнице в гараж. Ворота были распахнуты. Он сел за руль «триумфа» и включил зажигание...

Таннер гнал машину по Орчед-Драйв, лихорадочно соображая, как быстрее проехать до Лесситер-роуд. Вот уже пруд, который называли озером Лесситер, — зимой местные жители катались здесь на коньках. Лесситер-роуд начиналась на другой стороне пруда и исчезала в густом лесу, а Джон не переставая давил на педаль акселератора. Он разговаривал сам с собой, беспрестанно повторяя:

— Эли!.. Эли! Дженет! Рей!

Дорога петляла. Прямо. Поворот. Опять поворот. Солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны деревьев. Других автомобилей на дороге не было. Никаких признаков жизни!

Неожиданно за очередным поворотом показалась заброшенная станция. Там, на полузаросшей травой площадке для автомобилей, стоял многоместный фургон. Таннер резко затормозил и выскочил из машины. На мгновение он потерял контроль над собой. Неужели случилось самое страшное?

На полу машины он увидел сползшее с переднего сиденья неподвижное тело жены. Сзади полулежали маленькая Дженет и его сын, бессильно свесив головы.

О Боже! Это конец! На глаза навернулись слезы, руки затряслись.

Джон застонал, дернул на себя дверь и ощутил, как его теплой волной обдал тошнотворный запах.

«Так вот чем пахло в гараже», — подумал Джон. Он ухватил Элис под мышки и приподнял.

— Эли! Эли! О Господи! Пожалуйста, очнись, Эли! Жена медленно открыла глаза и несколько раз моргнула. Она была жива, хотя еще не совсем пришла в себя. Она шевельнула руками.

— Где... где я? Джон? Дети! — вдруг вскрикнула она, и этот крик больно резанул Таннера по сердцу.

Он рванулся к задней дверце и увидел, что дети зашевелились.

Они живы! Все трое живы!

Эли выбралась из машины и опустилась на траву. Таннер осторожно поднял Дженет с заднего сиденья и прижал к себе. Девочка плакала.

— Что случилось? Что случилось? — тупо повторяла Элис, качая головой.

— Тебе нельзя говорить, Эли. Молчи. Дыши глубже. Как можно глубже... Возьми ее. — Он передал жене плачущую Дженет. — Я займусь Реем.

— Что случилось? Только не говори мне...

— Успокойся! Дыши. Дыши глубже!

Он помог Рею выбраться из машины. Мальчик был очень бледен. Его тошнило.

— Джон, ты не...

— Поднимайся и ходи. И заставь ходить Дженет. Делай, как я сказал!

Элис Таннер безропотно подчинилась приказу мужа. Мальчик выпрямился и замотал головой.

— Сейчас получше, сынок?

— Где мы? — Реймонд дрожал.

— Все в порядке. Теперь уже в порядке... Все будет нормально... Все...

Таннер оглянулся на жену. Она поставила Дженет на землю и, бережно поддерживая ее, уговаривала сделать хотя бы шаг. Девочка громко плакала. Таннера душили гнев и горечь. Он вернулся к фургону и посмотрел, на месте ли ключ зажигания.

Ключа в замке не было. Странно.

Он посмотрел под сиденьями, в ящике на передней панели, в задней части машины... Наконец он нашел его между откидными сиденьями. Ключ был завернут в белую бумагу, прихваченную резинкой.

Плач дочери перешел в судорожные рыдания, и Элис снова взяла ее на руки и, пытаясь успокоить, снова и снова повторяла, что все в порядке.

Отвернувшись так, чтобы жена не видела, Таннер сдернул резинку и, быстро развернув ключ, разгладил бумагу на сиденье.

Лист был чист.

Он смял его и сунул в карман. Теперь он расскажет Эли, что случилось. Они уедут. Далеко. Очень далеко. Он все ей расскажет, но не при детях.

— Садись в машину, — мягко сказал он сыну и, подойдя к жене, взял из ее рук плачущую дочь. — Возьми ключи от «триумфа», Эли. Мы едем домой.

Жена стояла перед ним с широко раскрытыми, полными ужаса глазами. По щекам ее текли слезы. Она пыталась взять себя в руки, всеми силами стараясь сдержать рыдания.

— Что случилось? Что с нами произошло?

Таннер не успел ответить. Раздался гул автомобильного мотора, и в десяти ярдах от них остановилась машина полицейского управления Сэддл-Вэлли.

Из машины выскочили Дженкинс и Макдермотт. Дженкинс держал наготове револьвер.

— Все в порядке? — на ходу спросил он у Таннера. Макдермотт быстро подошел к автофургону и спокойней заговорил с сидевшим сзади мальчиком.

— Мы прочли записку в вашей спальне. И кажется, совершенно случайно обнаружили большую часть похищенного имущества.

— Имущества? — Элис Таннер изумленно уставилась на полицейского. — Какого имущества?

— Два телевизора, украшения миссис Таннер, шкатулку ссеребром и небольшую сумму наличными. Составлена опись, она в управлении. Мы не знали, все ли это. Вещи были обнаружены в машине, брошенной в нескольких кварталах от вашего дома. Они могли взять что-то еще. Вам нужно будет проверить.

Таннер передал дочь жене.

— О чем вы говорите, черт побери?!

— Вас обокрали. Должно быть, вернувшись с улицы, ваша жена застала их в доме. Ее и детей отравили газом в гараже... Работали явно профессионалы, в этом нет сомнений. Они действовали как настоящие...

— Вы лжете! — тихо произнес Таннер. — Не было никакого ограбления.

— Пожалуйста! — остановил его Дженкинс. — Главное сейчас — позаботиться о вашей жене и детях.

Из автомобиля высунулся Макдермотт.

— Мальчика нужно доставить в больницу. Срочно!

— Господи! — Элис с дочерью на руках бросилась к машине.

— Пусть Макдермотт отвезет их, — сказал Дженкинс.

— Как я могу доверять вам? Ведь вы солгали! Из моего дома, ничего не пропало. Все было на месте — и телевизоры и вещи. Никаких следов ограбления... Зачем вы солгали?

— Сейчас нет времени. Я пошлю Макдермотта с вашей женой и детьми, — быстро проговорил Дженкинс.

— Они поедут со мной!

— Нет. — Дженкинс слегка шевельнул револьвером.

— Я убью вас, Дженкинс!

— А кто же тогда встанет между вами и «Омегой»? — спокойно парировал Дженкинс. Будьте благоразумны. Скоро сюда приедет Фоссет. Он хочет вас видеть.

* * *

— Я сожалею. Очень сожалею. Больше это не повторится. Фоссет и вправду выглядел удрученным.

— Но что это было? Куда девалась ваша надежная охрана?

— Мы допустили небольшой просчет при планировании графика дежурств. Произошла задержка, которую трудно было предвидеть... Я говорю правду. Мне нет смысла лгать вам. Вина за этот промах полностью лежит на мне. — Фоссет смотрел прямо в глаза Джона.

— Но вас же здесь не было, — возразил Таннер.

— Тем не менее, ответственность буду нести я. Операция в Сэддл-Вэлли поручена мне. Агенты «Омеги» увидели, что посты наблюдения сняты — это длилось не долго, всего лишь пятнадцать минут, — но им их хватило.

— Я не могу с этим смириться. Вы подвергли смертельному риску жизнь моей жены и детей.

— Я заверяю вас, больше такое не повторится. И потом, события сегодняшнего дня все-таки обнадеживают — «Омега» не убивает. Шантаж, террор — да. Убийство — нет.

— Почему вы так решили? ЦРУ прославилось своими промахами. Я вам не верю и заявляю, что больше не позволю вам решать за меня.

— Вы, стало быть, собираетесь действовать сами? — вкрадчиво спросил Фоссет.

— Да, — твердо ответил Джон.

— Не будьте глупцом. Если не хотите подумать о себе, подумайте о своей семье.

Таннер поднялся со стула. Через тонкие занавеси на окнах он видел двоих крепких мужчин, стоявших у дверей отеля.

— Я заберу их отсюда.

— Куда же вы отправитесь?

— Не знаю. Я знаю только, что мы здесь больше не останемся.

— Вы полагаете, «Омега» не будет преследовать вас?

— Зачем им это делать? Я ведь не ваш человек...

— Они могут думать иначе.

— В таком случае я сообщу им правду.

— Каким образом? Дадите объяснение в «Таймс»?

— Нет! — Таннер резко повернулся и ткнул пальцем почти в лицо разведчика. — Это передадите им вы. Каким хотите способом... А если вы этого не сделаете — всем крупнейшим телекомпаниям страны станет известна правда об этой операции и о том, как халатно вы ее ведете. Это будет крахом для вас.

— И для вас тоже. Вас просто уничтожат. И вашу жену. И детей.

— Не смейте угрожать мне!

— О Господи, ну подумайте сами! Подумайте, что же все-таки произошло! — Фоссет был готов взорваться, но сумел взять себя в руки и, резко понизив голос, произнес: — Поверьте мне... Мою жену убили в Восточном Берлине. Ее убили только за то, что она была моей женой. Они хотели... преподать мне урок. Я все прекрасно понимаю. Пока вы ничего не знали, вы были в безопасности. Теперь ситуация изменилась.

Таннер опешил.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что вы должны все делать так, как запланировано. Мы подошли слишком близко к цели. Мне нужна «Омега».

— Вы прекрасно знаете, что не можете принудить меня к сотрудничеству.

— Могу... Потому что если вы откажетесь, если решите сбежать, я уберу всех своих людей из Сэддл-Вэлли. Вы останетесь один... И не думаю, что вы сумеете один справиться с ситуацией.

— Я увезу отсюда семью...

— Не говорите ерунды! «Омега» моментально воспользовалась нашей оплошностью. Люди, входящие в нее, находятся в постоянной готовности. Они действуют быстро и профессионально. Вряд ли, вступив в противоборство с ними, вы сумеете победить. Ни у вас, ни у вашей семьи нет шансов на победу. Мы признали нашу ошибку. Других ошибок мы не допустим.

Таннер прекрасно понимал, что Фоссет прав. Если теперь он останется один на один с «Омегой», у него просто не хватит сил противостоять им.

— Вы не шутите?

— А вы бы стали шутить, когда вокруг вас минное поле?

— Вряд ли... То, что произошло сегодня днем... что это может означать?

— Вас запугивают... те, кто сделал это, не оставили следов. Когда мы поняли, что произошло, то сразу же имитировали ограбление, забрав кое-что из вашего имущества — ценные вещи, драгоценности. Вы получите их, когда операция закончится. Так все будет выглядеть более правдоподобно.

— Значит, вы рассчитываете, что я соглашусь с вашей версией?

— Конечно. Это самое разумное для вас решение.

— Да... наверное.

Таннер полез в карман за сигаретами. Зазвонил телефон, и Фоссет быстро поднял трубку. Он негромко переговорил с кем-то, затем повернулся к Таннеру.

— Ваша семья уже дома. С ними все в порядке. Там сейчас работают несколько наших людей — наводят порядок после «ограбления», разбирают вещи... Они сделают вид, что пытаются найти отпечатки пальцев злоумышленников, но, как вы понимаете, выяснится, что преступники работали в перчатках. Вашей жене сказали, что вы сейчас в управлении полиции даете показания.

— Понятно...

— Хотите, чтобы мы отвезли вас домой?

— Нет... Нет, не хочу. Хотя думаю, от присутствия ваших людей мне в любом случае не избавиться.

— Это делается исключительно из соображений вашей же безопасности, — холодно сказал Фоссет.

* * *

Таннер зашел в «Виллидж-паб» — самый популярный бар Сэддл-Вэлли — и позвонил Тримейнам.

— Джинни? Это Джон. Мне нужно поговорить с Диком. Он дома?

— Джон Таннер?

Почему она переспросила? Почему так странно произнесла его фамилию? Она ведь знает его голос.

— Да. Дик дома?

— Нет... Конечно нет. Он на работе. А что случилось?

— Так, ничего серьезного...

— Ты не можешь мне сказать?

— Мне просто нужно посоветоваться с ним как с юристом. Попробую позвонить ему в офис. Пока.

Таннер чувствовал, что сыграл плохо. Все получилось натянуто. Но и Вирджиния Тримейн явно не справилась с ролью.

Таннер набрал номер нью-йоркской конторы Тримейна...

— Сожалею, мистер Таннер, но мистера Тримейна сейчас нет. У него важная встреча.

— Мне нужно срочно переговорить с ним. Как с ним можно связаться?

Секретарша Тримейна нехотя назвала номер. Таннер снова принялся накручивать диск...

— К сожалению, мистера Тримейна у нас нет.

— Но в его офисе мне сказали, что он уехал к вам.

— Он позвонил сегодня утром и отменил встречу. Мне очень жаль, сэр...

Таннер повесил трубку. Затем, немного помедлив, он позвонил Кардоунам...

— Папа и мама уехала еще утром, дядя Джон. Сказали, что вернутся после обеда. Сказать, чтобы они позвонили вам?

— Нет... нет. Это не обязательно.

Внутри у него похолодело. Он вызвал междугородную, назвал адрес и номер, и вскоре за три тысячи миль от Сэддл-Вэлли в Беверли-Хиллз зазвонил телефон.

— Резиденция Остерманов.

— Можно мистера Остермана?

— Его нет. Кто его спрашивает?

— А миссис Остерман дома?

— Нет.

— Когда они будут?

— Обещали вернуться на следующей неделе. А кто звонит?

— Моя фамилия Кардоун. Джозеф Кардоун.

— Кар-до-ун...

— Верно. Давно они уехали?

— Вчера вечером. Они вылетели в Нью-Йорк десятичасовым рейсом.

Джон Таннер повесил трубку. Значит, Остерманы в Нью-Йорке! Уже сегодня утром они были там.

Тримейны, Кардоуны, Остерманы.

Все здесь, поблизости. И все скрываются.

Неужели правда, что они члены «Омеги»? Теперь слова Фоссета уже не казались Таннеру абсурдом.

* * *

Четверг, три часа утра

К тому времени, когда Таннер вернулся домой, в комнатах был восстановлен относительный порядок, но следы деятельности «грабителей» были еще видны. Стулья стояли не на своих местах, ковры сбиты. Торшер сдвинут от стены к центру комнаты. Настольная лампа, книги, вещи, бумаги загромождали стол в гостиной. Женщина, которая вместе с Элис убирала в доме, еще не успела расставить все по местам.

Элис рассказала ему, как им помогали полицейские. Если она что-то и заподозрила, то не подала виду.

Впрочем, Элис Маккол еще в детстве пришлось столкнуться с различными проявлениями насилия. Присутствие в доме полицейских не было для нее чем-то необычным, поэтому ее реакция оказалась очень взвешенной.

Иным было состояние ее мужа. Он оказался не готов к отведенной ему роли. Вторую ночь он не мог заснуть. Он смотрел на телефон, на часы, на стоявший рядом приемник. Было уже половина третьего, а он так и не сомкнул глаз. Мысли его лихорадочно крутились вокруг единственного слова — «Омега».

Он попытался закрыть глаза.

«Нет, все равно не заснуть. Нужно встать, — сказал он себе. — Встать и пройтись по дому. Может быть, что-нибудь съесть, почитать, покурить. Любым способом отвлечься от навязчивых мыслей».

Перед тем как пойти спать, они с Элис выпили несколько рюмок бренди. Для Элис этого было достаточно, она уснула почти сразу: сказались пережитые волнения и усталость.

Таннер поднялся с постели и спустился вниз. Он походил по дому, доел остатки дыни в кухне, просмотрел старые газеты в коридоре, полистал журналы в гостиной. Затем пошел в гараж. Там еще чувствовался слабый — теперь уже едва ощутимый — запах газа, которым отравили его жену и детей. Постояв немного, он развернулся и возвратился назад, в дом, забыв погасить свет в гараже.

Докурив сигарету, Таннер заметил, что пачка пуста и огляделся. Джон помнил, что где-то в кабинете был целый блок. Ему не хотелось больше курить, он сделал это чисто автоматически. Когда он выдвинул верхний ящик стола, раздавшийся рядом шум заставил его поднять глаза. В окно кабинета постучали, и слабый луч фонарика замелькал по стеклу.

— Это я, Дженкинс, мистер Таннер, — раздался приглушенный голос. — Подойдите к двери, ведущей во двор.

Облегченно вздохнув, Таннер кивнул темному силуэту по другую сторону окна.

— Задвижка на двери почему-то сорвана, — пояснил Дженкинс, когда Таннер вышел во двор. — Мы не знаем, как и когда это случилось.

— Это я сорвал. Что вы здесь делаете?

— Следим, чтобы не повторилось то, что произошло днем. Нас тут четверо. Мы подумали, чем это вы занимаетесь среди ночи. Во всех окнах первого этажа свет. И в гараже тоже. Что-нибудь случилось? Вам никто не звонил?

— А если бы кто-нибудь звонил, разве вы об этом не знали бы?

Дженкинс улыбнулся и вошел в дом.

— Мы должны знать обо всем, но вы сами понимаете, никто не застрахован от случайных накладок.

— Пожалуй. Хотите чашку кофе?

— Только если вы приготовите на всех четверых. Парни не могут оставить пост.

— Конечно. — Таннер налил воды в чайник. — Растворимый устроит?

— Вполне. Спасибо… — Дженкинс сел за кухонный стол, передвинув кобуру большого полицейского кольта. Он внимательно посмотрел на Таннера, затем огляделся по сторонам.

— Я рад, что вы рядом, — помолчав, признался Таннер. — Я очень ценю это, поверьте. Конечно, я понимаю, что это ваша работа...

— Не только работа. Мы все озабочены и... сочувствуем вам.

— Спасибо. У вас есть жена, дети?

— Нет, сэр.

— А мне казалось, что вы женаты.

— Женат мой напарник Макдермотт.

— Ах да... вы поступили сюда на службу года два назад, да?

— Около того.

Таннер отвернулся от плиты и взглянул прямо в лицо Дженкинсу.

— Вы — один из них?

— Простите...

— Я спрашиваю, вы один из них? Вчера днем вы произнесли слово «Омега». Значит, вы — человек Фоссета?

— Меня просто проинструктировали относительно того, что я должен вам говорить. Хотя, разумеется, я встречался с мистером Фоссетом.

— Но ведь вы не просто провинциальный полицейский, разве не так?

Дженкинс не успел ответить. Снаружи раздался душераздирающий крик, и они оба вздрогнули. Им обоим уже доводилось раньше слышать, как кричат люди перед смертью: Танжеру — во Франции, Дженкинсу — у реки Ялу. Поэтому они одновременно вскочили со своих мест. Дженкинс бросился к двери, ведущей во двор. Таннер последовал за ним. Из темноты возникли еще две фигуры.

— Это Фергюссон! Фергюссон! — хриплым голосом повторяли оба полицейских. Дженкинс обогнул бассейн и бросился к роще, начинавшейся прямо за участком Таннера. Журналист, спотыкаясь, бежал за ним, изо всех сил стараясь не отстать.

...Изуродованное тело лежало на куче травы. Голова была отрезана. Мертвые глаза почти вылезли из орбит.

— Остановитесь, мистер Таннер! Не подходите! Не смотрите! — Дженкинс схватил оцепеневшего Таннера за плечи, пытаясь оттеснить его от трупа. Два охранника, держа наготове пистолеты, скрылись в глубине рощи.

Таннера мутило. У него подкашивались ноги, и он, зашатавшись, рухнул на землю. Никогда раньше он не испытывал такого дикого ужаса.

— Послушайте меня, — прошептал Дженкинс, опускаясь на колени рядом с Джоном, которого била нервная дрожь. — Этот труп предназначен не для того, чтобы его увидели вы. У этой игры свои законы, свои правила, которые хорошо известны профессионалам. Эта смерть — знак для Фоссета. И вся кровавая трагедия разыграна не для вас, а для него.

* * *

Тело положили на брезент; двое мужчин подняли его и унесли прочь. Их движения были точны и спокойны.

— Ваша жена еще спит, — раздался сзади тихий голос Фоссета. — Это хорошо... Мальчик проснулся и спустился вниз. Макдермотт сказал ему, что вы готовили кофе для охранников.

...Таннер сидел на траве у дальнего конца бассейна, пытаясь прийти в себя после событий последнего часа. Фоссет и Дженкинс стояли над ним.

— Боже мой, как это могло случиться? — Он посмотрел в ту сторону, куда охранники унесли труп, и голос его сорвался. Фоссет присел рядом.

— На него напали сзади, из-за изгороди.

Таннер нахмурил брови.

— Сзади?

— Да. Это был кто-то хорошо знавший лес за вашим домом.

В глазах Фоссета читался невысказанный упрек.

— В этом виноват я, да?

— Возможно... Дженкинс оставил свой пост. Его участок был смежным... Зачем вы спустились вниз? Почему во всех окнах первого этажа горел свет?

— Я не мог заснуть. Решил встать и пройтись по дому.

— Свет горел и в гараже. Что вы делали в гараже?

— Я... я не помню. Кажется, вспоминал о том, что произошло днем.

— Вы не выключили свет в гараже... Я могу понять, что человек нервничает, встает с постели и спускается вниз — покурить или выпить. Это я могу понять. Но зачем нужно идти в гараж и оставлять там зажженным свет?.. Вы куда-то собираетесь, мистер Таннер? — неожиданно спросил Фоссет.

Таннер вздрогнул.

— Собираюсь?.. Нет. Нет, конечно нет. Куда я могу собираться?

Фоссет посмотрел на Дженкинса, который пристально следил за выражением лица Таннера при тусклом свете, падающем из окон первого этажа. Чуть помедлив, Дженкинс спросил:

— Вы действительно никуда не собирались?

— Господи!.. Вы что, решили, что я собирался сбежать, и пришли в дом, чтобы остановить меня?

— Говорите, пожалуйста, тише. — Фоссет поднялся.

— Неужели вы подумали, что я могу это сделать? Неужели вы готовы хоть на минуту допустить, что я оставлю семью?

— Вы могли взять семью с собой, — пожал плечами Дженкинс.

— О Господи! Вот, значит, почему вы подошли к окну, почему вы оставили свой... — Таннер не договорил, озаренный внезапной догадкой. Тошнота подступила к горлу, его едва не вырвало. Он поднял глаза на стоявших перед ним мужчин: — Господи, неужели?..

— Не казните себя. Не исключено, что это все равно произошло бы, — спокойно сказал Фоссет. — Возможно, эта смерть была запланирована, хотя пока ничего нельзя сказать наверняка. В любом случае, вы должны понять, что вели себя неправильно. То, что вы делали, не поддается объяснению. Вы должны следить за тем, что вы говорите, как действуете... никогда не забывайте об этом. Никогда.

Таннер с трудом поднялся на ноги.

— Вы должны все отменить. Так не может продолжаться.

— Отменить? Теперь, когда один из моих людей убит? В этом случае вас тоже убьют. Вас и вашу семью.

Таннер заметил мелькнувший в глазах разведчика недобрый огонек. Спорить с такими людьми было бесполезно. Они всегда оказывались правы.

— Вы проверили, где находятся Кардоуны, Тримейны и Остерманы?

— Да, проверили.

— Где они?

— Кардоуны дома. Тримейн остался ночевать в Нью-Йорке, жена его здесь.

— А Остерманы?

— Я обо всем расскажу вам, как только вы войдете в дом. Мы удвоим охрану.

— Говорите сейчас. Где Остерманы? Они в Калифорнии?

— Вы прекрасно знаете, что нет. Вы же звонили им днем, в четыре сорок шесть...

— Тогда где же они?

Фоссет посмотрел на него и просто ответил:

— Они, наверное, остановились в каком-нибудь отеле под чужим именем. Мы знаем, что они находятся недалеко от Нью-Йорка. Мы найдем их.

— Выходит, это мог быть Остерман?

— Мог. Вернитесь, пожалуйста, в дом. И не волнуйтесь. Теперь вас охраняет целая армия.

В другой обстановке Джона покоробил бы снисходительный тон Фоссета, но сейчас он почти не слышал его.

Таннер снова взглянул туда, где был убит один из людей Фоссета, и содрогнулся — зверское убийство произошло рядом с его домом. Он кивнул стоявшим рядом мужчинам и медленно направился к дому, чувствуя внутри отвратительную пустоту.

— Это правда? — спросил Дженкинс, повернувшись к Фоссету. — Тримейн действительно в Нью-Йорке?

— Да. Он крепко выпил и снял номер в «Билтморе».

— Кто-нибудь проверял, был ли он в номере ночью? Проводив глазами Таннера, который скрылся в дверях своего дома, Фоссет повернулся к Дженкинсу:

— Да, проверяли. Немного раньше. Наш человек сообщил, что он вошел — точнее ввалился — в свою комнату около полуночи. Мы приказали нашему агенту вернуться в отель утром около семи и продолжить наблюдение за Тримейном. А что вас беспокоит?

— Я пока не уверен... Возможно, что-то прояснится, если мы перепроверим Кардоунов.

— Но вы же проверяли. Он был дома.

— Мы решили, что он дома, потому что до сих пор у нас не было оснований полагать иначе, — задумчиво сказал Дженкинс.

— Объясните, что вы имеете в виду?

— У Кардоунов вечером были гости. Три супружеские пары. Все они приехали на машине с нью-йоркским номером. С поста наблюдения сообщили, что гости в спешке уехали около половины первого... Я вдруг подумал, что, может быть, Кардоун тоже сел в ту машину. Было темно. Он мог сделать это незаметно.

— Что ж, давайте проверим. Обоих. С «Билтмором» проблем не будет. А Кардоуну придется устроить еще один звонок от да Винчи.

Через восемнадцать минут оба сотрудника ЦРУ сидели в машине в нескольких сотнях ярдов от дома Таннера. Сообщение по радио не заставило себя ждать.

— Докладываем о результатах проверки, мистер Фоссет. Звонок от да Винчи ничего не дал. Миссис Кардоун сказала, что муж плохо себя чувствует — спит в гостиной, и она не хочет его будить. Потом она повесила трубку. Из «Билтмора» сообщили, что в комнате десять двадцать один никого нет. Тримейн даже не ложился.

— Спасибо, Нью-Йорк, — сказал Лоренс Фоссет и нажал на кнопку «выкл.». Он посмотрел на Дженкинса. — Вы можете представить, что такой человек, как Кардоун, не отвечает на звонок в половине пятого утра?

— Значит, его нет на месте!

— Ни его, ни Тримейна.

* * *

Четверг, шесть сорок утра

Фоссет позвонил Таннеру и посоветовал не ходить в четверг на работу. Но и без того никакая сила не смогла бы вытащить Джона из дома. Фоссет обещал встретиться с ним утром. Нужно было окончательно обсудить план обеспечения безопасности семьи Таннера.

Натянув защитного цвета брюки и захватив с собой рубашку и кроссовки, Таннер спустился вниз. В кухне он взглянул на часы: двадцать минут седьмого. Дети проспят еще часа полтора. Эли, если повезет, проснется в половине десятого или в десять. Сколько человек может быть сейчас внизу, подумал Таннер. Фоссет сказал, что и дом охраняет целая армия, но чем они смогут помочь, если «Омега» приговорит его к смерти? Ведь не помогли же тому несчастному, которого убили в лесу в половине четвертого утра? Слишком много случайностей в течение одного дня. Фоссет должен это понять. Дело зашло слишком далеко. А если то, что сначала показалось Джону нелепостью, соответствует действительности? Если Остерманы,

Кардоуны или Тримейны в самом деле сотрудничают с «Омегой», то он, Таннер, не сможет так запросто, как ни в чем не бывало, встретить их у своего порога. Это абсурд!

Он подошел к двери, ведущей из кухни во двор, и осторожно открыл ее. Он пойдет по направлению к лесу, пока не встретит кого-нибудь. Он найдет Фоссета.

— Доброе утро! — Дженкинс сидел на земле у опушки рощи. Под глазами его были темные круги — он не спал этой ночью.

— Здравствуйте. Вам так и не удалось отдохнуть?

— Меня сменят в восемь. Я не устал. А как вы? У вас измученный вид.

— Послушайте, я хочу видеть Фоссета. Мне нужно поговорить с ним до того, как он начнет строить новые планы. Полицейский взглянул на часы.

— Он собирался позвонить вам, после того как мы сообщим, что вы встали. Думаю, он не рассчитывал, что вы подниметесь так рано. Может быть, это и хорошо. Подождите секунду... — Дженкинс отошел на несколько метров в глубь рощи и тут же вернулся с рацией в брезентовом футляре на ремне.

— Идемте. Мы поедем к нему прямо сейчас.

— Мне бы не хотелось покидать семью даже на время, почему бы ему не прийти сюда?

— Успокойтесь... Никто не сможет даже приблизиться к вашему дому.

Дженкинс перебросил футляр с рацией через плечо и повел Таннера по свежевытоптанной тропе через рощицу. Через каждые тридцать — сорок футов им попадались вооруженные люди — сидящие, стоящие на коленях, лежащие на животе. Невидимые со стороны, они внимательно следили за его домом. Когда Дженкинс и Таннер приближались к ним, те сразу доставали оружие. Дженкинс отдал рацию последнему наблюдателю с восточного фланга и попросил:

— Сообщите Фоссету, что мы едем к нему.

* * *

— Нашего агента убили потому, что убийца был уверен: тот может его опознать впоследствии. А допустить этого они не имели права. — Фоссет мелкими глотками пил кофе из чашки, внимательно глядя на Таннера. — И кроме того, это можно считать предупреждением. Но не для вас. Вас оно не касается.

— Но его убили в пятидесяти ярдах от моего дома. Это не может не затрагивать меня.

— Ну, хорошо... Постарайтесь понять. К этому моменту они уже получили информацию, что вы обычный тележурналист и ничего более. Теперь они точно стервятники будут кружить друг над другом, не зная точно, кто же враг и есть ли у него сообщник или помощники... Убийца — конечно член их организации — наблюдал за домом. Он столкнулся с нашим агентом, и ему не оставалось ничего иного, как убить его. Пусть даже он не был с ним знаком и никогда раньше его не видел. Единственное, в чем убийца был уверен, так это в том, что тот, кто установил наблюдение за вами, будет обеспокоен молчанием своего агента и его труп очень скоро обнаружат. Это убийство — своего рода предостережение...

— Это лишь ваши догадки, — раздраженно прервал Фоссета Джон.

— Мы имеем дело не с дилетантами. Убийца понимал, что тело уберут до рассвета. Я говорил вам в Вашингтоне, что «Омега» — группа фанатиков. Обезглавленное тело у забора вашего дома — это ошибка, которую шефы за океаном им не простят.

— А может быть, они спланировали это убийство вместе?.. Если, как вы говорите, Остерманы, Кардоуны или Тримейны — агенты «Омеги», то, возможно, они все вместе задумали это?

— Нет, это невозможно. Они не имели связи друг с другом с начала нашей операции. Мы приготовили для них противоречивые версии — каждому свою. Мы послали им телеграммы через Цюрих, организовали телефонный звонок из Лиссабона, они получают записки с угрожающими предупреждениями — по почте и от незнакомцев на улице. Все три пары находятся в полном замешательстве. Никто из них не знает, чем занимаются сейчас другие.

Сидевший у окна мотеля Коул пристально посмотрел на Фоссета. Он знал, что Фоссет не может быть уверен в этом своем утверждении. Они примерно в двенадцать часов потеряли из виду Остерманов. Соответственно по три и три с половиной часа не велось наблюдение за Тримейном и Кардоуном. И все же Коул понимал, что разговаривать с Таннером иначе нельзя.

— Где сейчас Остерманы? Сегодня ночью — точнее утром — вы сказали, что не знаете, где они находятся.

— Мы обнаружили их. В одном из отелей Нью-Йорка. По нашим сведениям, Остерман вряд ли мог быть здесь этой ночью.

— Но вы опять не уверены...

— Я сказал «вряд ли», так как полностью исключить такую возможность мы не можем.

— Но вы убеждены, что это сделал кто-то из них?

—Да, мы так полагаем. Убийца — явно мужчина. Нужна большая сила, чтобы... И кроме того, он прекрасно ориентировался в окрестностях вашего дома, даже лучше, чем мы. А мы, как вы знаете, ведем наблюдение не одну неделю.

— Тогда остановите их! Ради всего святого, сделайте что-нибудь! Так больше не может продолжаться!

— Кого мы должны остановить?

— Всех их! Ведь убит человек!

Фоссет осторожно поставил на стол чашку с недопитым кофе.

— Если мы поступим так, как вы предлагаете, а это, признаюсь, весьма соблазнительно — убит один из моих людей, — то будет упущен последний шанс обнаружить «Омегу». Кроме того, возникнет определенный риск для вас и вашей семьи.

— Мы и сейчас рискуем не меньше, вы это прекрасно знаете.

— Вы вне опасности. До тех пор, пока будете вести себя как обычно. Если сейчас мы обнаружим себя, это фактически станет признанием того, что приближающийся уик-энд — ловушка. Тогда станет очевидно, что вы работаете на нас. Вот тогда действительно возникнет серьезная опасность для вас...

— Я не понимаю... не могу понять...

— Тогда поверьте мне на слово, — резко ответил Фоссет. — «Омега» должна выйти на нас. Другого пути нет. Таннер помолчал, внимательно глядя на Фоссета.

— Вы что-то недоговариваете? Уже слишком поздно.

— Вы весьма проницательны.

Фоссет снова взял чашку и подошел к столу, на котором стоял термос с кофе.

— Осталось не долго... День, самое большее два, и они себя обнаружат. Все, что нам нужно, — поймать одного. Один промах — и все будет кончено.

— Одна шашка динамита — и мой дом взлетит на воздух, — мрачно пошутил Таннер.

— Ничего подобного не случится. Крайних мер не будет. Во всяком случае, по отношению к вам их не применят. Вы, попросту говоря, этого не стоите. Теперь вы не представляете особой опасности. Они больше озабочены друг другом.

— А то, что произошло вчера днем в моем доме?

— Полиция уже выдвинула свою версию. Грабеж. Пусть не совсем обычный, но все же грабеж. Так думает ваша жена, и вам не следует ничего отрицать.

— Но они-то знают, что это ложь. Тогда они поймут и...

— И мы узнаем, кто «Омега», — продолжил Фоссет, ставя на стол термос, — кто из ваших друзей"

— А что должен делать я? Поднять телефонную трубку и позвонить вам? Они могут не пожелать этого...

— Начиная с завтрашнего дня, мы будем слышать каждое слово, сказанное в вашем доме, с того момента, когда у вас появится первый гость. Сегодня утром к вам приедут два мастера, чтобы починить поломанные во время налета телевизоры. Когда они будут проверять телевизионный кабель, то установят на всех этажах вашего дома миниатюрные подслушивающие устройства. Завтра, как только гости начнут съезжаться, мы включим их.

— Вы хотите убедить меня, что до этого они работать не будут?

— Не будут, — вступил в разговор Коул. — Нас не интересует ваша личная жизнь. Мы лишь стремимся обеспечить вашу безопасность.

— Сейчас вам лучше вернуться домой, — сказал Фоссет. — Дженкинс проводит вас до южной границы вашего участка. Скажите домашним, что не могли уснуть и вышли прогуляться.

Таннер медленно поднялся и направился к двери. Не дойдя до нее, он оглянулся и посмотрел на Фоссета.

— Все точно так же, как было в Вашингтоне? Вы опять не оставили мне выбора. Фоссет отвернулся.

— Мы будем поддерживать с вами связь. На вашем месте я бы расслабился. Пошел в клуб, поиграл бы в теннис, поплавал... Постарался бы отвлечься.

Опешивший Таннер продолжал смотреть на спину Фоссета. Его выпроваживали, как выпроваживают подчиненного перед совещанием руководящего состава.

— Идемте, — поднялся Коул. — Я провожу вас до машины. — Когда они спускались по лестнице, он добавил: — Я думаю, вам следует знать, что убийство нашего агента осложнило положение Фоссета гораздо больше, чем вы подозреваете. Смерть Фергюссона была предназначена для него. Это его они предупреждали.

Журналист недоумевающе посмотрел на Коула.

— Что вы имеете в виду?

— У нас, профессионалов, свои знаки. И это — один из них. Вы для них ничего не значите... Но Фоссет — блестящий стратег. Он включил часовой механизм, и теперь его ничто не остановит. Люди из «Омеги» понимают это. Они начинают сознавать, что могут оказаться беспомощны. Они хотят, чтобы тот, кто противостоит им, знал, что они вернутся. Отрубленная голова — символ кровавого отмщения, мистер Таннер. Они убили его жену. Он остался один с тремя детьми.

Таннер почувствовал, что его опять начинает мутить.

— Послушайте, в каком мире все вы живете?

— В том же, что и вы, мистер Таннер.

* * *

Четверг, десять пятнадцать утра

Когда, проснувшись в начале одиннадцатого, Элис услышала внизу голоса детей, споривших о чем-то, и спокойный, терпеливый голос мужа, у нее потеплело на сердце. Она растроганно подумала о его удивительной доброте и мягкости, о трогательной заботе, которой он окружил семью. Это было не так уж плохо после стольких лет супружеской жизни.

Возможно, ее муж не так красив и элегантен, как Дик Тримейн, или так силен и атлетичен, как Джо Кардоун; возможно, он уступал в остроумии и интеллекте Берни Остерману, но она ни за что на свете не согласилась бы поменяться местами с их женами. Даже если бы все началось сначала, она стала бы ждать Джона Таннера или такого, как Джон Таннер. Он обладал тем редким качеством — потребностью делиться с самым близким человеком и горем и радостью. Ни один из его друзей не был таким. Даже Берни, который больше других походил на Таннера. По словам Лейлы, у Берни всегда были от нее свои маленькие секреты.

Сначала Элис думала, что подобное поведение мужа — лишь следствие того, что он жалеет ее. Это было бы естественно. Большую часть своей жизни до встречи с Таннером Элис провела в скитаниях. Власти преследовали ее отца — самозваного целителя болезней общества, своего рода современного Джона Брауна.

Газеты в конце концов окрестили его помешанным.

А полиция Лос-Анджелеса убила его.

Элис помнила сухие слова газетной хроники:

"Лос-Анджелес, 10 февраля 1945 года.

Джейсон Маккол, состоявший, как полагают в официальных кругах, на содержании у коммунистов, был застрелен сегодня у выхода из своего жилища в отдаленном ущелье, когда он появился размахивающим чем-то похожим на оружие. Полиции Лос-Анджелеса и сотрудникам Федерального бюро расследований удалось установить местонахождение Маккола в результате долгих поисков..."

Полиция и агенты ФБР не удосужились, однако, выяснить, что «оружием» Джейсона Маккола был всего лишь металлический прут, который он называл своим «плужным лемехом».

К счастью, в день убийства Элис находилась у своей тетушки в Пасадене. Она встретилась с Таннером — тогда еще молодым студентом, изучающим журналистику, — на публичном дознании после смерти отца. Власти Лос-Анджелеса пожелали, чтобы следствие было открытым. Маккол не должен был уйти из жизни в ореоле мученика. Они стремились доказать, что происшедшее нельзя назвать убийством, хотя на самом деле Джейсона Маккола просто пристрелили полицейские.

Молодой журналист, недавно вернувшийся с войны, быстро понял это и назвал вещи своими именами. И хотя его статья не помогла семье Маккола, она сблизила его с потрясенной, растерянной девушкой, которая впоследствии стала его женой.

...Элис вздохнула и перевернулась на живот. Все это уже давно в прошлом. В новой жизни ее все устраивает.

Спустя несколько минут она услышала внизу незнакомые мужские голоса. Она приподнялась на локте, и в этот момент в спальню вошел муж. Он улыбнулся и поцеловал ее в лоб. Несмотря на внешнюю непринужденность, в его поведении было что-то неестественное.

— Кто это внизу?

— Телемастера. Они пришли ремонтировать телевизоры, но оказалось, что-то не в порядке с телевизионным кабелем. Им нужно устранить повреждение.

— А мне, значит, нужно вставать...

— Да. Я же не могу позволить тебе оставаться в постели в присутствии двух стройных молодых людей в комбинезонах.

— Ты тоже когда-то носил комбинезон. Помнишь? На последнем курсе ты устроился на работу на бензозаправочную станцию.

— Да, и еще я помню, что, когда я приходил домой, стоило расстегнуть «молнию» и он тут же сползал с плеч. Вставай, вставай…

В то утро Элис Таннер наблюдала за мужем с возрастающим беспокойством…

«Он в самом деле взвинчен, — думала она, — с трудом владеет собой».

Хотя обычно по четвергам у него бывало очень много работы, он заявил, что сегодня останется дома.

Его объяснения были просты. После того, что случилось вчера днем, он не собирается оставлять семью. Не важно, что полиция ведет расследование, он останется дома до тех пор, пока все окончательно не выяснится.

Все вместе они поехали в клуб, где Джон и Элис сыграли партию в теннис со своими соседями Дороти и Томом Скэнленами. У Тома была репутация богача, и он ходил на работу раз в десять дней.

Элис удивил необычно решительный настрой мужа, его стремление непременно выиграть. Она даже смутилась, когда он обвинил Тома в том, что тот принял не свой удар. А когда он, наотмашь хлестнув по мячу, едва не угодил им в лицо Дороти, Элис похолодела от ужаса.

Они выиграли сет и, так как Скэнлены отказались от следующего, направились к бассейну, где Джон зачем-то стал придираться к обслуживающему персоналу. Позже, днем, он заметил Макдермотта и настоял на том, чтобы они вместе выпили. Джон объяснил ей, что Макдермотт зашел в клуб для того, чтобы напомнить одному из клиентов, что тот просрочил плату за пользование городской автостоянкой. Элис насторожило и то, что Таннер постоянно выходил из клуба на улицу к телефону-автомату. Он мог бы попросить, чтобы аппарат вынесли к бассейну, но почему-то не сделал этого. Джон сказал, что при обсуждении программы Вудворта страсти накалились и ему не хочется говорить при людях.

Элис не поверила этому. У ее мужа было много достоинств. И одно из наиболее ценных — способность не терять хладнокровия в самые тяжелые минуты. Однако сегодня он был возбужден и взволнован.

Они возвратились домой в восемь часов вечера. Таннер приказал детям идти спать, но Элис воспротивилась этому.

— Хватит! — твердо сказала она и, вытолкав мужа в гостиную, обняла его за плечи. — Возьми себя в руки, дорогой. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Мне тоже было нелегко, но нельзя же целый день третировать окружающих: «Сделай то! Пойди туда!» Это на тебя не похоже.

Таннер вспомнил недавние наставления Фоссета. Нужно успокоиться. Нужно вести себя как будто ничего не случилось. Он не должен показывать виду. Даже при Элис...

— Прости. Это, наверное, замедленная реакция. Но ты, конечно, права... Прости меня.

— Хорошо. И не будем больше к этому возвращаться, — кивнула она. — Было очень неприятно, но теперь все прошло.

«О Господи! — подумал Таннер. — Если бы все было так просто».

— Все прошло, — повторил он. — Я вел себя глупо и теперь хочу, чтобы моя жена сказала, что любит меня. Мы что-нибудь выпьем и ляжем в постель. — Он легко поцеловал ее в губы. — Это лучшая из всех идеи, мадам, осенивших меня за день.

Она улыбнулась.

— Долго же ты до нее доходил. Но тебе придется потерять несколько минут. Я обещала Дженет почитать на ночь сказку.

— Что ты будешь ей читать?

— "Красавицу и Чудовище". — Элис высвободилась из объятий мужа и провела пальцами по его щеке. — Подожди минут десять — пятнадцать.

Таннер проводил ее долгим взглядом.

"Сколько ей пришлось пережить, — подумал он. — А теперь еще это. Проклятая «Омега»!

Он посмотрел на часы. Двадцать минут десятого. Элис пробудет наверху еще минут десять, а может быть, и двадцать. Джон решил позвонить в мотель Фоссету.

Теперь он поговорит с ним по-другому. Он не станет церемониться и не потерпит больше никаких проповедей. И слепо выполнять инструкции отныне не будет. Подходит к концу третий день. Третий день операции против подозреваемых в сотрудничестве с «Омегой». Фоссет должен рассказать ему о результатах. Он, Таннер, имеет на это право.

* * *

Фоссет был неприятно удивлен вопросами журналиста.

— ...Я ведь не могу звонить вам всякий раз, как только кто-нибудь из них выйдет на улицу.

— Вы должны мне ответить. Я хочу знать правду. Завтра начинается уик-энд, и если вы заинтересованы в том, чтобы я принимал участие в вашей затее, то вы должны рассказать мне, как обстоят дела. Где они сейчас? Какова была их реакция? Мне нужно это знать!

Несколько секунд в трубке молчали. Когда Фоссет заговорил, в голосе его слышалось недовольство.

— Что ж, хорошо... Тримейн провел прошлую ночь в Нью-Йорке. Я говорил вам об этом, помните? В отеле «Билтмор» он встретил человека по фамилии Таунсенд, который занимается сомнительными операциями с ценными бумагами в Цюрихе. Кардоун с женой ездили днем в Филадельфию. Они навестили ее родных в Честнат-Хилл, потом он отправился в «Бала Кинвуд» на встречу с человеком, который известен как один из главарей мафии. Они вернулись в Сэддл-Вэлли примерно час назад. Остерманы сейчас в отеле «Плаза». Сегодня вечером они обедают с супружеской парой по фамилии Бронсоны. Бронсоны — их старые друзья. Они тоже подозреваются в подрывной деятельности.

Фоссет замолчал, ожидая реакции Таннера.

— И они не встречались между собой? Не звонили друг другу? Ничего не планировали? Я хочу знать правду!

— Если они говорили, то только по тем линиям, которые мы не можем прослушивать. Это значит, что они должны были бы в одно и то же время находиться у телефонов-автоматов. Этого не было. Они не встречались — за всеми велось постоянное наблюдение. Если у них и есть планы, то у каждого свои: они не имели возможности их скоординировать... вот все, чем мы располагаем на данный момент.

— Но вы же ожидали другого. Вы думали, что они впадут в панику и выдадут себя.

— Это и произошло. Наши прогнозы подтвердились.

— Что вы хотите этим сказать?

— Подумайте сами. Одна пара кидается к могущественному мафиози. Вторая спешит на встречу с людьми, настроенными столь же фанатично, как добрая половина Политбюро СССР. Адвокат ни с того ни с сего встречается со спекулянтом ценными бумагами из Цюриха. Это паника. КГБ расправил щупальца. Сейчас они все готовы сорваться. Нам остается лишь сидеть и жать.

— С завтрашнего дня просто сидеть и ждать будет не так легко.

— Будьте естественны, и вы увидите, что все пойдет само собой. Так всегда бывает. Даже если у вас не все получится, это не страшно. Они будут слишком заняты друг другом. Помните, завтра вам ни в коем случае не следует умалчивать о вчерашнем инциденте, обсуждайте его, возмущайтесь. Делайте все так, как это принято в подобных случаях.

— И вы думаете, они мне поверят?

— А что им остается! Неужели вы не понимаете? Вы — репортер, сделавший себе карьеру на журналистском расследовании. Не мне объяснять вам, что расследование заканчивается когда сталкиваются его субъекты. Ловушка старая как мир.

— А я — просто катализатор?

— Вот именно. Чем безобиднее приманка, тем хитрее ловушка, — так, кажется, говорят?

Таннер закурил сигарету. Он больше не мог возражать своему собеседнику. Логика Фоссета была железной. Теперь безопасность и сама жизнь Эли и детей была в его твердых руках.

— Хорошо. Я встречу их на пороге своего дома как родных.

— Правильно. И если уж вы так беспокоитесь, то позвоните им утром, пригласите еще раз. И делайте все так, как если бы ничего не случилось. Помните, мы будем рядом. Самая совершенная техника крупнейшей корпорации мира защищает вас. В ваш дом не смогут пронести даже игрушечного пистолета.

— Это правда?

— Даже если в кармане у кого-то из ваших гостей будет лезвие длиной в три дюйма, мы будем знать об этом. А о наличии четырехдюймового револьвера тем более.

Таннер положил трубку на рычаг и глубоко затянулся. Когда он убрал руку с трубки, то вдруг почувствовал — почти физически ощутил, — что падает в бездну.

Это было странное ощущение — одиночества и беспомощности. А когда он понял его истоки, то испугался — его жизнь зависела отныне от человека по фамилии Фоссет. Он, Таннер, был целиком в его власти.

Часть третья

Уик-энд

К парадному дома по Орчед-Драйв подкатило такси. Уэльский терьер Таннеров с громким лаем бегал взад и вперед по подъездной дорожке, ожидая от хозяев знака, что приезжие — свои. Дженет бросилась по зеленой лужайке к машине. Дверца такси отворилась, и из машины вышли Остерманы. Оба держали в руках нарядные коробки с подарками. Шофер вынес и поставил на траву большой кожаный чемодан.

Таннер наблюдал за происходящим из окна гостиной. На Берни был свободного покроя светлый летний пиджак и широкие светло-голубые брюки; на Лейле — белый костюм с золотой цепочкой вокруг талии и широкополая шляпа, скрывавшая пол-лица. Типичные преуспевающие калифорнийцы, однако некоторые мелочи говорили о том, что Берни и Лейла обзавелись настоящими деньгами лишь недавно.

Таннер, наблюдая за тем, как Берни и Лейла обнимают подбежавшую к ним девочку, подумал: может быть, киносценарии и телесериалы лишь искусное прикрытие, побочное занятие, «крыша», как сказал бы Фоссет.

Таннер взглянул на часы. Пять минут шестого… Остерманы приехали раньше, чем обещали. Это их первая ошибка. А может быть, они не ожидали, что он будет дома. Обычно в те дни, когда приезжали Остерманы, он уходил из студии Вудворта пораньше, но все равно редко попадал домой раньше половины шестого. Лейла сообщила в письме, что их самолет прилетает из Лос-Анджелеса в аэропорт Кеннеди около пяти. Самолет мог опоздать — это было бы понятно. Но чтобы он приземлился раньше, чем положено по расписанию, вряд ли возможно.

Им придется придумывать объяснение. Впрочем, возможно, они не сочтут нужным ничего объяснять.

Из кухни выбежала Элис.

— Джонни! Слышишь, как лает щенок? Это Берни и Лейла. Что ты стоишь?

— Я… подумал, пусть Дженет первая встретит их.

— Иди, иди же скорее, глупый! Я сейчас, только поставлю таймер, а то у меня все пригорит.

Жена снова скрылась на кухне, а Таннер медленно двинулся к входной двери. Он с замирающим сердцем смотрел на дверную ручку, ощущая примерно то же, что испытывает начинающий актер перед первым выходом на сцену. Он совершенно не знал, как должен себя вести.

Облизнув пересохшие губы, он сжал пальцами ручку, дернул на себя дверь и шагнул на улицу.

Уик-энд Остермана начался.

* * *

— Привет, писаки! — с широкой улыбкой воскликнул он. Это было его обычное приветствие. Берни оно очень нравилось.

— Джонни!

— Здравствуй, дорогой!

Они стояли в тридцати ярдах от него, улыбались и махали руками. Но даже издалека Таннер видел, что глаза их не смеются. На долю секунды Берни перестал улыбаться и застыл с поднятой рукой.

Это длилось лишь мгновение. Затем он снова стал таким, как всегда.

— Джонни, как я рада тебя видеть! — Через лужайку к нему спешила Лейла.

К своему удивлению, Джон Таннер ответил на приветственное объятие Лейлы с большей теплотой, чем сам ожидал, и понял почему. Он сдал самый трудный экзамен — достойно провел первые мгновения той встречи, которой так боялся. Лоренс Фоссет был прав: все не так уж сложно.

«Ведите себя как обычно. Поступайте так, как будто ничего не случилось. Не думайте больше ни о чем».

— Джон, ты прекрасно выглядишь! Просто великолепно! А где Эли, дорогой? — спросила Лейла, отступая, чтобы дать возможность Берни поздороваться с хозяином дома. Худые Длинные руки Берни легли на плечи Таннера.

— На кухне, готовит праздничный обед. Проходите в дом! Сейчас я возьму ваши вещи... Нет-нет, Дженет, милая, чемодан дяди Берни пока для тебя еще слишком тяжел.

— О, не волнуйся, — рассмеялся Берни. — В нем только полотенце из «Плазы».

— Из «Плазы»? — Таннер удивленно поднял брови. — Я думал, вы только что прилетели.

Остерман пристально посмотрел на него.

— Гм-м... Мы прилетели пару дней назад. Потом расскажу тебе почему...

* * *

Таннер с изумлением обнаружил, что испытывает огромное облегчение от того, что видит Остерманов. Казалось, ничто не изменилось: время и расстояние были бессильны против их дружбы. Они оживленно

беседовали, рассказывали старые анекдоты, вспоминали события, происходившие, казалось, давным-давно. И Таннер был даже рад, что Берни рядом — задумчивый, мягкий Берни с его вечными историями о жизни голливудского «супермаркета». Берни смеялся над собой и над своим профессиональным миром, потому что чувствовал себя его полноправным членом.

В памяти Таннера всплыли слова Фоссета:

«...Вы быстро войдете в роль. Это всегда так бывает...»

Опять этот Фоссет оказался прав...

Беседуя с Берни, Таннер заметил, что Лейла то и дело переводит взгляд с него на мужа. Один раз он поймал ее взгляд, и она тут же опустила глаза, как школьница, получившая выговор.

В кабинете зазвонил телефон. От этого звонка вздрогнули все, кроме Элис. У дивана в гостиной стоял еще один аппарат, но Джон, словно не замечая его, прошел мимо Остерманов в кабинет.

— Я поговорю там. Это, наверное, с телестудии. Закрывая за собой дверь, он услышал слова Лейлы, которая, понизив голос, обратилась к Элис:

— Дорогая, Джонни, по-моему, сильно встревожен? Что-нибудь случилось? Берни все время говорит и говорит, так что никому нельзя слова вставить.

— Встревожен... — откликнулась Элис. — Если бы ты видела его вчера!

Телефон продолжал звонить. Таннер понимал, что должен ответить, иначе это может показаться подозрительным. И все же ему хотелось услышать, как Остерманы отреагируют на то, что будет говорить им Эли.

В конце концов, он решился на компромисс. Он снял трубку, прижал ее к животу и прислушался к разговору в гостиной.

Его насторожило, что Берни и Лейла воспринимали рассказ Эли слишком бурно, предвосхищая ее слова, задавая вопросы до того, как она успевала закончить предложение. Они что-то знали...

— Алло? Алло? Алло? Алло? — В трубке звучал взволнованный голос Джо Кардоуна.

— Алло, Джо? Извини. Я выронил трубку...

— Я не слышал удара.

— Ковер очень мягкий.

— Где? В твоем кабинете с паркетным полом?

— Что-нибудь случилось, Джо?

— Да нет, так... На работе сегодня запарился. Биржу лихорадит как никогда...

— Ну, слава Богу! Теперь ты говоришь как настоящий бодрый Джо, которого мы ждем к обеду.

— Что, все уже у вас?

— Нет. Пока только Берни и Лейла.

— Они что-то рано. Мне казалось, что их самолет прилетает в пять.

— Они прилетели на пару дней раньше.

Кардоун начал было говорить, но оборвал себя на полуслове. Он словно задохнулся от неожиданно пришедший в голову мысли.

— Странно, что они не позвонили... То есть что не сообщили мне... А тебе они звонили?

— Нет. По-моему, у них были какие-то дела в Нью-Йорке.

— Да, наверное, только я считал... — Кардоун снова замолчал, не закончив предложения. Таннер подумал, что Кардоун пытается убедить его в том, что они не встречались с Остерманами.

— Берни обещал все рассказать нам.

— Да, конечно, — рассеянно произнес Кардоун, словно не слыша его слов. — Да... Я, собственно, хотел только предупредить тебя, что мы немного задержимся. Я приму душ... До встречи.

— До встречи, — сказал Таннер и повесил трубку, удивляясь собственному спокойствию. Он с удовольствием отметил, что сам направлял беседу. Он, а не Кардоун. Кардоун нервничал и позвонил вовсе не для того, чтобы сказать, что опоздает.

— Да, собственно говоря, он и не опаздывал.

— Кардоун позвонил, чтобы узнать, пришли ли остальные. И придут ли вообще.

Таннер вернулся в гостиную и сел на диван.

— Джон, дорогой, Эли нам все рассказала. Какой ужас! Какой кошмар!

— Очень странное происшествие, Джон! Полиция считает, что это ограбление?

— Так считает «Нью-Йорк таймс». Очевидно, это официальная версия.

— Я ничего не видел в «Таймс», — твердо заявил Берни.

— Заметка была внизу на последней странице. Завтра в местной газете об этом происшествии расскажут подробнее.

— Я никогда не слыхала о таких странных ограблениях. — Лейла наморщила лоб. — Меня бы не устроила такая версия.

Берни бросил на нее быстрый взгляд.

— Не знаю... Вообще, все очень ловко проделано. Никаких улик, никаких следов насилия...

— Я не понимаю одного — почему нас не оставили в гараже? — Элис повернулась к мужу. Но он еще не успел придумать убедительного ответа на этот вопрос.

— А как это объясняет полиция? — спросил Берни.

— Говорят, что грабители использовали какой-то слабоядовитый газ, потому что не хотели, чтобы, придя в себя, Элис и дети увидели их. Полиция считает, что они действовали очень профессионально.

— А по-моему, очень странно, — поежилась Лейла. — Как это пережили дети?

— Рей сразу стал героем в глазах соседских мальчишек, — сказала Элис, — а Дженет, кажется, до сих пор не поняла, что произошло.

— А где Рей? — Берни выразительно указал на большой пакет, стоявший в коридоре. — Надеюсь, он по-прежнему увлекается аэропланами? Я привез ему модель с дистанционным управлением.

— Рей будет в восторге, — улыбнулась Элис. — Он сейчас в подвале — Джон отдал его полностью в распоряжение Рея.

— Нет, он на улице, в бассейне, — резко перебил ее Таннер и тут же заметил, как Берни бросил на него удивленный взгляд. Даже Эли опешила от его неожиданной грубости.

«Ну и что, — подумал Таннер, — пусть знают, что я все время начеку, что я в курсе всего, что происходит в доме».

У парадного снова залаял щенок, и послышался шум подъезжающего автомобиля. Элис подошла к окну.

— Это Дик и Джинни. А Рей вовсе не в бассейне, — с улыбкой повернулась она к Джону. — Он встречает гостей у парадного.

— Должно быть, он услышал, как они подъехали, — неловко вставила Лейла.

Таннер с удивлением спросил себя, зачем она сказала это. Вышло так, словно Лейла защищала его. Он подошел к парадной двери и распахнул ее.

— Подойди-ка сюда, сынок. Здесь тебя тоже ждут друзья. Когда мальчик увидел Остерманов, глаза его загорелись. Остерманы никогда не приезжали в гости с пустыми руками.

— Тетя Лейла, дядя Берни! Здравствуйте! — Тринадцатилетний Реймонд Таннер покорно затих в объятиях Лейлы, а затем, немного робея, по-мужски пожал руку Берни.

— Мы тебе кое-что привезли. Собственно, это твой приятель Мерви предложил сделать тебе такой подарок. — Берни вышел в холл и взял в руки пакет. — Думаю, он тебе понравится.

— Большое спасибо! — Мальчик принял подарок и бросился в столовую развязывать пакет.

Вошла Вирджиния Тримейн. На ней была блузка в разноцветную полоску покроя мужской сорочки и облегающая фигуру трикотажная юбка, подчеркивавшая ее соблазнительные формы. Многие жительницы Сэддл-Вэлли осуждали Джинни за ее экстравагантность, но в этом доме ее любили как близкого друга.

— Я говорила Дику о твоем звонке в среду, — обратилась она к Таннеру, — но он сказал, что ты так и не смог до него дозвониться. Его, беднягу, весь день продержали на каком-то идиотском совещании с промышленниками из Цинциннати, Кливленда и еще откуда-то... Лейла, милочка! Берни, дорогой! — Джинни чмокнула Таннера в щеку и своей танцующей походкой устремилась к Остерманам.

В дверях показался Ричард Тримейн. Его взгляд был Устремлен на Таннера. Видимо, то, что он увидел, его обрадовало.

Таннер, почувствовав на себе взгляд адвоката, быстро повернулся. Тримейн не успел отвести глаза. Адвокат смотрел на него как врач на больного, которому он уже поставил диагноз.

На какой-то миг оба смешались, но затем Таннер ощутил такую же легкость, что и при встрече с Остерманами. Видимо, то же самое почувствовал и Тримейн.

— Привет, Джон. Жаль, что ты не смог до меня дозвониться. Джинни говорила, что тебе нужен был совет...

— Я думал, ты уже читал...

— О чем?

— Нью-йоркские газеты уделили этому лишь несколько строк, но подожди, вот завтра выйдет местный еженедельник — и мы сразу станем знаменитостями.

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Нас же ограбили в среду! Ограбили и увезли Элис с детьми, предварительно отравив их хлороформом или какой-то дрянью.

— Ты шутишь?

— Нисколько не шутит. — В холл вошел Остерман и направился к Тримейну. — Как дела, Дик?

— Берни! Здравствуй, дружище! — Они пожали друг другу руки, но Тримейн продолжал настороженно поглядывать в сторону Таннера.

— Ты слышал, что он говорил? Нет, ты слышал? — повторял он. — Скажите, ради Бога, что тут у вас случилось? Я не был в городе со вторника. Не смог вырваться даже на ночь.

— Мы тебе все расскажем. Попозже. Я пойду организую чего-нибудь выпить.

Таннер быстро удалился. Реакция Тримейна однозначно указывала на то, что Тримейн испугался. Иначе зачем он не преминул сообщить, что его не было в городе?

Приготовив напитки для Тримейнов, Таннер прошел по кухне и выглянул в окно — за бассейном темнела кромка рощи. Хотя отсюда ему никого не было видно, он знал, что там сейчас дежурят люди Фоссета. Они слышат все, что происходит в доме.

— Эй, Джон! Серьезно, что случилось? — В кухню вошел Тримейн. — Честное слово, я ничего об этом не слышал... Ну, о том, что произошло в среду. Почему ты мне не позвонил?

— Я пытался. Я даже позвонил по номеру, который мне дала твоя секретарша. На Лонг-Айленд... кажется, в «Ойстер-Бей».

— О черт! Тебе или Эли нужно было рассказать обо всем Джинни. Я бы уехал с этой чертовой конференции.

— Все уже позади. Лучше выпьем.

Тримейн поднес к губам стакан. Однако отделаться от него было не так просто.

— Послушай, а почему ты вдруг стал звонить мне?

У Таннера замерло сердце. Глупо, но он не был готов к этому вопросу.

— Я… мне не понравилось то, как взялась за это дело полиция.

— Полиция? Капитан Маколифф?

— Я не говорил с капитаном Маколиффом.

— Разве ты не давал показания?

— Э-э… Давал. Меня допрашивали Дженкинс и Макдермотт.

— Гм… А где же был сам начальник?

— Не знаю. Когда я давал показания, его в управлении не было.

— Ну хорошо. Мака там не было. Ты говоришь, тебя допрашивали Дженкинс и Макдермотт. Элис сказала мне, что как раз они обнаружили вас…

— Да. Это меня и встревожило.

— Что — это?

— Мне не понравилось, как они себя вели. Тогда, во всяком случае, не понравилось. Теперь я остыл. А когда я звонил тебе в среду, то был просто обескуражен.

— Да? А что тебя насторожило? Что тебя не устраивало? Халатность полиции? Ущемление твоих прав? Что?

— Сам не знаю. Дик. Меня охватила паника, вот и все. А в таких случаях всегда хочется посоветоваться с адвокатом.

— Мне — нет. Мне хочется выпить. — Тримейн пристально смотрел в лицо Таннеру. Таннер моргнул, как нашкодивший мальчишка, не выдержавший укоризненного взгляда взрослого.

— Все уже позади. Пойдем в гостиную.

— Ладно, может быть, поговорим попозже. Может, я чего-то не понял…

Таннер пожал плечами. Он чувствовал, что Дику совсем не хочется возвращаться к этому разговору. Адвокат был напуган, и ему изменила профессиональная привычка докапываться до сути. Когда он вышел, Таннер подумал, что, вероятнее всего, Тримейн говорил правду. Его действительно не было здесь в среду.

Но кто же тогда это сделал?

* * *

Было уже шесть, а Кардоуны еще не появлялись. Никто не спрашивал почему. Час пролетел незаметно, и если их отсутствие кого-то и встревожило, то это умело скрывали. В десять минут седьмого Таннер

обратил внимание на такси, медленно проехавшее мимо его дома. Солнечные лучи отражались яркими вспышками на черном лаке автомобиля. За стеклом на мгновение мелькнуло знакомое лицо — сзади водителя сидел Джо Кардоун. Джо проверял, собрались ли гости, все ли на месте.

Минут через сорок к парадному подкатил «кадиллак» Кардоунов. Когда они вошли в дом, то сразу стало ясно, что Джо уже навеселе. Он никогда не был любителем спиртного и пил очень редко. Теперь же его голос звучал несколько громче обычного.

— Верни! Лейла! Добро пожаловать в восточную метрополию!

Бетти Кардоун, полноватая и чопорная, с улыбкой следовала за мужем. Мужчины обменялись рукопожатиями, их жены расцеловались.

— Бетти, ты чудесно выглядишь, — сказала Лейла. — Джо... Боже мой, Джо! Настоящий атлет... Берни, давай построим гимнастический зал, и тогда я тебе покажу!

— Не дам в обиду моего Берни! — Кардоун с улыбкой сгреб Остермана в охапку.

— Проучи ее, Джо, — хохотнул Берни. — Как поживают маленькие разбойники, Бетти? Наверное, житья не дают вашей принцессе? — Остерман обнял Бетти за плечи.

Таннер отправился на кухню и в коридоре столкнулся с Эли, которая несла блюдо с закусками.

— Все готово. Можно идти к столу. Я только на минутку присяду... Принеси мне что-нибудь выпить, дорогой.

— Сейчас. Джо и Бетти приехали. Элис улыбнулась.

— Я уже слышу... Что случилось, милый? Ты как-то странно выглядишь.

— Нет, ничего. Меня беспокоит этот ажиотаж вокруг программы Вудворта — надо бы позвонить в студию. Элис внимательно посмотрела на мужа.

— Пожалуйста... Все уже здесь. Это наши лучшие друзья. Давай забудем обо всем. Не думай о том, что произошло в среду... Пожалуйста, Джонни.

Таннер перегнулся через блюдо с закусками и поцеловал жену.

— Не преувеличивай, — сказал он, вспомнив наставления Фоссета. — Все в порядке. Просто мне действительно нужно позвонить в студию.

Очутившись на кухне, Таннер снова подошел к окну. Шел уже восьмой час, и солнце скрылось за кронами деревьев. Их длинные тени пролегли через внутренний двор и бассейн. Там, в роще, прятались люди Фоссета.

Как сказала Эли? «Все уже здесь. Наши лучшие друзья...»

* * *

Изысканный а-ля фуршет из блюд с соусом кэрри стал очередным триумфом Элис. Женщины, как всегда, заторопились с вопросами, а польщенная хозяйка с видимым удовольствием раздавала кулинарные рецепты. Мужчины, как обычно, лениво поспорили о достоинствах и недостатках различных бейсбольных команд, затем Берни с присущим ему юмором приступил к описанию методов работы голливудского телевидения.

Пока женщины убирали посуду в столовой, Тримейн снова решил поговорить с Таннером об ограблении.

— Нет, в самом деле, Джон, что произошло у вас в среду? Давай откровенно... Я не верю в эту историю с ограблением.

— Почему? — пожал плечами Таннер.

— Потому что это бессмысленно.

— В таких случаях никто не использует газ, — вставил Кардоун. — Могут оглушить, завязать глаза, всадить пулю в затылок. Но газ...

— Не знаю... Я предпочитаю безобидный газ, а не пулю в затылок.

— Джонни, — негромко окликнул его Остерман и красноречиво указал глазами в сторону столовой. Бетти вышла из кухни и принялась убирать со стола тарелки. Она улыбнулась, и Берни кивнул в ответ. — Ты сейчас над чем-нибудь работаешь? Я имею в виду дела, на которых можно нажить себе врагов...

— У меня всегда много работы...

— А что-нибудь похожее на операцию в Сан-Диего есть?

Кардоун бросил настороженный взгляд на Остермана. Что это — хитрый ход? Все знали, что в Сан-Диего проводилась операция против мафии.

— Нет. Во всяком случае, я об этом не знаю. Мои люди работают в нескольких направлениях, но ничего похожего у нас пока не было. По крайней мере, мне об этом не докладывали. Но мои лучшие репортеры часто работают по своей собственной программе... Ты хочешь сказать, что это происшествие могло быть как-то связано с моей работой?

— А сам ты об этом не думал? — вмешался Тримейн.

— Нет… Я — профессиональный репортер. Ты же не боишься нажить врагов всякий раз, когда берешься за сомнительное дело?..

— Бывает, но…

— Я читал об этом вашем шоу в прошлое воскресенье, — сказал Кардоун, опускаясь на диван рядом с Тримейном. — У Ральфа Эштока много влиятельных друзей в разных ведомствах.

— Чепуха!

— Совсем нет. — Джо Кардоун потер подбородок. — Я встречался с этим парнем. Мстительный тип.

— Но он же не сумасшедший, — покачал головой Остерман. — Нет, это вряд ли возможно.

— Почему это не может быть простым ограблением? — Таннер закурил сигарету и повернулся к друзьям, пытаясь сохранять спокойствие.

— Потому что, черт возьми, так никто никогда не грабит! — воскликнул Кардоун.

— Да? — Тримейн взглянул на Кардоуна, сидевшего рядом с ним на диване. — А ты что, эксперт по ограблениям?

— Не больше чем вы, господин адвокат, — сухо ответил Джо.

* * *

Элис чувствовала, что уик-энд начался как-то неестественно. Возможно, это впечатление складывалось оттого, что голоса звучали громче и смех повторялся чаще, чем это бывало раньше во время их встреч.

Обычно, когда приезжали Остерманы, вечер начинался спокойной и неторопливой беседой о семейных проблемах и новостях. Берни и Лейле всегда удавалось разбудить в них самое доброе, заставить их по-настоящему поговорить друг с другом. Ее муж называл это «синдромом Остермана».

Сегодня же никто не отваживался заговорить о чем-нибудь серьезном. Ни слова о личном — за исключением, конечно, ужасного происшествия в среду.

С другой стороны, Элис отдавала себе отчет в том, что более всего ее тревожило состояние мужа. Относительно других она могла ошибаться, но Джон вел себя очень странно. Она никогда еще не видела его таким раздраженным.

Женщины вернулись в гостиную, и Элис одна убирала остатки еды со стола в холодильник. Нет, она больше не станет слушать этих глупых

разговоров Бетти и Джинни. Да, она может позволить себе держать прислугу, точно так же, как они. Но она никогда не потерпит второй хозяйки на собственной кухне.

Еще в доме отца Элис на это насмотрелась. Отец называл прислугу «апостолами». «Апостолы», которые убирали, мели и чистили. Мать звала их просто «прислугой», но это ничего не меняло, фактически хозяйством заправляли посторонние люди.

Элис тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Может быть, она просто выпила лишнего? Она открыла кран и умылась холодной водой. В дверях кухни показался Джо Кардоун.

— Хозяин сказал мне, что если я хочу выпить, то могу налить себе сам на кухне.

— Конечно, Джо. Заходи. Ты видишь здесь что-нибудь стоящее?

— Разумеется. Превосходный джин, чудесный тоник... Эй, что случилось? Ты плакала?

— Нет, что ты... Я просто сполоснула лицо.

— У тебя щеки все мокрые...

Джо поставил бутылку с джином на стол и приблизился к ней.

— Скажи откровенно, у вас неприятности? Ну ладно, об этом странном ограблении в среду Джонни мне рассказал, но... Но если есть еще какие-нибудь проблемы, не надо от меня скрывать, о'кей? То есть я хочу сказать, что если он вздумал играть с огнем...

— С огнем?

— Ну, залез в долги, набрал кредитов и... У меня есть клиенты в «Стандарт мьючиал» и даже кое-какой капитал. Я знаю эту компанию... Вы с Джонни живете на широкую ногу, а ведь по нынешним временам шестьдесят тысяч долларов за вычетом налогов — не такие уж большие деньги.

У Элис Таннер перехватило дыхание.

— По-моему, с деньгами у Джона все в порядке.

— Это все очень относительно. Мне кажется, Джон слишком увяз в своих делах. Сейчас он, конечно, ни за что не решится оставить свое маленькое королевство, чтобы поискать что-нибудь более стоящее. Это его дело. Его и твое. Но я хочу, чтобы ты передала ему... Я его друг. Добрый друг. И я чист. Понимаешь, чист. Если ему что-то нужно, то пусть он позвонит мне. Ты скажи ему, хорошо?

— Джо, я очень тронута. Нет, в самом деле... Но думаю, что в этом нет необходимости.

— Но ты передашь ему?

— Скажи ему сам. У нас с Джоном молчаливое соглашение — мы договорились не затрагивать больше вопросов о его заработке, потому что, честно говоря, я с тобой согласна...

— Тогда у вас будут проблемы.

— По-моему, ты преувеличиваешь...

— Надеюсь, что ты окажешься права. И все же передай ему... — Элис не успела ничего сказать, как он уже вышел из кухни.

Она наморщила лоб. Джо пытался что-то втолковать ей, но она не поняла что.

* * *

— Никто не давал тебе и всей вашей репортерской братии права считать себя непогрешимыми. Я устал от этого! Я сталкиваюсь с этим каждый день! — воскликнул стоявший у камина Тримейн, не скрывая раздражения.

— Никто и не утверждает, что мы безгрешны, — возразил ему Таннер. — Но в то же время никто не может запретить нам добывать объективную информацию.

— Но если эта информация способна нанести ущерб тон или другой стороне, вы не имеете права предавать ее гласности! Если это неопровержимые факты, то они должны прозвучать в суде. Вы должны ждать, пока свое слово скажет закон.

— Это невозможно, ты сам прекрасно понимаешь.

Тримейн помолчал, потом горько улыбнулся.

— Да, понимаю. Если быть реалистом, компромисс здесь действительно невозможен.

— А ты уверен, что хочешь найти компромисс? — спросил Таннер.

— Конечно, — очень серьезно сказал Тримейн.

— Зачем? Ты в любом случае имеешь преимущество. Если ты выиграл — прекрасно. Проиграл — ты можешь заявить, что на суд оказывали давление средства массовой информации, и обжалуешь приговор.

— Выиграть дело в апелляционном суде очень сложно, — заметил Бернард Остерман. Он сидел на полу, прислонившись спиной к

дивану. — Это знаю даже я. Такие случаи просто сенсация, ибо они очень редки.

— И потом, апелляция стоит денег, — пожав плечами, добавил Тримейн, — которые чаще всего тратятся впустую. Особенно когда апеллируют корпорации.

— Тогда попридержите прессу, если дело уж слишком горячее. Это нетрудно. — Джо допил свой джин и посмотрел Таннеру прямо в лицо.

— Нет, трудно, — подала голос сидевшая в кресле напротив дивана Лейла. — Для этого прежде нужно занять твердую позицию. И что значит «попридержите»? Кто возьмет на себя ответственность? Именно это и имел в виду Дик. Невозможно что-то предпринимать, предварительно не определившись, на чьей ты стороне.

— Я рискую навлечь на себя гнев мужа, — смеясь, сказала Джинни, — и все же считаю, что информированная общественность — это не менее важно, чем независимый суд. Возможно, что эти два момента взаимосвязаны. Я на твоей стороне, Джон.

— Это опять же все очень субъективно, — перебил ее муж. — Кто может определить, *что*есть объективная информация, а *что* -субъективная интерпретация фактов?

— Но правда-то все-таки одна, — неожиданно заметила Бетти. Она не сводила глаз с мужа — тот слишком много пил.

— Чья правда? Какая правда?.. Давай представим себе гипотетическую ситуацию, в которой действуют Джон и я. Скажем, я шесть месяцев работаю над созданием корпорации. Как Устный юрист, я взялся помочь людям, в правоту и благие намерения которых искренне верю: слияние нескольких компаний поможет сохранить тысячи рабочих мест, фирмы, стоявшие на грани банкротства, обретут новую жизнь. Но вот появляются несколько человек, которых это объединение не устраивает — заметьте, из-за их же собственной неразворотливости, — и они начинают вставлять мне палки в колеса. Представим, что они явятся к Джону и станут кричать: «Несправедливость! Обман!» При этом они и в самом деле кажутся — обратите внимание, только кажутся! — обманутыми жертвами. Джону их жалко, и он уделяет этому делу одну минуту — всего одну минуту — эфирного времени. И тут же все мои усилия рассыпаются прахом. И не нужно убеждать меня, что суды не подвержены влиянию средств массовой информации. Одной минуты достаточно, чтобы превратить в ничто полгода кропотливой работы.

— И ты думаешь, что я пошел бы на это? Что кто-нибудь из нас пустил бы в эфир подобную информацию?

— Тебе нужен материал для передач. Тебе всегда нужен материал, и наступает такой момент, когда ты перестанешь что-либо понимать! — повысил голос Тримейн.

Вирджиния поднялась на ноги.

— Наш Джон никогда такого не допустит, дорогой… Я выпила бы еще чашечку кофе.

— Сейчас принесу. — Элис встала с дивана. Она внимательно наблюдала за Тримейном, пораженная его неожиданной горячностью.

— Не беспокойся, я сама, — сказала Джинни, направляясь к двери.

— А я бы выпил чего-нибудь покрепче. — Кардоун поднял пустой стакан, ожидая, что кто-нибудь возьмет его.

— Конечно, Джо. — Таннер принял из его рук стакан. — Джин с тоником?

— Да, кажется, это я пил.

— И выпил слишком много, — добавила его жена. Войдя в кухню, Таннер сразу направился к столу, на котором стояла бутылка с джином. У плиты хлопотала Джинни.

— Я включила «Чемекс», потому что горелка погасла.

— Спасибо.

— Я тоже вечно мучаюсь с этими горелками и не могу приготовить из-за них кофе.

Таннер добавил в стакан тоник и, поняв, что следует отреагировать на замечание Джинни, сказал:

— Я советовал Элис купить электрокофейник, но она против.

— Джон!..

— Да?

— Сегодня чудесная ночь. Почему бы нам всем не искупаться?

— Прекрасная мысль. Сейчас я прочищу фильтр. Только вот отнесу Джо его стакан.

Таннер вернулся в гостиную как раз в тот момент, когда зазвучали первые звуки «Танжерина». Эли поставила пластинку «Популярные песни прошлых лет».

Со всех сторон послышались оживленные реплики и довольный смех.

— Держи, Джо. Может быть, еще кому-нибудь принести?

Все дружно отказались.

Бетти поднялась со своего места и теперь стояла напротив Дика Тримейна у камина. Таннеру показалось, что они о чем-то спорили, но, как только он вошел, сразу смолкли. Элис и Берни рассматривали обложку игравшей пластинки, Лейла Остерман сидела рядом с Кардоуном, встревоженно наблюдая за тем, как он быстро опустошает свой стакан.

— Мы с Джинни собираемся почистить бассейн, а потом все вместе пойдем купаться, о'кей? Если у кого-то нет купального костюма, можно взять в гараже.

Дик посмотрел на Таннера.

«Почему он так странно смотрит на меня?» — подумал Джон.

— Ты не слишком хвастайся перед Джинни всеми этими штучками: тут подогрев, там подсветка, а здесь черт знает что. Я ей твердо сказал: «Никаких бассейнов».

— Почему? — спросил Кардоун.

— Слишком много детворы вокруг.

— Можно поставить изгородь, — пожав плечами, небрежно заметил Джо.

Таннер повернулся и через холл направился в кухню. За спиной он услышал новый взрыв смеха. Он показался ему почему-то наигранным и зловещим.

Неужели Фоссет прав? Неужели это и есть первые проявления враждебности? Или он просто сам все выдумывает?

Выйдя во двор, он приблизился к краю бассейна.

— Джинни?

— Я здесь, около грядки с помидорами. Тут у одного куста подпорка упала, и я никак не могу его подвязать.

— О'кей. — Он повернулся и направился к ней. — Который куст? Я не вижу...

— Вот этот, — сказала Джинни, указывая пальцем вниз. Таннер присел на корточки и увидел лежавшую на земле подпорку. Ее явно кто-то сломал. Должно быть, дети бегали здесь и задели.

Таннер выдернул обломок из земли и осторожно положил ветвистый ствол на землю.

— Завтра я все поправлю.

Он отряхнул ладони и поднялся. Стоявшая почти вплотную к нему Джинни неожиданно положила свои мягкие руки ему на плечи. Таннер опешил и вдруг понял: место это выбрано не случайно, из окон дома их не видно. Так вот почему упала подпорка!

— Это я ее сломала, — словно угадав его мысли, тихо призналась Джинни.

— Зачем?

— Я хотела поговорить с тобой... наедине.

Она расстегнула сверху на блузке несколько пуговиц, так что стала видна грудь. Таннер сначала подумал, что Джинни пьяна, но тут же отверг эту мысль. Джинни никогда не пьянела. Даже когда она выпивала очень много, этого почти не было заметно.

— О чем ты хотела со мной поговорить?

— Во-первых, о Дике. Я хочу извиниться за него. Когда он чем-то взволнован, он бывает резок... даже груб.

— Он был груб? Я не заметил.

— Нет, ты заметил. Я наблюдала за тобой.

— Тебе показалось.

— Не думаю.

— Пойдем готовить бассейн. — Таннера тяготил этот разговор.

— Подожди минутку. — Джинни тихонько рассмеялась. — Я тебя не слишком напугала, а?

— Я не привык бояться друзей, — с натянутой улыбкой ответил Таннер.

— Мы ведь так хорошо знаем друг друга.

Таннер внимательно посмотрел на Джинни — напряженный взгляд, горькая складка у губ. Ему вдруг показалось, что сейчас она скажет ему что-то важное. Неужели? Если так, он должен помочь ей.

— Мы всегда думаем, что хорошо знаем своих друзей. Но так ли это на самом деле? — сказал он.

— Ты мне очень нравишься... Меня тянет к тебе... Ты знал об этом?

— Нет, — не скрывая удивления, проговорил Таннер.

— Не беспокойся... Я ни за что на свете не стала бы причинять боль Эли. Физическое влечение — это ведь не супружеская измена.

— У всех свои фантазии... — Ты уходишь в сторону?..

— Конечно.

— Я же сказала, что твои супружеские обязательства не пострадают.

— Ни в чем нельзя быть уверенным до конца... — растерянно пробормотал Таннер.

— А поцеловать тебя можно? Уж поцелуй-то я заслужила... Джинни обвила руками изумленного Таннера и прижалась полуоткрытым ртом к его губам. Таннер чувствовал, что она прилагает все силы, чтобы возбудить его. Он только не понимал зачем. Если она действительно стремится к близости, то место и время выбраны неудачно, а если...

И вдруг он понял что все это значит. Она лишь дает обещание...

— О Джонни! Боже мой, Джонни!

— Успокойся, Джинни. Не надо...

А может быть, она и в самом деле пьяна, подумал Таннер. И завтра будет готова провалиться сквозь землю. Он поддержал ее под руку.

— Мы потом поговорим.

Джинни, слегка отстранившись, прошептала, касаясь губами его щеки:

— Да, конечно, мы поговорим... Джонни... Кто такой Блэкстоун?

— Блэкстоун?

— Пожалуйста! Скажи мне!.. Умоляю... Я должна знать... Ничто не изменится. Я тебе обещаю. Только скажи, кто этот Блэкстоун?

Таннер крепко взял ее за плечи и повернул лицом к себе.

Она плакала.

— Я не знаю никакого Блэкстоуна.

— Ты просто не хочешь мне сказать, — в отчаянии прошептала она. — Умоляю тебя, ради всего святого, попроси Блэкстоуна остановиться!

— Тебя Дик послал?

— Он убьет меня, если узнает.

— Послушай, давай начистоту. Ты предлагаешь мне...

— Все, что ты хочешь. Только оставь нас в покое... Мой муж — порядочный человек. Он очень... очень честный. И он всегда был тебе другом! Прошу тебя, не губи его!

— Ты его любишь?

— Больше жизни... Пожалуйста, спаси его. Скажи Блэкстоуну, чтобы он его не трогал!

Она замотала головой и бросилась в сторону гаража.

* * *

Таннер хотел бежать следом и успокоить ее, но, вспомнив наставления Фоссета, остался на месте. Он пытался решить, способна ли Джинни, которая только что предлагала себя, как простая шлюха, на более страшные вещи.

Но Джинни не шлюха. Бесшабашная, иногда игривая, она — в этом Таннер был совершенно уверен — ни за что на свете не изменила бы Дику. Тут дело в другом. Джинни — агент «Омеги»? Таннеру не хотелось в это верить, но другого объяснения ее поступка он придумать не мог.

Со стороны дома раздался еще один взрыв принужденного смеха. Затем до Таннера донеслись вступительные аккорды «Амаполы». Он опустился на бортик бассейна и погрузил в воду термометр.

Внезапно он почувствовал, что рядом кто-то есть, и оглянулся. В нескольких футах от него, на газоне, стояла Лейла Остерман. Вероятно, она подошла очень тихо, или он просто не слышал ее шагов, поглощенный своими мыслями.

— О, привет! Ты меня испугала.

— Я думала, что тебе помогает Джинни.

— Она... испачкала юбку... Смотри, двадцать семь градусов. Джо скажет, что вода слишком теплая.

— Если он еще может говорить.

— Я тебя понял, — с улыбкой произнес Таннер, понимаясь с колен. — Да, Джо не умеет пить.

— Но сегодня он очень старается.

— Лейла, отчего вы прилетели на два дня раньше?

— Берни не рассказывал тебе? — Лейла колебалась. Было ясно, она недовольна тем, что разговор происходит в отсутствие Остермана.

— Нет, он ничего не говорил.

— Он ищет. Устраивает обеды, деловые встречи...

— Что он ищет?

— О, у него все время новые прожекты... ты же знаешь Берни. Ему постоянно нужно что-то свежее. Он никак не может забыть, что «Нью-Йорк таймс» однажды назвала его «интригующим» или «пробуждающимся». Я тогда не запомнила, как именно... К несчастью, с тех пор Берни успел привыкнуть к дорогим удовольствиям.

— И что же?

— Он хочет заключить контракт на телесериал. Ходят слухи, что в редакциях телепрограмм будут больше платить...

— В самом деле? Я что-то не слышал.

— Ты же работаешь в службе информации...

Таннер вынул из кармана пачку сигарет и предложил одну Лейле. Пока она прикуривала, он смотрел в ее напряженное лицо.

— Я уверен, что у Берни все получится. Вы с ним помогли телекомпаниям заработать кучу денег. Думаю, у него не будет особых трудностей. Берни хорошо умеет убеждать.

— Боюсь, что одного этого мало, — покачала головой Лейла. — Если, конечно, не хочешь работать за гроши... нужно иметь огромное влияние, для того чтобы заставить тех, кто платит, изменить свои планы. — Лейла глубоко затянулась, избегая взгляда Таннера.

— И он им обладает?

— Возможно... К мнению Берни прислушиваются больше, чем к мнению любого другого сценариста на побережье. О нем говорят: «Целит в яблочко...» — Лейла улыбнулась. — Это знают даже в Нью-Йорке, можешь мне поверить.

Лейла могла не продолжать, она и так уже все сказала. Она подтвердила его самые худшие опасения, Берни может многое, он способен заставить людей менять свои решения, перекраивать планы. Почему это так? Потому что «Омега» делает Остермана всесильным.

У Джона больше не было сомнений.

— Да, — тихо сказал Таннер. — Разумеется, я тебе верю. Берни пользуется большим влиянием.

Они немного помолчали, затем Лейла резко спросила:

— Ну, ты удовлетворен?

— Что?

— Я спросила: «Удовлетворен ли ты?» Ты допрашивал меня как полицейский. Если хочешь, я представлю список людей, с которыми он встречался, и перечислю места, где это происходило. В том числе парикмахерские, универмаги, гостиницы — я думаю, найдутся люди, которые подтвердят, что мы действительно там были.

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Ты все прекрасно понимаешь! У нас сегодня странная вечеринка. Словно не было стольких лет дружбы и мы чужие люди, причем сильно не нравимся друг другу.

— Я в этом не виноват. Может быть, вам следует поискать причину в себе?

— Что? — Лейла сделала шаг назад. Таннеру почудилось, что в глазах ее мелькнуло замешательство, но потом он решил, что это всего лишь тонкая игра. — Почему? Что все это значит, Джон?

— А ты сама не можешь мне этого объяснить?

— Господи, так значит, все правда? Ты в самом деле роешь яму Берни?

— С чего ты взяла? Я никому ничего не рою...

— Послушай меня и запомни, Джон! Берни — твой друг. Он жизнь готов за тебя отдать! Ты знаешь об этом?

Лейла Остерман бросила сигарету на землю и быстро зашагала прочь.

* * *

Когда Таннер собрался отнести термометр на место, из дома вышли Элис с Берни Остерманом. Сначала Джон подумал, что Лейла успела все рассказать им, но быстро понял, что ошибся. Его жена и Берни просто хотели узнать, нет ли в доме еще бутылок с содовой и сообщить ему, что все надевают купальные костюмы.

В проеме кухонной двери стоял Тримейн со стаканом в руке и наблюдал за ними. Он выглядел озабоченным.

Таннер прошел в гараж и положил термометр на полку в углу. Входная дверь отворилась, и показался Тримейн.

— Можно тебя на минутку, Джон?

— Конечно.

Тримейн притворил дверь и осторожно прошел мимо «триумфа».

— Никогда не видел тебя за рулем этой штуковины.

— Я ее не люблю. Влезать и вылезать из нее — сплошное мучение.

— Да, ты крупный парень.

— По сравнению с этой машиной — да.

— Я... я хотел извиниться за ту чепуху, что нес сегодня в гостиной. К тебе у меня, разумеется, нет никаких претензий... несколько недель назад меня крепко наколол один шустрый репортер из «Уолл-стрит джорнал». Представляешь? «Уолл-стрит джорнал»! Нашей фирме пришлось закрыть дело.

— Свободная пресса и независимый суд. Извечная проблема... не волнуйся, я не принял твои слова на свой счет.

Тримейн облокотился на капот «триумфа». Слегка понизив голос, он продолжал:

— Пару часов назад, когда мы говорили о том, что случилось здесь в среду, Берни спросил тебя, не занимаешься ли ты сейчас чем-нибудь типа Сан-Диего. Я мало знаю об этой истории, но не секрет, что на нее и сейчас частенько ссылаются в прессе...

— Ее роль сильно преувеличена. Была серия репортажей из района порта. Никакой сенсации.

— Не скромничай.

— Я не скромничаю. Я тогда хорошо поработал и едва не получил Пулитцера. Собственно, репортажи из Сан-Диего стали трамплином для меня.

— Да... Ладно. Давай не будем ходить вокруг да около. Ты сейчас занимаешься чем-то, что задевает меня?

— Нет. Во всяком случае, я ни о чем таком не знаю... Я сказал Берни правду: у меня в подчинении семьдесят с лишним репортеров, которые отвечают за сбор информации. Я не требую у них ежедневных отчетов.

— Ты хочешь сказать, что совершенно не в курсе того, чем они занимаются?

— Я поступаю хитрее, — со смехом ответил Таннер. — Я утверждаю их расходный лист. Никто не получит денег без моего одобрения.

Тримейн выпрямился.

— Послушай, давай начистоту... Джинни вернулась в дом полчаса назад и... Знаешь, мы с ней вместе уже шестнадцать лет, и я ее хорошо знаю...

Она вернулась заплаканная. Она разговаривала здесь с тобой. Я хочу знать, почему она плакала.

— Я не могу тебе ответить.

— Нет, уж ответь!.. Ты мне завидуешь, потому что я больше зарабатываю, да?

— Ничего подобного...

— Да я же знаю! Думаешь, я не слыхал, как Элис тебя пилила? И теперь вот ты словно невзначай обронил, что никто ничего не получает без твоего одобрения. Ты об этом сказал моей жене? Мне что, спросить у нее самой? Жена не может давать показания. Ты предупреждаешь нас? Чего ты от нас хочешь?

— Остановись! Ты, видно, влез в какую-нибудь дерьмовую историю и становишься параноиком. В какую? Ты собираешься со мной поделиться?

— Нет! Нет! Скажи, почему она плакала?

— Спроси ее сам!

Тримейн отвернулся, и Джон Таннер увидел, как плечи адвоката затряслись.

— Мы знакомы много лет, но ты никогда не понимал меня... нельзя судить о человеке, если не знаешь, что он на самом деле из себя представляет.

"И Тримейн признался. Конечно, они с Джинни работают в паре. Они оба входят в «Омегу».

Но Тримейн снова заговорил, и этот вывод рассыпался сам собой.

— Конечно, я не безгрешен. — Он снова повернулся. На лице его было написано страдание. — Я это знаю. Но я всегда действую в рамках закона. Такова система. Мне она может не нравиться, но я подчиняюсь ей!

Таннер подумал, что сказал бы Фоссет, услышь он это признание. Джон чувствовал искренность Тримейна, но что он мог ему ответить?

— Пойдем в дом. Тебе нужно выпить. Да и мне тоже.

* * *

Элис нажала на переключатель усилителя под подоконником в гостиной, чтобы музыка была слышна во дворе. Все гости сейчас собрались около бассейна. Даже ее муж и Дик Тримейн встали наконец

из-за кухонного стола. Они просидели там минут двадцать, к немалому удивлению Элис, почти не разговаривая.

— Ах вот вы где, миледи! — раздался за ее спиной громкий голос Джо Кардоуна.

Элис сразу напряглась. Кардоун стоял в дверях, ведущих в холл. На нем были только плавки. В могучем торсе Джо было что-то отвратительное. По сравнению с Кардоуном все окружающие предметы казались мелкими и незначительными.

— У вас кончился лед, и я позвонил, чтобы привезли еще.

— Так поздно?

— Это лучше, чем ехать за ним самим.

— Кому ты позвонил?

— Руди из винного магазина.

— Но магазин давно закрыт.

Кардоун, пошатываясь, приблизился к Элис.

— Я позвонил ему домой, он еще не ложился... Он иногда оказывает мне маленькие услуги. Я велел ему оставить пару брусков льда у парадного, а счет прислать мне.

— Этого можно было и не делать... Я имею в виду счет.

— Разве я не знаю, что у вас нет лишних денег?

— Позволь... — Элис прошла в другой конец комнаты, чтобы не чувствовать сильного запаха спиртного, исходившего от Джо. Он последовал за ней.

— Ты подумала над моим предложением?

— Спасибо за щедрость, Джо, но мы не нуждаемся в финансовой помощи.

— Так сказал Джон?

— Нет, но он сказал бы именно так.

— Выходит, ты не говорила с ним? — Было видно, что Кардоун разочарован.

— Нет.

— Элис! — Кардоун мягко взял ее за руку. Элис инстинктивно попыталась вырваться, но тщетно. Во взгляде Джо не было

враждебности, лишь искреннее участие, однако пальцы его сильно, до боли, сжимали ее руку.

— Я сегодня немного перебрал, но не думай, что я говорю это спьяну… Мне в жизни крупно повезло: сейчас деньги сами текут ко мне. Это не стоит мне никакого труда — честное слово. Говоря откровенно, я иногда испытываю чувство вины. Понимаешь, о чем я? Я очень ценю Джонни. Я восхищаюсь им, потому что он… пашет. Он вкалывает. А я нет. Я только беру. Я никому не причиняю вреда, я просто беру. И вы сделаете доброе дело, если позволите мне… отдать. Ну, просто так, для разнообразия.

Джо резко отпустил ее руку, и Элис от неожиданности безвольно уронила ее. На мгновение она смутилась и в замешательстве нахмурила брови.

— Но почему ты вдруг решил что-то давать нам? С чего ты взял, что мы в этом нуждаемся?

Кардоун тяжело опустился на подлокотник дивана.

— Я же не слепой и не глухой. Люди говорят…

— О нас? О том, что у нас нет денег?

— Ну, что-то в этом роде…

— Но это неправда! Это просто ерунда!

— Тогда давай подойдем с другого конца. Три года назад, когда Дик с Джинни, Берни с Лейлой и мы отправились на горнолыжный курорт в Гштаад, ты и Джонни не захотели поехать с нами. Верно?

Элис нерешительно кивнула, тщетно пытаясь уловить ход мыслей Джо.

— Да, помню. Мы тогда решили, что лучше свозить детей в Нассо.

— И вот теперь Джон очень интересуется Швейцарией, так? — прищурившись, закончил Джо и слегка пошатнулся.

— Я, во всяком случае, об этом ничего не знаю. Он мне никогда ничего такого не говорил.

— Ну, может быть, не Швейцарией, а Италией. Может быть, его интересует Сицилия, а?

— Я тебя не понимаю…

Кардоун, поднявшись с дивана, сильно качнулся, но устоял на ногах.

— Ведь мы с вами не такие уж разные люди, так? Я хочу сказать, что все то, что мы сейчас имеем, нам никто не подносил на блюдечке. Мы заработали это своим горбом, ползая каждый в своей грязи…

— По-моему, это оскорбление.

— Прости. Я не хотел никого обидеть. Я хочу быть честным, а для этого надо вернуться к началу… к самым истокам.

— Ты пьян.

— Разумеется. Я пьян и расстроен. Сочетание не самое удачное… Поговори с Джоном. Скажи ему, что мы могли бы встретиться с ним завтра или послезавтра. Скажи ему, чтобы он не беспокоился насчет Швейцарии или Италии, ладно? Скажи ему, что, как бы там все ни повернулось, я чист, и что я уважаю тех, кто вкалывает, и что я никому не приношу вреда… Скажи, что я заплачу.

Кардоун неуклюже шагнул к Элис, взял ее левую руку, несмотря на сопротивление, поднес к губам и, закрыв глаза, благоговейно поцеловал. Элис и раньше доводилось бывать свидетельницей таких сцен. Она с детства помнила, как фанатичные почитатели ее отца делали то же самое. Затем Джо повернулся и, пошатываясь, вышел в коридор.

Элис вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Она обернулась и похолодела. На лужайке футах в шести от окна стояла Бетти Кардоун в белом купальнике, освещенная сине-зеленым светом фонарей у бассейна.

Элис поняла, что Бетти видела все, что произошло между ней и Джо. Жена Кардоуна пристально смотрела на Эли, и ее взгляд был жестким и враждебным.

* * *

Звонкий голос молодого Синатры наполнял теплый ночной воздух. Четыре супружеские пары сидели у бассейна. Время от времени кто-нибудь из них всякий раз поодиночке прыгал в воду и лениво проплывал бассейн из конца в конец.

Женщины беседовали о школе и о детях, но, как отметил для себя Джон, мужчины на другой стороне бассейна горячо обсуждали политические и экономические проблемы. Таннер сидел у небольшого трамплина рядом с Джо. Он никогда не видел Кардоуна таким пьяным — картина была не из приятных. Если собравшиеся вокруг бассейна люди действительно составляли агентурную сеть «Омеги», Джо, несомненно, был самым слабым ее звеном. Он сдался бы первым.

Краткие споры разгорались и утихали. Когда голос Джо перекрыл остальные, Бетти мгновенно отреагировала.

— Муж мой, — спокойно произнесла она, — ты пьян. Следи за собой.

— Джо в полном порядке, Бетти, — сказал Берни, хлопая Джо по колену. — Сегодня в Нью-Йорке была страшная жара...

— Ты тоже был в Нью-Йорке, Берни? — Джинни Тримейн опустила в воду длинные ноги. — Неужели там еще жарче, чем здесь?

— Конечно, дорогая, — опередив Остермана, ответил жене Дик Тримейн. — Там настоящее пекло.

От Таннера не укрылось, что Тримейн и Остерман обменялись быстрыми взглядами. Таннер понял, что их молчаливый разговор касался Кардоуна, но, очевидно, они не хотели, чтобы Джон это заметил. Затем Тримейн встал и спросил, не хочет ли кто-нибудь выпить. Утвердительно ответил только Джо.

— Сейчас я принесу. — Таннер сделал попытку подняться.

— Сиди, — остановил его Дик. — Смотри за футболистом. Мне все равно нужно звонить дочери. Мы велели ей быть дома к часу. Сейчас уже почти два. Как говорится, доверяй, но проверяй.

— Какой суровый отец, — улыбнулась Лейла.

— Только поэтому я еще не дедушка. — Тримейн поднялся и через лужайку направился к дому.

Несколько секунд все молчали. Затем женщины продолжили прерванную беседу, а Берни прыгнул в бассейн.

Джо Кардоун молчал.

Минут через пять из дома показался Дик с двумя стаканами в руках.

— Джинни, слышишь? Мне досталось от Пег за то, что я разбудил ее. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что ей надоел ее кавалер, вот и все. Тримейн подошел к Кардоуну и подал ему стакан.

— Держи, защитник. Джо замотал головой.

— Я, черт возьми, играл в полузащите. Я бегал вокруг вашего чертова Леви Джексона на «Кубке Йеля»!

— Точно. Я разговаривал с Джексоном. Он "говорит, что тебя всегда можно было нейтрализовать. Стоило разок крикнуть «томатный соус», как ты сразу уходил к боковой.

— Очень смешно! Я убью эту черную обезьяну!

— Он о тебе тоже всегда хорошо отзывается, — усмехнулся Берни с другой стороны бассейна.

— А я хорошо отзываюсь о тебе, Берни! И о нашем большом Дике. — Кардоун, шатаясь, поднялся на ноги. — Я обо всех вас хорошо отзываюсь.

— Эй, Джо... — Таннер тоже поднялся.

— В самом деле, Джо, лучше сядь, — подала голос Бетти. — Иначе ты свалишься в воду.

— Да Винчи! — Голос Кардоуна гулко разнесся в темноте. — Да Винчи!.. — снова крикнул он, на этот раз протяжно.

— А это что еще значит? — удивленно спросил Тримейн.

— Ты сам мне лучше скажи! — прогремел Кардоун. Над бассейном повисла тишина.

— Он сошел с ума, — наконец вымолвила Лейла.

— Он попросту напился, — пожала плечами Джинни.

— Так как мы — ну, во всяком случае, я — не знаем, кто такой да Винчи, то, может быть, ты объяснишь? — негромко произнес Берни.

— Брось... Прекрати... — Кардоун сжимал и разжимал кулаки.

Остерман выбрался из воды и приблизился к Джо. Руки его были опущены и болтались как плети.

— Остынь, Джо. Пожалуйста... Успокойся.

— Цюри-и-их! — Отчаянный вопль Кардоуна наверняка разнесся на много миль.

«Вот оно! — подумал Таннер. — Вот оно. И Джо признался».

— О чем ты, Джо? — Тримейн сделал резкий шаг к Кардоуну.

— О Цюрихе, вот о чем!

— Это город в Швейцарии. И что дальше? — Остерман стоял прямо напротив Кардоуна, не сводя с него глаз. — Выражайся яснее!

— Ну уж нет! — Тримейн взял Остермана за плечо.

— Не хочу говорить с тобой! — взвизгнул Кардоун. — Ведь это же ты...

— Прекратите! Прекратите сейчас же, — негромко, но властно приказала Бетти Кардоун. Таннер и не подозревал, что голос Бетти может быть таким жестким, что от жены Кардоуна может исходить такая сила.

В ее голосе было нечто такое, отчего трое мужчин разошлись в разные стороны, как побитые собаки. Женщины изумленно посмотрели на

Бетти. Затем Лейла и Джинни ушли в дом, а ошеломленная Элис осталась стоять, не в силах сдвинуться с места.

Бетти заговорила, снова превратившись в обычную провинциальную домохозяйку:

— Вы ведете себя как дети. И вообще, Джо, нам давно пора домой.

— Я... может быть, выпьем на дорожку, а, Бетти? — нерешительно предложил Таннер. — Ты как?

— Только Джо налей чего-нибудь послабее, — попросила Бетти.

— Разумеется, — сказал Берни.

— Сейчас приготовлю. — Таннер направился к дому.

— Подожди-ка, Джонни! — На лице Кардоуна блуждала бессмысленная улыбка. — Я сегодня провинился, поэтому пойду тебе помогать. Заодно приму душ.

Таннер пошел к кухне впереди Кардоуна. Он был удивлен и сбит с толку. Он рассчитывал, что после того, как Джо прокричал слово «Цюрих», все будет кончено. «Омега» разоблачит себя. Однако ничего подобного не произошло. Все вышло наоборот. Было восстановлено равновесие и спокойствие. И кем? Самым, казалось, неподходящим человеком — Бетти Кардоун.

Неожиданно он услышал за спиной шум и оглянулся. В дверях стоял Дик Тримейн и смотрел вниз, на бессильно осевшего на пол Кардоуна.

— И рухнул принстонский гигант, — улыбаясь, покачал головой Дик. — Давай отнесем его в мою машину. Сегодня я буду за шофера.

Рухнул?.. Таннер не мог в это поверить. Да, Кардоун был пьян. Но не настолько же, чтобы потерять сознание.

* * *

Мужчины оделись и перенесли бормочущего что-то нечленораздельное Кардоуна на переднее сиденье машины Тримейна. Бетти и Джинни расположились сзади. Таннер украдкой следил за Кардоуном, пытаясь найти в его поведении признаки того, что он притворяется, и не находил. И все же в тяжелых неуклюжих движениях Кардоуна было что-то неестественно фальшивое. Похоже, Джо разыграл этот спектакль, чтобы проверить, как поведут себя остальные. А может быть, он, Таннер, просто преувеличивает?

— Черт возьми! — воскликнул Тримейн. — Я оставил у вас свой пиджак.

— Я принесу его завтра в клуб. Мы же договорились встретиться в одиннадцать.

— Нет, лучше я схожу за ним сейчас. У меня там кое-какие документы. Они мне могут понадобиться. Постой здесь с Берни. Я быстро.

Дик вбежал в дом и схватил висевший на стуле в коридоре пиджак.

Он заглянул в гостиную. Лейла Остерман терла полированную поверхность обеденного стола.

— Если эти пятна не удалить сейчас, Таннерам придется менять столовую мебель, — сказала она.

— Где Элис?

— На кухне, — ответила Лейла, не прекращая своего занятия.

Когда Тримейн вошел в кухню, Элис заполняла посудомоечную машину.

— Эли?

— О! Это ты. Дик... Как Джо?

— С Джо все в порядке... А как Джон?

— Разве он не с тобой на улице?

— Как видишь, я здесь.

— Уже поздно. Дик. Мне не до шуток.

— Я тоже не расположен шутить... Мы были хорошими друзьями, Эли. Ты и Джон, вы очень много значите для нас с Джинни... — Лицо Тримейна побагровело, он то и дело сглатывал слюну. — Не судите да не судимы будете. Не позволяй Джону... калечить людские судьбы. Скажи ему, что следует попытаться понять то, что делают люди. Нельзя судить не разобравшись...

— Я не понимаю, о чем ты...

— Это очень важно, — замотав головой, перебил ее Тримейн. — Пусть хоть раз он попытается понять, иначе... Элис почудилась в его словах скрытая угроза.

— Почему бы тебе самому не сказать ему это?

— Я говорил, но он не захотел мне ответить. Поэтому сейчас я повторяю это тебе... Знай, Эли, люди не всегда таковы, какими кажутся. Просто одни умеют притворяться лучше, другие хуже. Помни об этом!

Тримейн развернулся и вышел. Через несколько секунд Элис услышала, как хлопнула входная дверь. Когда она смотрела вслед уходящему Тримейну, она вдруг почувствовала, что рядом находится кто-то еще. Она была уверена, что слышала чьи-то осторожные шаги. Кто-то прошел через столовую и теперь стоял в кладовке, за углом — вне поля ее зрения. Она неслышно приблизилась к арке и, заглянув в маленькую, узкую комнатку, увидела Лейлу Остерман. Та стояла, прислонившись к шкафу, устремив неподвижный взгляд на противоположную стену.

Лейла подслушивала их разговор с Диком! Она сильно вздрогнула, заметив Эли, потом принужденно рассмеялась — явно поняв, что ее поймали.

— Я пришла за чистой тряпкой, — запоздало пояснила она, указав на бельевой шкаф, и, не говоря больше ни слова, скрылась в столовой.

Элис стояла в центре кладовки, наморщив лоб, и в который раз уже спрашивала себя, что происходит со всеми? Что-то ужасное, необъяснимое вторглось в их жизнь. Добрые отношения между ними рушились на глазах, но почему?

* * *

Они лежали в постели: Элис на спине, Джон — отвернувшись от нее — на левом боку. В комнате для гостей, расположенной почти напротив, устроились Остерманы.

Впервые в этот долгий вечер Таннеры остались вдвоем. Элис чувствовала, что муж очень устал, но она не могла больше откладывать этот разговор.

— У тебя что-то произошло с Диком и Джо? Таннер вздохнул почти с облегчением, перевернулся на спину и уставился в потолок. Он предвидел, что жена задаст ему такой вопрос, и заранее заготовил в ответ очередную ложь. Он уже начинал привыкать к этому, но ведь осталось потерпеть совсем немного, и тогда он сможет все объяснить Эли. Фоссет твердо обещал ему это.

Джон медленно заговорил, стараясь, чтобы его голос звучал как можно естественнее.

— Ты слишком проницательна.

Она приподнялась на локте и с удивлением посмотрела на него.

— Я? Ты преувеличиваешь. Напротив, сегодня я не понимаю, что происходит. Он помолчал.

— История неприятная, но все скоро кончится. Помнишь, я говорил тебе о деле, с которым пристает ко всем Джим Лумис?

— Да, я помню, что ты из-за этого не позволил Дженет пойти на ленч к Лумисам.

— Верно… так вот, Джо и Дик втянулись в эту заваруху. Я сказал им, что этого делать не стоило.

— Почему?

— Я навел справки… У нас есть несколько тысяч, которые стоило бы вложить под хороший процент. Вот я и подумал, может быть, рискнуть?.. Я позвонил Эндрю Харрисону — он шеф юридической службы у нас в «Стэндарт мьючиал». Он кое-что выяснил.

— Что же?

— Эта затея дурно пахнет. Прекрасный материал для газетной сенсации. Грязное дельце.

— Ты хочешь сказать, что оно противозаконное?

— Возможно, на следующей неделе можно будет сказать и так. Харрисон предложил нам снять о нем репортаж. Поднялся бы страшный шум. Я рассказал Джо и Дику.

— Господи! Ты согласился делать такую передачу?! — в ужасе воскликнула Элис.

— Не волнуйся. Сейчас у нас на это нет ни средств, ни времени. Все расписано на месяц вперед. А ради этой истории ломать наши планы не стоит. Даже если бы мы решили снимать, я заранее предупредил бы Дика и Джо, чтобы они успели выйти из игры.

Элис снова услышала голоса Кардоуна и Тримейна: «Ты говорила с ним? Что он сказал?» «Не позволяй Джону калечить людские судьбы. Нельзя судить не разобравшись». Они оба были напуганы, и теперь она знала почему.

— Джо и Дик страшно волнуются, ты знаешь об этом?

— Да. Я догадался.

— Ты догадался? Но ведь они же твои лучшие друзья!.. Они боятся. Они просто в панике.

— Ну ладно, ладно. Завтра в клубе я успокою их. «Ястреб Сан-Диего» давно уже не хищник.

— Но это же в самом деле жестоко! Неудивительно, что они так обеспокоены! Им кажется, что ты делаешь что-то ужасное. — Перед глазами Элис встала фигура Лейлы, замерившей у стены в кладовке и

слушающей мольбы и угрозы Тримейна. — Они рассказали Остерманам, — убежденно сказала Элис.

— Ты уверена? Откуда ты знаешь?

— Не важно откуда. Они все, должно быть, считают тебя чудовищем... Завтра же утром — я умоляю тебя! — скажи, что им не о чем волноваться.

— Я же уже обещал...

— Слава Богу, что все стало ясно. И эти крики у бассейна, и ваш глупый спор... Я очень, очень сердита на тебя... — Но Элис Таннер не сердилась. Теперь, когда тайное стало явным, оно ее больше не страшило. С этим она справится. Она снова легла на подушку, все еще взволнованная, но тепло и покой, от которых она успела отвыкнуть за последние несколько дней, уже разливались по всему телу...

Таннер крепко закрыл глаза и затаил дыхание. Ложь прошла и на этот раз. Прошла легче, чем он предполагал. Теперь он почти не испытывал трудностей. Он привык к своей роли, Фоссет был прав. Он прекрасно с ней справляется. Он убедил даже Элис.

* * *

Джон стоял у окна спальни. Он смотрел на лужайку за домом и на темнеющую невдалеке рощу. Внезапно он вздрогнул. Может быть, ему почудилось? В темноте блеснул огонек сигареты. Кто-то шел и курил не скрываясь. Боже праведный! Таннер похолодел. Неужели этот идиот не понимает, что выдает расположение охранников?

Он присмотрелся внимательнее и облегченно вздохнул. Да это же Берни Остерман.

Однако через мгновение его снова охватило беспокойство.

Неужели Берни что-то заподозрил?

Таннер бесшумно покинул спальню, спустился вниз и вышел во двор.

— Я ждал, что встречу тебя здесь... — Берни сидел у края бассейна, задумчиво глядя на ровную поверхность воды. — Вечер прошел сегодня ужасно.

— Мне так не показалось.

— Значит, ты просто ослеп и оглох. Это была ненастная ночь в Малибу... Если бы у нас были кинжалы, вода в бассейне давно окрасилась бы кровью.

— Твое воображение явно в плену голливудских штампов. — Таннер уселся рядом с ним и спустил вниз ноги.

— Я писатель. Я наблюдаю и анализирую.

— По-моему, ты не прав, — сказал Таннер. — Просто у Дика неприятности: он сам мне об этом сказал… А Джо напился. Ну и что?

Остерман подался вперед.

— Ты, вероятно, удивишься, почему я вышел из дома и сижу здесь у бассейна. Меня привела сюда какая-то подсознательная мысль, что ты не сможешь сегодня спать, как и я.

— Ты меня заинтриговал.

— Я не шучу. Нам пора поговорить.

— О чем?

Остерман поднялся и закурил. Немного помедлив, он спросил:

— Что ты больше всего хочешь? Что ты хочешь для себя и для своей семьи?

Таннер не поверил своим ушам: Остерман начал разговор самыми банальными, избитыми фразами. Однако Джон ответил так, будто воспринял вопрос всерьез.

— Покоя, наверное… покоя, надежной крыши над головой, обычных человеческих благ… Такой ответ ты ожидал услышать?

— Я не о том. Все это у тебя есть, сейчас по крайней мере.

— Тогда я тебя не понимаю…

— Тебе никогда не приходило в голову, что ты уже давно лишен возможности выбирать? Что ты не живешь, а лишь выполняешь определенные функции?

— По-моему, это естественно. Я с этим не спорю.

— Ты и не сможешь спорить. Система не позволит тебе… Ты умеешь что-то делать, ты этому научился и обречен заниматься этим до конца своих дней. И спорить тут бесполезно.

— Из меня не получился бы физик-ядерщик, а ты не годишься в нейрохирурги, — пожал плечами Таннер.

— Конечно, все относительно. Но то, что я говорю, не просто фантазии. Всеми нами управляют силы, которые мы сами не способны контролировать. Мы достигли того возраста, когда человек становится

профессионалом, но в этом есть и дурное предзнаменование. Мы живем и работаем внутри заданного нам круга; нам не дано переступить черту, даже оглянуться... А ты, боюсь, связан еще больше, чем я. У меня, по крайней мере, есть возможность выбрать, на какую тему писать очередную мыльную оперу, но все-таки всего лишь мыльную оперу и ничего больше... Мы задыхаемся.

— Я — нет. Мне не на что пожаловаться. Меня в моем положении все устраивает.

— Но у тебя же нет крепких тылов! У тебя ничего нет! И не пытайся возражать мне. Ты даже еще не расплатился за это... — Остерман сделал выразительный жест рукой, указывая на бассейн, дом и двор Таннера.

— Возможно, если речь идет о деньгах, ты прав. Но, по-моему, все мы в таком положении...

Остерман придвинул к себе стул и опустился на него. Внимательно глядя в глаза Таннеру, он мягко заговорил:

— Выход есть. Я с радостью помогу тебе. — Он помолчал немного, словно подыскивая нужные слова, затем снова заговорил: — Джонни... — Остерман отшвырнул сигарету и опять надолго замолчал. Таннер испугался, что Берни так и не решится начать.

— Я слушаю. Продолжай.

— Прежде мне нужны определенные... гарантии. Это очень важно. — Остерман теперь говорил торопливо, словно боялся не успеть.

И вдруг в одном из окон вспыхнул свет. Они оба резко повернули головы. Это была спальня маленькой Дженет.

— Что это? — с тревогой спросил Берни.

— Дженет. Это ее комната. Нам наконец удалось добиться, чтобы она включала свет, когда идет в ванную. Иначе она сбивает все стоящие на пути предметы, а мы все еще полчаса не можем за... — Он не договорил. Воздух прорезал леденящий душу крик. Кричал ребенок.

Таннер вскочил на ноги и рванулся к дому. Крик не стихал. В трех других окнах тоже вспыхнул свет. Берни Остерман почти догнал Таннера у спальни девочки. Они появились здесь первыми. Элис и Лейла еще только выходили из своих комнат.

Джон изо всех сил ударил в дверь плечом, забыв о дверной ручке. Дверь распахнулась, и четверо взрослых вбежали в комнату.

Девочка стояла босиком в центре комнаты и истошно кричала.

Ее любимый щенок лежал в большой луже крови. Голова была отделена от туловища.

Джон Таннер схватил на руки дочь и выскочил с ней в коридор. Сознанием завладело ужасное зрелище обезглавленного трупа в роще и щенка с отрезанной головой в комнате дочери.

«Обезглавленное тело значит террор» — так говорил один из агентов Фоссета в мотеле Ховарда Джонсона.

Он должен взять себя в руки. Должен.

Таннер не помнил, как отдал дочь Элис. И только теперь он увидел, что Элис качает дочь на руках, тихо шепча ей какие-то слова на ухо, а в нескольких футах от него плачет Реймонд, уткнувшись в грудь Берни Остермана. И вдруг он отчетливо услышал слова Лейлы:

— Я возьму Дженет, Эли. Иди к Джонни. Таннер злобно крикнул:

— Если ты до нее дотронешься, я убью тебя! Ты слышишь, убью!

— Джон! — в ужасе воскликнула Элис. — Что ты несешь!

— Она же была рядом! Всего в нескольких шагах! Ты что, не понимаешь? Она была совсем рядом!

Остерман бросился на Таннера и, отбросив его к стене, сильно ударил по щеке.

— Эту собаку убили несколько часов тому назад! Опомнись! Несколько часов назад? Не может быть! Это произошло только что. Загорелся свет, и щенку отрубили голову. А Лейла была рядом. Всего в нескольких шагах. Берни ладонями сжал ему виски.

— Мне пришлось ударить тебя. Прости. У тебя начиналась истерика. Успокойся. Возьми себя в руки. Это ужасно… просто ужасно, я знаю. У меня тоже есть дочь.

Таннер попытался сосредоточиться. Он обвел глазами холл. Все смотрели на него, даже Реймонд, который все еще всхлипывал, прислонившись к косяку своей двери.

Джон высвободился из рук Остермана.

— В доме кто-нибудь есть? — Таннер не смог сдержаться, его тревожил вопрос: «Где были люди Фоссета? Где они были?»

— О ком ты, дорогой? — Элис обняла его за плечи, словно боясь, что он упадет.

— Значит, никого, — еле слышно проговорил он.

— Мы здесь. И сейчас позвоним в полицию. Прямо сейчас! — Берни положил руку Таннера на перила лестницы и потянул его вниз.

«Что задумал Берни? Он же из „Омеги“. И жена его из „Омеги“. Зачем же им нужно звонить в полицию?» — лихорадочно соображал Таннер.

— В полицию? Ты хочешь вызвать полицию?

— Разумеется, если кто-то пошутил, то более отвратительной шутки я в жизни не видел. Я хочу, чтобы приехала полиция. А ты против?

— Нет. Конечно, надо позвонить.

Они вернулись в гостиную, и Остерман скомандовал:

— Эли, быстро звони в полицию. Если не знаешь номера, спроси на телефонной станции. — Он повернулся и вышел на кухню.

«Где были люди Фоссета?»

Элис сняла трубку. Но через мгновение стало ясно, что звонить никуда не надо.

Луч фонаря скользнул по стеклам и заплясал на стене гостиной. Это наконец прибыли люди Фоссета.

Раздался звонок в парадную дверь, и Таннер, резко вскочив с дивана, бросился в холл.

— ...Мы услышали крики и увидели, как загорелся свет в окнах. Что-то случилось?

— Вы, как обычно, немного опоздали! — тихо произнес Таннер. — Входите. «Омега» уже побывала здесь.

— Успокойтесь. — Дженкинс вошел в холл. За ним показался Макдермотт.

Из кухни вышел Остерман.

— Господи! Быстро вы, однако...

— Ночной патруль, сэр, — пояснил Дженкинс. — Мы увидели, что в доме зажегся свет и поднялась суматоха. В ночные часы такое случается редко.

— Вы очень оперативны, спасибо...

— Да, сэр. — Дженкинс кивнул и, не дослушав, прошел в гостиную. — Что случилось, мистер Таннер? Вы можете рассказать нам здесь или предпочтете поговорить наедине?

— Здесь нет никаких секретов, — вмешался Остерман, не дав Таннеру раскрыть рта. — Наверху, в первой спальне, справа по коридору, лежит щенок. Он мертв.

— Да? — Дженкинс удивленно поднял брови и повернулся к Таннеру.

— У него отрезана голова. Мы хотели бы знать, кто это сделал.

— Понятно... — протянул Дженкинс. — Мы позаботимся об этом. — Он повернулся к Макдермотту: — Принеси брезент, Мак.

— Сейчас. — Макдермотт вышел.

— Могу я от вас позвонить?

— Конечно.

— Нужно поставить в известность капитана Маколиффа. Придется позвонить ему домой.

Таннер опешил. Это дело не имеет никакого отношения полиции. Ведь это «Омега»! Что Дженкинс делает? Зачем он звонит Маколиффу? Нужно сейчас же связаться с Фоссетом. Маколифф — обыкновенный полицейский офицер. Он подотчетен муниципальному совету Сэддл-Вэлли, а не правительству.

— Вы считаете, это необходимо? В такой поздний час? То есть я хотел сказать, что капитан Маколифф...

Дженкинс резко повернулся к Таннеру и, глядя ему прямо в глаза, произнес:

— Капитан Маколифф — шеф местной полиции. Он будет очень удивлен, если я не доложу ему об этом происшествии.

Теперь Таннер все понял. За ними следит «Омега». Звонок Дженкинса шефу предназначается исключительно для Лейлы и Берни Остерман.

* * *

Когда капитан Алберт Маколифф появился в доме Таннеров, он сразу взял бразды правления в свои руки. Таннер молча наблюдал за тем, как тот уверенно отдает приказания подчиненным. Это был рослый тучный человек. Из-под застегнутого ворота форменной рубашки выпирала могучая шея. Его длинные мускулистые руки были до странности неподвижными. При ходьбе они безвольно мотались по бокам — верный признак того, что их обладатель долгие годы занимался пешим патрулированием, время от времени перекидывая тяжелую полицейскую дубинку из одной руки в другую.

Маколифф перешел сюда из нью-йоркской полиции. Несколько лет назад городской совет пришел к выводу, что городу нужен надежный человек, который мог бы навести здесь порядок. А лучшей обороной во времена вседозволенности, как известно, является нападение.

Сэддл-Вэлли был нужен жестокий наемник. И они наняли расиста.

— Итак, мистер Таннер, давайте по порядку. Что происходило здесь этой ночью?

— Мы... у нас была вечеринка. Собрались друзья.

— Сколько человек?

— Четыре супружеские пары. Всего восемь человек.

— Вы вызывали прислугу?

— Нет... нет, никого не вызывали.

Маколифф бросил удивленный взгляд на Таннера и отложил в сторону свою записную книжку.

— У вас нет прислуги?

— Нет.

— А в течение дня миссис Таннер никого не приглашала помочь ей на кухне? Или во дворе?

— Нет.

— Вы уверены?

— Спросите ее сами.

Элис в этот момент наскоро готовила постели для детей.

— Это может оказаться важным. Возможно, пока вы были на работе, она приглашала кого-нибудь из негров или цветных.

Таннер заметил, что Берни вздрогнул.

— Я сегодня весь день был дома.

— Хорошо...

— Капитан... — Остерман сделал шаг вперед. — Кто-то проник в дом и зверски убил щенка. Это мог быть грабитель. Мистера и миссис Таннер пытались ограбить в прошлую среду. Наверное, следует проверить...

Он не успел договорить. Маколифф медленно повернул голову и смерил его взглядом, полным нескрываемого презрения.

— Я займусь этим, мистер... — шеф полиции заглянул в свою записную книжку, — мистер Остерман. А сейчас мне хотелось бы, чтобы мистер Таннер рассказал, что происходило здесь этой ночью. Я буду признателен вам, если вы позволите ему сделать это. С вами я тоже поговорю, когда придет время.

Таннер всячески старался привлечь внимание Дженкинса, но тот упорно отводил глаза. Журналист никак не мог решить, о чем он должен говорить, или, вернее, о чем он говорить не должен.

— Ну что, мистер Таннер... — Маколифф опустился на стул и снова взял в руки записную книжку. — Начнем с самого утра. И не забудьте о визитах почтальона или посыльных из магазинов, если таковые были в течение дня.

Таннер начал было рассказывать, но в этот момент со второго этажа раздался громкий голос Макдермотта:

— Капитан! Поднимитесь на минуту сюда! В комнату для гостей...

Не говоря ни слова, Берни стал подниматься по лестнице впереди Маколиффа. За ними последовала Лейла.

Тут же Дженкинс приблизился к Таннеру и тихо заговорил:

— У меня мало времени. Слушайте. Ни при каких обстоятельствах не упоминайте об «Омеге». Поняли? Ни слова! Я не мог предупредить вас раньше, так как рядом все время были Остерманы.

— Но почему? Ведь все ясно! Что же мне говорить? Почему я снова должен лгать?

— Маколифф не из нашего ведомства. Ему ничего не известно о проведении операции. Расскажите правду о вечеринке. И все!

— Вы хотите сказать, что он ни о чем не знает?

— Да. Я же говорю вам, что его не информировали.

— А как же люди вокруг дома? А патрули в роще?

— Это не его люди... Если вы заговорите об этом, он решит, что вы сумасшедший. И тогда Остерманы все поймут. Если вы сошлетесь на меня, я буду все отрицать.

— Вы что, не доверяете Маколиффу?

— Дело не в этом. Он хороший полицейский, но у него мания величия — он мнит себя местным Наполеоном, поэтому мы решили не использовать его, во всяком случае открыто. Но он может помочь нам в

силу своего служебного положения. Попросите его выяснить, куда поехали Тримейны и Кардоуны.

— Кардоун напился, Тримейн повез его домой.

— Пусть выяснит, сразу же они отправились домой или нет. Маколифф обожает снимать показания; он тут же уличит их, если они солгут.

— Но каким образом я...

— Сделайте вид, что вы волнуетесь за друзей. Это будет выглядеть естественно. И помните, развязка близка.

В гостиную вернулся Маколифф. Макдермотт «по ошибке» принял продольную защелку на окне за следы взлома.

— Продолжим, мистер Таннер. Значит, к вам приехали гости. И что же было дальше?

Джон Таннер, тщательно подбирая слова, описал события прошедшего вечера и ночи. Спустившиеся сверху Лейла и Берни Остерман немного дополнили его рассказ. Уложив детей в кабинете, Элис тоже пришла в гостиную, но не смогла ничего добавить.

— Прекрасно, леди и джентльмены... — Маколифф встал со своего стула.

— А остальных вы не собираетесь допрашивать? — Таннер тоже поднялся и теперь стоял прямо напротив шефа полиции.

— Я как раз хотел попросить разрешения воспользоваться вашим телефоном. Мы должны предупредить их.

— Разумеется.

— Дженкинс, позвоните Кардоунам. Сначала я поговорю с ними.

— Слушаюсь, сэр.

— А как же Тримейны?

— Всему свое время, мистер Таннер. После того как мы побеседуем с Кардоунами, я обязательно повидаюсь и с ними.

— Чтобы они не успели договориться между собой? — ехидно спросил Остерман.

— Совершенно верно, мистер Остерман. Вы знакомы с нашими методами работы? — Маколифф не скрывал, что Берни его раздражает.

— Я каждую неделю сочиняю полицейские отчеты и инструкции...

— Мой муж пишет сценарии для телевидения и кино, — пояснила Лейла.

— Капитан... — окликнул Дженкинс Маколиффа. — У Кардоунов никто не отвечает.

— Звони Тримейнам.

Все в комнате в напряженном молчании ждали, пока Дженкинс наберет очередной номер. Быстро переговорив с кем-то, Дженкинс положил трубку.

— Та же картина, капитан. Дочь Тримейнов говорит, что их тоже нет дома.

* * *

Джон и Элис молча сидели в гостиной. Остерманы поднялись к себе наверх. Полицейские уехали на поиски пропавших Кардоунов и Тримейнов.

И у Джона и у Элис было тяжело на сердце. Элис уже решила для себя, кто убил щенка. Джона же мучила мысль, что теперь «Омега» предупреждает не Фоссета, а его, Таннера, или все-таки Берни.

— Это сделал Дик, да? — наконец заговорила Элис.

— Дик? — рассеянно переспросил Таннер.

— Он угрожал мне. Он зашел на кухню и угрожал мне.

— Угрожал? — опять переспросил Таннер. В голове его застучало... Если это так, то почему люди Фоссета не появились раньше? — Когда? Как угрожал?

— Когда они уже собрались уезжать... То есть я не хочу сказать, что он угрожал лично мне, — сбивчиво объясняла Элис, — он говорил вообще, обо всех нас.

— Что он сказал? — Таннер надеялся, что люди Фоссета слышат его. Он напомнит им об этом позднее.

— Он сказал, что ты не имеешь права судить не разобравшись и что ты должен сначала попытаться понять...

— Что еще?

— Он сказал... что все люди притворяются... Да, он так и сказал... Он советовал мне помнить, что на самом деле люди не всегда таковы, какими они нам кажутся. Просто одни умеют притворяться лучше, а другие — хуже.

— Но где же здесь угроза, Эли? Может быть, он говорил о чем-то другом?..

Элис пожала плечами. Затем со вздохом добавила:

— Должно быть, эта баснословная сумма...

— О чем ты?

— О том деле, в которое Джо и Дика втянул Джим Лумис и которое ты взялся расследовать.

«О Господи, — подумал Таннер, — все смешалось, правда и вымысел». Он уже успел позабыть о своей маленькой лжи.

— Да, оно сулит крупные барыши, — торопливо подтвердил он, боясь, что Элис все же поймет, что деньги — недостаточный мотив. Он решил упредить ее. — Тут дело не только в деньгах. Пострадала бы их репутация. После такого скандала им никогда не отмыться.

Элис безучастно смотрела на единственную горящую в комнате лампу.

— Тогда наверху ты... подумал, что это сделала Лейла.

— Я ошибся.

— Но ведь ее комната и в самом деле напротив...

— Это не имеет значения. Мы обсуждали такую возможность с Маколиффом. Кровь на полу свернулась и уже почти засохла... Щенка убили несколько часов назад.

— Наверное, ты прав, — проговорила Эли и вспомнила, как Лейла подслушивала их разговор с Тримейном.

Часы на камине показывали двадцать минут шестого. Они решили, что лягут в гостиной, напротив кабинета, где спали дети.

В половине шестого раздался телефонный звонок. Маколифф сообщил, что полиция не нашла Тримейнов и Кардоунов. Он сказал, что собирается заявить об их исчезновении и объявить розыск.

— Может быть, они просто решили поехать в Нью-Йорк? — высказал предположение Таннер. — Или заехали в один из местных ночных баров... — Мысль его лихорадочно работала. Если будет объявлен розыск, «Омега» затаится и весь этот кошмар затянется неизвестно на сколько. — Не нужно спешить. Дайте им время. Они же все-таки наши друзья!

— Не могу с вами согласиться. Все увеселительные заведения закрываются не позже четырех утра.

— Ну, может быть, они остановились в отеле?

— Об этом мы скоро узнаем. При объявлении розыска отели и больницы проверяются в первую очередь. Таннер совсем упал духом.

— А вы проверили близлежащие городки? Я знаю там несколько частных клубов...

— Мы тоже о них знаем и все проверим.

Таннер понимал, что должен что-нибудь придумать, чтобы дать время Фоссету восстановить контроль над ситуаций. Его люди сейчас все слышат. Они, несомненно, поняли грозящую опасность.

— А вы обыскали район, прилегающий к старому железнодорожному вокзалу? Это на Лесситер-роуд.

— Какого черта их понесло бы туда? Зачем?

— В среду я нашел там свою жену и детей. Я просто подумал, может быть... Намек был понят.

— Я вам перезвоню, — рявкнул Маколифф. — Туда поедут наши люди.

Когда он повесил трубку, Элис спросила:

— Никаких следов?

— Нет... Ты должна отдохнуть, дорогая. Мне известно несколько мест — клубов, о которых полиция может не знать... нужно позвонить туда. Я пойду в кухню, чтобы не разбудить детей.

Фоссет ответил сразу.

— Это Таннер. Вы знаете, что произошло?

— Да. Вы здорово выкрутились. Можем принять вас в штат.

— Нет уж, спасибо. Что вы собираетесь делать? Вы ведь не можете позволить, чтобы по всем штатам объявили розыск?

— Разумеется. Коул и Дженкинс находятся на связи. Они перехватят сообщение.

— А что потом?

— У нас есть несколько вариантов дальнейшего хода операции. Сейчас нет времени обсуждать их подробно. И кроме того, мне очень нужна эта линия. Я буду ждать вашего звонка. Еще раз спасибо. — Фоссет повесил трубку.

— Позвонил в три места, — сообщил Таннер, возвратившись в гостиную. — Увы... Давай попробуем заснуть. Возможно, они заехали к

друзьям и остались там ночевать. Ты же помнишь, мы сами так иногда поступали.

— Это было очень давно… — грустно вздохнула Элис.

Они легли и оба притворились, что спят. Громкое тиканье часов наполняло комнату. Наконец Таннер увидел, что жена заснула. Он закрыл глаза, чувствуя внутри пустоту и усталость…

* * *

В шесть сорок он услышал шум подъехавшей машины. Она остановилась у парадного. Таннер поднялся и быстро подошел к окну.

К дому размашисто шагал Маколифф. Он был один. Таннер вышел ему навстречу.

— Жена уснула. Я не хочу будить ее.

— Пусть себе спит, — угрюмо буркнул Маколифф. — Я ехал не к ней, а к вам.

— Что случилось?

— Кардоуны и Тримейны отравлены сильной дозой эфира. Мы обнаружили всех их без сознания в машине у дороги, ведущей на заброшенную станцию Лесситер. Теперь я должен выяснить, почему вы направили нас туда. Откуда вы знали?

Таннер ошеломленно смотрел на Маколиффа, не в силах вымолвить ни слова.

— Отвечайте!

— Но, видит Бог, я ничего не знал! Ничего… Пока я жив, я никогда не забуду того, что произошло в эту среду… Думаю, что вы меня понимаете. Мысль об этой станции вдруг пришла мне в голову и… Клянусь вам, я ни о чем не знал!

— Выходит, это простое совпадение, да? — Послушайте, но ведь если бы это было не так, я сказал бы вам сразу! Я не стал бы терзать своих близких. Поймите!

Маколифф продолжал смотреть на него с недоверием. Таннер бросился в наступление.

— Как это случилось? Что они говорят? Где они теперь?

— Их отвезли в больницу в Ридж-парк. Они пробудут там по крайней мере до завтрашнего утра.

— Но вы, должно быть, говорили с ними?

Маколифф рассказал, что, по словам Тримейна, они отъехали от дома Таннеров не более чем на полмили, когда увидели впереди красные огоньки задних фар стоявшего на обочине автомобиля, а рядом с ним человека, который сигналил им, прося остановиться. Это был хорошо одетый мужчина респектабельного вида. Он оказался не местным. Сказал, что приезжал навестить друзей и возвращается домой в Вестчестер, но по дороге у него забарахлил мотор. Тримейн предложил отвезти его назад, в дом его друзей. Мужчина согласился.

Это было последнее, что запомнили Тримейн и обе женщины. Кардоун все это время спал, поэтому не помнил ничего.

В машине Тримейна полиция обнаружила пустой баллончик из-под аэрозоля без всяких надписей. Его отдали на экспертизу, но Маколифф и без этого был уверен, что в баллончике находился эфир.

— Должно быть, это как-то связано с тем, что произошло в среду, — проговорил Таннер.

— Да, такой вывод напрашивается сам собой. Впрочем, любой, кто знаком с этой частью леса, знает, что район вокруг старой станции практически безлюден. Это, разумеется, стало известно и тем, кто прочел в газетах об инциденте с вашей семьей.

— Да, вероятно... Их тоже ограбили?

— Деньги, бумажники и драгоценности на месте. Тримейн сказал, что у него пропали какие-то бумаги. Он был очень взволнован.

— Бумаги? — Таннер вспомнил, как адвокат возвращался за пиджаком и говорил, что там у него важные документы, которые могут ему понадобиться. — Он не сказал, какие это были бумаги?

— Нет. Он находился в состоянии близком к истерике. Из его слов трудно было что-то понять. Он лишь все время твердил: «Цюрих, Цюрих».

Джон затаил дыхание и, как его когда-то учили, до боли напряг мышцы живота, чтобы не выдать волнения. Это вполне в духе Тримейна — приехать, заранее выписав номера банковских счетов в Цюрихе, чтобы в случае опасности иметь их под рукой и без промедления воспользоваться ими. Маколифф все-таки заметил реакцию Таннера.

— Название этого города вам о чем-нибудь говорит? — быстро спросил он.

— Нет, а почему вы спрашиваете?

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

— Да, и поэтому я позволю себе ответить подобным образом еще раз: это что, официальный допрос?

— Именно.

— Тогда скажу. Нет. Это название мне ни о чем не говорит. Я представления не имею, почему он его повторяет. Хотя тут нет ничего удивительного: фирма, в которой он служит, международная.

Маколифф разозлился и даже не пытался скрыть этого.

— Я пока еще не понял, что тут у вас происходит, но запомните следующее: я — опытный полицейский и бывал в таких переделках, которые многим и не снились. Я поклялся честью, что в городе будет порядок. И я сдержу свое слово.

Таннер почувствовал, что происходящее начинает его утомлять.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь, капитан, — устало произнес он. — Я уверен, что вы всегда держите свое слово... — Он повернулся и вошел в дом.

Теперь удивляться пришлось Маколиффу. Подозреваемый преспокойно удаляется, а шеф полиции Сэддл-Вэлли ничего не может поделать.

Стоя в дверях парадного, Таннер проводил взглядом машину Маколиффа. Небо чуть посветлело, но солнца по-прежнему не было видно. Кое-где плыли низкие облака. Возможно, будет дождь, но позже — не сейчас. Впрочем, это не важно. Теперь ему все равно. Все кончилось. Для него, Таннера, все уже кончилось. Он разрывает контракт. Договор между Джоном Таннером и Лоренсом Фоссетом аннулируется.

Гарантии Фоссета оказались липой. Агентура «Омеги» не ограничивается Тримейнами, Кардоунами и Остерманами. В ее состав входит кто-то еще.

Таннер мог играть отведенную ему роль, когда действующими лицами спектакля были люди, которых он знал. Но все оказалось иначе. Появился некто, который может запросто остановить машину на городской улице в ранний час и отравить пассажиров. Притом, что особенно странно, жертвами стали вроде бы сообщники неизвестного. Такой поворот событий Таннера не устраивал.

* * *

Таннеру пришлось ждать до полудня, прежде чем он сумел выйти из дома незамеченным и направиться к роще, туда, где находились люди Фоссета. Остерманы решили вздремнуть перед ленчем, и он предложил

сделать то же самое Элис. Все были измотаны. Дети смотрели в кабинете утреннюю программу мультфильмов.

Он неторопливо обошел вокруг бассейна, небрежно помахивая клюшкой для гольфа и делая вид, что отрабатывает удар. На самом деле он внимательно осматривал окна дома: спальни детей на втором этаже — никого, ванная комната — никого...

Он приблизился к опушке рощи и закурил сигарету.

Ни единого звука, ни единого шороха не доносилось из-за стволов деревьев. Таннер тихо заговорил:

— Мне нужно встретиться с Фоссетом. Прошу вас, ответьте... Это чрезвычайно важно.

Произнося эти слова, он сделал сильный взмах клюшкой.

— Я повторяю! Я должен срочно встретиться с Фоссетом! Отзовитесь хоть кто-нибудь! Где вы?

Тишина!

Таннер обернулся, по инерции сделал еще одно движение клюшкой и двинулся в рощу. Убедившись, что за деревьями его не видно от дома, он, бешено работая локтями, рванулся через кустарник к тому место, где встретил Дженкинса. Никого!

Он двинулся дальше — натыкаясь на коряги, заглядывая под кусты, пока не дошел до дороги.

Никого! Никто не охранял его дом!

Никого! Люди Фоссета ушли!

Он побежал назад вдоль дороги, еще раз обогнул рощу, с тревогой поглядывая на показавшиеся впереди окна его дома.

Фоссет солгал — в роще не было ни души.

Таннер быстро вошел во двор, пересек лужайку и открыл дверь на кухню. Подойдя к раковине, открыл кран холодной воды, подставил под нее ладонь и плеснул себе в лицо, пытаясь успокоиться.

Его жену и детей никто не охраняет!

Он выключил воду, потом, подумав, оставил ее течь тонкой струей, чтобы заглушить звук своих шагов, и вышел в холл. Из кабинета доносился смех детей, смотревших телевизор. Поднявшись наверх, он осторожно приоткрыл дверь своей спальни. Элис лежала на

неразобранной постели. Ее халат валялся на полу, ночная рубашка чуть задралась. Она глубоко дышала во сне.

Таннер тихо подошел к комнате для гостей — оттуда не доносилось ни звука.

Он снова вернулся на кухню, закрыл за собой дверь и проверил, заперта ли смежная кладовка.

Только теперь он подошел к телефону, висящему на стене в кухне, и снял трубку. Он не стал набирать номер.

— Фоссет! Если вы или кто-нибудь из ваших людей прослушиваете эту линию, дайте мне знать. Сейчас же!

Таннер затаил дыхание, надеясь услышать хоть какой-нибудь треск в трубке. Из нее по-прежнему доносился лишь ровный гудок.

Он набрал номер мотеля.

— Комнату двадцать два, пожалуйста.

— Прошу прощения, сэр. Двадцать второй номер никем не занят.

— Не занят? Вы ошиблись! Я звонил туда в пять утра, и мне ответили!

— Сожалею, сэр, но они выехали. Не веря своим ушам, Таннер положил трубку. Нью-йоркский номер! Тот, что ему дали на случай непредвиденного поворота событий.

Он снова снял телефонную трубку. Руки его дрожали. После короткого гудка монотонный голос автоответчика сообщил:

— Набранный вами номер в настоящее время не используется. Пожалуйста, выясните в справочном, какой номер вам нужен. Повторяю. Набранный вами номер...

Джон Таннер обессилено закрыл глаза. Непостижимо! Он не может выйти на Фоссета!

Нужно сосредоточиться и подумать. Нужно придумать, как найти Фоссета. А он поверил, что его семья в безопасности! Фоссет, несмотря на свой опыт и на... как это он сказал — «самую лучшую технику крупнейшей корпорации в мире», допустил грубейшую ошибку.

Но исчезли и все его люди. Может быть, Фоссет убрал их намеренно. Но почему он не известил об этом Таннера? Джон вдруг вспомнил, что он еще не до конца исчерпал собственные возможности. В его телекомпании существовала своя система связи с правительственными учреждениями. Он набрал номер справочного в Коннектикуте и узнал

номер домашнего телефона Эндрю Харрисона, главы юридической службы «Стандарт мьючиал».

— Привет, Энди... Это Джон Таннер. — Он старался говорить как можно спокойнее. — Ради Бога, извини, что беспокою тебя в выходные, но только что позвонили из азиатского корпункта. У них там в Гонконге произошла странная история, и я должен кое-что выяснить... Сейчас мне не хотелось бы вдаваться в детали, я обо всем расскажу тебе в понедельник утром. Возможно, это очередная утка, нужно проверить... Да, думаю, лучше всего подойдет ЦРУ. Это по их части. Они нам уже не раз помогали... о'кей, я подожду.

Прижав трубку подбородком к груди, Таннер закурил. Вскоре Харрисон продиктовал ему номер.

— Это в Вирджинии?.. Большое спасибо, Эндрю. Увидимся утром, в понедельник.

Он нажал на рычаг и снова набрал номер.

— Центральное разведывательное управление. Офис мистера Эндрюса, — послышался в трубке мужской голос.

— Моя фамилия Таннер. Джон Таннер. Я — директор отдела информации телекомпании «Стандарт мьючиал» в Нью-Йорке.

— Слушаю, мистер Таннер. Вам нужен мистер Эндрюс?

— Да-да. Очень нужен.

— Сожалею, но его сегодня нет. Может быть, я смогу вам помочь?

— Собственно говоря, я пытаюсь связаться с Лоренсом Фоссетом...

— С кем?

— С Фоссетом. С Лоренсом Фоссетом. Он из вашего ведомства. Мне нужно срочно переговорить с ним. Вероятно, он сейчас находится где-то в районе Нью-Йорка.

— Он как-то связан с нашим отделением?

— Не знаю. Я только знаю, что он служит в Центральном разведывательном управлении. Я повторяю, дело не терпит отлагательства. Это вопрос жизни и смерти! — На лбу Таннера выступили капли пота. У него не было времени на пререкания с клерком.

— Хорошо, мистер Таннер. Я свяжусь с нашей справочной службой и постараюсь выяснить, где он сейчас находится. Я перезвоню вам.

Прошло более двух минут, прежде чем раздался звонок.

— Вы уверены, что не перепутали имя?

— Конечно уверен.

— Сожалею, но ни в нашей картотеке, ни в телефонном справочнике не зарегистрировано никого по фамилии Фоссет.

— Это невозможно! Я работаю с Фоссетом!.. Дайте мне переговорить с кем-нибудь из вашего начальства. — Таннер вспомнил слова Фоссета о том, что в детали операции по захвату «Омеги» посвящено ограниченное количество людей.

— Боюсь, что вы не совсем понимаете ситуацию, мистер Таннер. Это головной офис. Вы позвонили моему коллеге... подчиненному, если хотите. Моя фамилия Дуайт. Мистер Эндрюс докладывает о своей деятельности непосредственно мне.

— Мне все равно, кто кому докладывает. У меня срочное дело! Жизнь моей семьи под угрозой. Боюсь, вам придется связаться с кем-нибудь из вышестоящего начальства, с кем-нибудь с самого верха! Я не могу объяснить проще! Все! Делайте, что я сказал. Я подожду у телефона!

— Хорошо... Возможно, это займет некоторое время...

— Я подожду.

Прошло семь минут, показавшихся Таннеру вечностью. Наконец в трубке послышался голос Дуайта.

— Мистер Таннер. Я взял на себя смелость уточнить ваше собственное положение. Я полагаю, вы отвечаете за свои слова. И все же я вынужден повторить, что вас, очевидно, ввели в заблуждение. В Центральном разведывательном управлении нет сотрудника, которого зовут Лоренс Фоссет. И никогда не было.

* * *

Таннер повесил трубку и, чтобы не упасть, облокотился на Раковину. Затем, сильно оттолкнувшись, вышел во внутренний двор.

«Будет дождь, — механически отметил он, взглянув на небо. — Приближается июльская гроза».

Теперь Таннер окончательно убедился, что «Омега» существует. Всесильная «Омега», способная не только нейтрализовать Лоренса Фоссета, но и манипулировать действиями сотрудников главного разведывательного ведомства страны.

Таннер знал, что искать в данной ситуации Дженкинса не имело смысла. Тот же сам сказал ему сегодня утром в гостиной, когда Маколифф и Остерманы поднялись наверх: «Если вы сошлетесь на меня, я буду все отрицать...» Если они смогли заставить замолчать Фоссета, то вывести из игры Дженкинса не составит труда.

Теперь Таннеру было все равно. Этому безумию надо положить конец. Он должен спасти свою семью. Теперь воина ЦРУ с «Омегой» не его дело. Он будет думать только об Элис и детях.

Через окно Таннер заметил в кухне фигуру Остермана.

Очень вовремя! Сейчас он распрощается с «Омегой»!

И Таннер быстро зашагал к дому.

Лейла сидела за столом в кухне, а Берни, стоя у плиты, грел воду для кофе.

— Мы уезжаем, — сказал Берни. — Мы уложили вещи... я вызвал такси.

— Почему?

— Здесь происходит что-то странное, — сказала Лейла. — Это нас не касается. Мы не имеем к этому никакого отношения и не хотим иметь.

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. С вами обоими.

Берни и Лейла переглянулись.

— Начинай, — сказал Берни.

— Не здесь. Выйдем на улицу.

— Почему на улицу?

— Я не хочу, чтобы слышала Элис.

— Она спит.

— Все равно, лучше выйти на улицу.

Втроем они обогнули бассейн и вышли на лужайку за домом. Здесь Таннер остановился и сказал устало:

— Вам больше не нужно лгать и притворяться. Я выхожу из игры. Все это больше меня не касается. — Он помолчал и добавил: — Мне все известно об «Омеге».

— О чем? — переспросила Лейла.

— "Омега"... «Омега»! — Голос Таннера упал до хриплого шепота. — Теперь меня это не касается! И да поможет мне Бог! Теперь мне все равно!

— О чем ты говоришь? — Не сводя глаз с Таннера, Берни сделал шаг ему навстречу. — Что случилось?

— Ради всего святого, не делай этого! — Таннер испуганно отшатнулся.

— Чего не делать?

— Я же сказал тебе! Мне больше нет до этого дела. Мне все равно! Пожалуйста! Прошу тебя! Оставь в покое Элис и детей. Со мной можешь делать все, что угодно, но пощади их. Прошу тебя!

Лейла тоже сделала шаг к Таннеру и положила руку ему на плечо.

— Не впадай в истерику, Джонни! Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Таннер изумленно взглянул на ее руку и сморгнул слезу.

— Как ты можешь? Пожалуйста, прошу тебя, не нужно больше лгать. Я больше этого не вынесу!

— О какой лжи ты говоришь?

— Вы разве не знаете о банковских счетах в Швейцарии? В Цюрихе?

Лейла убрала руку. Остерманы переглянулись. Затем Берни заговорил:

— Да. Мы знаем о банковских счетах в Цюрихе. Мы сами являемся обладателями двух таких счетов. Лейла быстро взглянула на мужа.

— Где же вы взяли деньги?

— Мы неплохо зарабатываем... — осторожно ответил Берни. — Ты сам об этом знаешь. Если то, что тебя тревожит, как-то связано с деньгами, почему ты не позвонил моему финансовому агенту? Ты же знаешь Эда Маркума. Надежнее и... честнее его не сыщешь во всей Калифорнии.

Таннер опешил. Легкость ответа Остермана удивила его. Все оказалось так просто!

— А Кардоуны и Тримейны? У них тоже есть счета в Цюрихе?

— Вполне возможно. Как и у половины всех моих знакомых на побережье.

— А у них откуда деньги?

— Почему ты сам не спросишь их об этом? — слегка пожав плечами, тихо сказал Остерман.

— Ты знаешь почему.

— Джон, не глупи! — вмешалась в разговор Лейла. — И Дик и Джо — вполне преуспевающие люди. Особенно Джо. Я полагаю, нам и не снились его доходы.

— Но почему Цюрих? Зачем вам понадобился именно Цюрих?

— Чтобы иметь большую степень свободы... — уклончиво ответил Берни.

— Вот! Вот именно! Об этом ты говорил мне вчера ночью... «Что ты хочешь больше всего на свете?» Говорил же?

— Я не отрицаю. В Цюрихе действительно больше возможностей приумножить свой капитал.

— С помощью «Омеги»! Через нее вы получаете свои деньги? Через нее, да?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — уже с тревогой произнес Берни.

— Дик и Джо... Они работают на «Омегу»! И ты тоже! «Складка кожи»... Вы поставляете информацию в Цюрих и получаете за это деньги!

Лейла схватила мужа за руку.

— Телефонный звонок, Берни! И записка!

— Подожди, пожалуйста, Лейла... Слушай, Джонни. Клянусь тебе, я представления не имею, о чем ты говоришь. Вчера вечером я предложил тебе помощь и ничего более. Появилась возможность выгодно вложить капитал. Я предлагал тебе деньги, чтобы ты тоже мог вложить их. Вот и все.

— Ты предлагал мне деньги не за информацию? Не за информацию для «Омеги»?

Лейла вцепилась в руку мужа. Он ответил ей быстрым взглядом, молча приказав успокоиться. Затем он снова повернулся к Таннеру.

— Я не думаю, что ты знаешь что-то такое, что представляет для меня интерес. И я не знаю ни о какой «Омеге». Я представления не имею, что это такое.

— Джо знает! И Дик! Они говорили с Элис и со мной! Они угрожали нам!

— Я не имею к этому никакого отношения. Ни я, ни Лейла.

— О Боже, Берни, происходит что-то ужасное... — не выдержав, воскликнула Лейла.

Муж повернулся к ней и мягко взял ее за руку.

— Что бы ни случилось, мы в этом никак не замешаны... Может быть, ты все-таки объяснишь нам, в чем дело? — Он посмотрел на Таннера. — Может быть, мы сможем тебе помочь?

Таннер не сводил с них глаз. Они стояли рядом, взявшись за руки. Он очень хотел им верить. Ему очень нужны были союзники. И он сдался.

Он рассказал им все с самого начала.

Когда он закончил, они несколько минут молча смотрели на него. Начал накрапывать мелкий дождь, но никто его не замечал. Наконец Берни заговорил:

— И ты решил, что я... — Он недоверчиво покачал головой. — Бред какой-то!

— К сожалению, это реальность. Я имел возможность в этом убедиться.

— Ты говоришь, что Элис ничего не знает?

— Мне запретили рассказывать ей.

— Кто запретил? Человек, которому ты теперь не можешь даже дозвониться? Мошенник из Вашингтона, который исчез, напичкав тебя тоннами лжи?

— Здесь был убит человек! Мою семью тоже могли убить в среду днем. Кардоунов и Тримейнов отравили прошлой ночью.

Остерман посмотрел на жену, затем снова перевел взгляд на Таннера.

— Если их действительно отравили... — задумчиво произнес он.

— Ты должен обо всем рассказать Элис. — Голос Лейлы звучал твердо и сурово. — Ты не имеешь больше права скрывать это от нее.

— Да, я понимаю. Я рассажу.

— А потом нам всем нужно выбираться отсюда, — сказал Остерман.

— Куда?

— В Вашингтон. У нас там есть друзья. Один или два сенатора и пара конгрессменов.

— Берни прав. В Вашингтоне вы будете в безопасности.

Дождь усилился.

— Пойдемте в дом, — предложила Лейла, мягко взяв Таннера за плечо.

— Подождите! Мы не сможем там говорить. В доме все прослушивается.

Берни и Лейла вздрогнули как от пощечины.

— Везде? — спросил Берни.

— Я не уверен... Я больше уже ни в чем не уверен.

— Тогда мы не будем говорить об этом в доме. Или можно включить радио погромче и шептать.

Лицо Таннера посветлело. Слава Богу! Он с благодарностью смотрел на своих друзей. Неужели безумие кончится, и они снова вернутся к нормальной жизни?

* * *

Меньше чем через час разразилась гроза. По радио передавали тревожный прогноз — сильный шквалистый ветер по всему побережью до Род-Айленда. Элис проснулась с первым ударом грома, и Джон сказал ей — точнее, прошептал на ухо, включив на полную мощность радиоприемник, — что им нужно уехать вместе с Берни и Лейлой. Он крепко прижимал ее к себе и просил не задавать вопросов, а довериться ему.

Детей перенесли в гостиную, телевизор передвинули к камину. Элис уложила два чемодана и поставила их у двери гаража. Лейла варила яйца, заворачивала морковь и зелень: Берни сказал, что час или два им придется ехать не останавливаясь.

Таннер смотрел на эти поспешные приготовления, а память уносила его на четверть века назад.

Эвакуация.

В половине третьего раздался телефонный звонок. Тримейн, ссылаясь на ночные события на Лесситер-роуд, сказал, что они с Джинни не смогут приехать к ужину. Это был второй вечер «уик-энда Остермана».

— Ты должен сейчас же объяснить мне, что происходит! — потребовала Элис. Она попыталась убавить звук включенного на полную громкость приемника, но он задержал ее руку и притянул ее к себе.

— Поверь мне. Пожалуйста, прошу тебя, доверься мне, — горячо зашептал он. — Я все объясню в машине.

— В машине? — Глаза Элис испуганно расширились, и она инстинктивно прикрыла рот ладонью. — Господи! Так значит... выходит, здесь нельзя разговаривать?

— Доверься мне, — повторил Таннер.

Он вышел на кухню и, указав рукой в сторону двери, предложил Берни:

— Пойдем проветримся.

Они отправились за чемоданами. Когда Таннер и Остерман вернулись, Лейла стояла у окна, глядя во двор.

— Похоже, начинается настоящий ураган...

Опять зазвонил телефон.

«Теперь очередь Джо», — подумал Таннер.

Кардоун орал, что убьет, что раздавит того негодяя, который отравил их. Однако чувствовалось, что и он ошеломлен и подавлен.

Его наручные часы стоят не меньше восьмисот долларов, но их не взяли, говорил Кардоун. В бумажнике у него лежала пара сотен наличными, но и эти деньги не тронули...

— В полиции говорят, что у Дика похитили какие-то бумаги. Кажется, что-то связанное с Цюрихом... Швейцарией.

Кардоун шумно выдохнул и замолчал. Когда он снова заговорил, его голос в трубке был едва слышен.

— Я тут ни при чем...

Затем он быстро, будто оправдываясь, стал говорить Таннеру о том, что ему звонили из Филадельфии и сообщили, что с отцом внезапно стало плохо. Обещали позвонить еще, поэтому им с Бетти придется сегодня остаться дома. Возможно, они смогут увидеться завтра.

Таннер повесил трубку.

— Эй! — Лейла смотрела на что-то во дворе. — Взгляните-ка на эти зонты. Их сейчас унесет.

Таннер выглянул в окно. На лужайке, над садовыми столиками, стояли два больших солнцезащитных зонта. Их металлические ребра сгибались, материя готова была лопнуть под мощными порывами ветра. Таннер понимал, что если он не уберет зонты, то это будет выглядеть подозрительно.

— Я сейчас сложу их. Это займет не больше двух минут.

— Тебе помочь?

— Не стоит мокнуть двоим...

— Твой плащ в шкафу в прихожей.

Прикрывая лицо от дождя ладонями, Таннер с трудом продвигался к дальнему столу — ветер сбивал его с ног. Наконец он нырнул под зонт и потянулся к металлической застежке.

Из-за шума дождя Таннер не слышал выстрела. Пуля чиркнула по металлической поверхности стола и, отлетев рикошетом, больно обожгла его руку... Осколки цемента от основания стола брызнули у его ног. Еще один выстрел и еще — теперь с другой стороны.

Таннер бросился под стол и, скорчившись, откатился подальше.

Выстрелы следовали один за другим. Пули ложились рядом с ним, откалывая небольшие кусочки металла и камня.

Он пополз было к дому, но, увидев вздымавшиеся тут и там фонтанчики жидкой грязи, передумал.

* * *

Лужайка простреливалась!

Джон дотянулся до скамейки и вцепился в нее мертвой хваткой, словно она могла защитить его от пуль...

— Отпусти! Черт побери! Отпусти же!

Остерман тянул его прочь, но Джон судорожно цеплялся за скамейку. Берни ударил Таннера по лицу, чтобы привести его в чувство. Наконец ему удалось оторвать Джона от скамьи, и, спотыкаясь, они побежали к дому.

Пули ударили по деревянному косяку.

— Отойди! Отойди от двери! — закричал Берни. Но его жена не послушалась команды. Лейла широко распахнула дверь. Берни Остерман втолкнул туда Таннера и сам быстро вбежал следом. Лейла захлопнула за ними дверь.

Стрельба прекратилась.

* * *

Таннер сел на пол, прислонившись спиной к стене. Элис бросилась к мужу и склонилась над ним, взяв в ладони его лицо. Увидев кровь на его руках, она побледнела.

— Ты ранен? — воскликнул Берни.

— Нет... нет, я в порядке.

— Какое там в порядке! О Господи! Посмотри на свои руки!

Элис пыталась ладонью стереть кровь.

— Лейла, принеси что-нибудь из спиртного! — скомандовал Берни. — Элис, у тебя есть йод?

Элис не ответила. По ее щекам текли слезы. Лейла схватила ее за плечи и сильно встряхнула.

— Перестань! Успокойся, Эли! Где у тебя бинты, йод? Джонни нужно перевязать.

— В шкафу... в кладовке. — Она не двинулась с места, боясь отойти от мужа.

Лейла бросилась в кладовку. Берни осмотрел раны на руках Таннера.

— Ничего серьезного. Просто несколько глубоких царапин. Не думаю, что там мог застрять осколок...

Джон поднял глаза на Остермана, презирая себя за недавнюю слабость.

— Ты спас мне жизнь... Я не знаю, что говорить...

— Поцелуй меня за это в мой следующий день рождения...

Остерман возбужденно давал указания женщинам:

— Молодец, Лейла. Давай все это мне. — Остерман взял из рук жены аптечку. — Элис, звони в полицию! Постарайся не приближаться к окнам... Вызывай сюда этого толстого мясника, которого вы зовете капитаном.

Элис неохотно отошла от мужа и, низко пригнувшись, проползла мимо раковины у окна. Добравшись до стены, на которой висел телефон, она сняла трубку.

— Он отключен.

Лейла охнула. Берни рванулся к Элис, на ходу выхватив телефонную трубку из ее рук.

— Действительно...

Джон поднялся, опираясь руками о стену. Прекрасно, рана чепуховая, он может двигаться.

— Давайте-ка прикинем, что мы имеем, — поморщившись, медленно произнес он.

— О чем ты? — спросил Берни.

— Эли, Лейла, вы... сядьте на пол. Берни, выключатель — рядом с телефоном. Иди туда и, когда я досчитаю до трех, включай свет.

— Что ты задумал?

— Делай, что я тебе говорю, — оборвал его Таннер. Он перебрался к кухонной двери и застыл у бара, там, где его не было видно с улицы. Все замолчали. Были слышны лишь порывы ветра за окном, шум дождя и частые раскаты грома.

— Готов? Я начинаю считать.

— Джонни, дорогой! — Элис рванулась было к мужу, но Остерман схватил ее за плечи и заставил вернуться на место.

— Тебе это знакомо, Берни, — сказал Таннер. — Полевой устав. Раздел: ночное патрулирование. Шансы — тысяча к одному в мою пользу.

— Не помню, когда я читал такие книги.

— Начали!.. Раз, два, три!

Остерман нажал на выключатель — вспыхнул свет. Таннер бросился в сторону кладовки.

Прозвучал выстрел.

Послышался звон разбитого стекла. Пуля врезалась в стену, взметнув осколки отбитого пластика. Остерман выключил свет.

Лежа на полу, Джон Таннер закрыл глаза и едва слышно произнес:

— Вот, значит, как... Выходит, микрофоны — ложь... Все ложь.

— Стойте! Остановитесь! — раздался пронзительный крик Лейлы, и, прежде чем Таннер успел что-то понять, она ринулась через кухню к двери, ведущей в холл. За ней бросилась Эли. На пороге стояли растерянные Рей и Дженет.

Они не слышали выстрелов на улице. Шум дождя, раскаты грома и работающий телевизор заглушили их. Но они услышали звон разбитого стекла и пришли посмотреть, что случилось. Теперь обе женщины поспешили заслонить собой детей.

— Эли, отведи их в столовую! И не вставайте с пола! — скомандовал Таннер. — Берни, у тебя есть пистолет?

— Нет. И никогда не было.

— У меня тоже. Смешно, да? Я всегда осуждал тех, кто хранит в доме оружие. Идиот.

— Что мы будем делать? — спросила Лейла, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Надо выбираться отсюда, — ответил Таннер. — Стреляют из рощи... Они не знают, есть ли у нас оружие. Мне кажется, что они не станут стрелять со стороны парадного: на нашей улице довольно оживленное движение. Мы все сядем в фургон и уедем отсюда.

— Я открою ворота, — предложил Остерман.

— Ты сегодня уже раз был героем, теперь моя очередь. Если мы правильно рассчитаем время, то все будет в порядке. Ворота поднимаются быстро.

Они осторожно пробрались в гараж. Дети улеглись в задней части автомобиля между чемоданами. Им пришлось потесниться, зато они были надежно защищены. Лейла и Элис присели на корточки, спрятавшись за сиденьем водителя. Остерман сел за руль, а Таннер встал у ворот.

— Давай! Заводи!

Он подождет, пока мотор заработает на полную мощность, потом быстро поднимет ворота и прыгнет в фургон. Препятствий на пути не будет. Фургон легко пройдет мимо маленького «триумфа», потом они развернутся и двинутся к шоссе.

— Давай, Берни! Заводи скорее!

Но Остерман распахнул дверцу и вышел из машины. Он посмотрел на Таннера.

— Мотор не работает.

* * *

Таннер попробовал завести «триумф». Безрезультатно. Остерман откинул капот фургона и окликнул Джона. Тот чиркнул спичкой, и они склонились над мотором.

Все провода были обрезаны.

— Дверь в гараж открывается снаружи?

— Да, если не запирать изнутри.

— А она была заперта?

— Нет.

— Мы бы услышали, если бы ее открыли?

— В такой дождь вряд ли.

— Тогда, может быть, здесь кто-то есть... — прошептал Остерман.

Мужчины переглянулись и одновременно посмотрели в сторону маленькой душевой — единственного места в гараже, где можно было спрятаться. Дверь в нее была закрыта.

Элис, Лейла и дети ушли назад в дом. Берни и Джон огляделись в поисках чего-нибудь, что могло бы служить оружием. Таннер взял заржавленный топорик. Остерман вооружился садовыми вилами. Они приблизились к двери.

По знаку Таннера Берни сильно толкнул дверь. Таннер бросился вперед, выставив перед собой топорик.

В душевой никого не было. Они облегченно вздохнули, но тут же увидели на стене неровно нарисованную черной краской греческую букву Омега.

* * *

Таннер приказал всем перебраться в подвал. Элис и Лейла, спускаясь с детьми по лестнице, неумело пытались представить им происходящее увлекательной игрой. Таннер остановил Остермана.

— Давай заблокируем входную дверь. Поставим что-нибудь тяжелое... о'кей?

— Ты думаешь, дело зашло так далеко?

— Я не хочу испытывать судьбу.

Стараясь, чтобы их не было видно через окна, они подтащили к двери три тяжелых кресла; поставили одно на другое, а третье, перевернув, придвинули к ним вплотную. Затем они тщательно проверили запоры на окнах.

Таннер взял на кухне фонарик и сунул его в карман. Вдвоем они перенесли кухонный стол, забаррикадировав им дверь, ведущую во двор. Таннер пододвинул Остерману алюминиевые стулья, и тот уложил их под столом; ножку одного из стульев просунули в дверную ручку.

— Теперь мы в ловушке, — покачал головой Берни. — Ты запираешь нас. А нам нужно думать сейчас о том, как побыстрее выбраться отсюда.

— А ты знаешь, как это сделать?

В сумерках Остерман не видел лица Таннера. Однако от него не укрылось отчаяние, прозвучавшее в голосе Джона.

— Нет... не знаю. Но мы должны что-то придумать!

— Согласен! А пока нужно принять меры предосторожности... мы не знаем, сколько их там, в роще, и где они прячутся.

— Тогда давай поскорее закончим с этим. Остался еще гараж. Пойдем.

Ворота гаража и дверь, ведущая на улицу, были заперты, но на всякий случай они просунули ножку последнего кухонного стула в дверную ручку.

— Теперь все, — удовлетворенно произнес Таннер.

В холле они забрали вилы и топор, последний раз оглянулись и спустились в подвал.

Шум проливного дождя был слышен и здесь. Тяжелые капли били в небольшие квадратные оконца, которые выходили на улицу на уровне земли. Частые вспышки молний освещали серые бетонные стены.

Таннер первым нарушил молчание.

— Здесь, внутри, сухо. Мы в безопасности. Те же, кто сейчас в роще, уже промокли и продрогли. Они не смогут остаться там до утра... Сегодня суббота. Дороги патрулируют усиленные наряды полиции. Они заметят, что в окнах нет света, и заедут выяснить, в чем дело.

— Не думаю... — пожала плечами Элис. — Они просто решат, что мы ушли в гости...

— После вчерашнего — вряд ли. Если я правильно понял Маколиффа, его люди будут следить за нашим домом. Конечно, с патрульной машины не видно, что делается во дворе, но... Смотри. — Таннер подвел жену к окошку, выходившему на улицу, со стороны проезжей части, как раз на уровне тротуара. По стеклу текли дождевые струи, и мостовая почти не просматривалась. Даже уличный фонарь на Орчед-Драйв был едва различим.

Таннер вынул из кармана фонарик и подозвал Остермана.

— Я думаю, что Маколифф распорядится вести особое наблюдение за домом. Он не захочет дальнейших неприятностей. Будем по очереди дежурить у окна, чтобы не проглядеть патрульную машину. Как только она появится, будем сигналить фонариком. Они обязательно заметят и остановятся.

— Прекрасно! — оживился Берни. — Замечательная идея! Почему ты не сказал мне об этом наверху?

— Я не был уверен... Забавно, но я не смог вспомнить, видно ли из этого окна дорогу. Я сто раз убирал этот подвал, но никогда не обращал на это внимания... — Джон, улыбнувшись, пожал плечами.

— Ну вот, выход и найден, — с наигранной бодростью воскликнула Лейла, стараясь, чтобы уверенность Джона передалась остальным.

— Эли, ты будешь дежурить первая. Пятнадцать минут. Потом тебя сменят. Мы с Берни будем пока следить за другими окнами. Лейла, посиди, пожалуйста, с Дженет, ладно?

— А что мне делать, пап? — негромко спросил Реймонд. Таннер ласково посмотрел на сына.

— Стой у окна с мамой. Это будет твой ответственный пост. Смотри, не появится ли патрульная машина.

Таннер и Остерман следили за двумя окнами, выходившими во двор, и одним в торце дома. Через пятнадцать минут Лейла сменила Элис. Элис нашла старое одеяло и, свернув его в несколько раз, уложила на него Дженет. Реймонд остался у окна с Лейлой. Он внимательно всматривался в темноту, время от времени проводя ладонью по стеклу, будто так можно было очистить его от дождевых струй снаружи.

Все молчали. Дождь и ветер, казалось, еще более усилились. Настала очередь Берни дежурить у окна. Он взял у жены фонарь и на несколько мгновений прижал Лейлу к себе.

Потом на пост заступил Таннер, а через пятнадцать минут его снова сменила Элис. Хотя никто не говорил об этом вслух, они начинали терять надежду. Если Маколифф приказал патрульным обратить особое внимание на дом Таннера, то было непонятно, почему в течение часа мимо не проехала ни одна полицейская машина.

— Вот она! Вот она, папа! Видишь красный огонек? Таннер, Берни и Лейла бросились к окну, у которого стояли Элис и Реймонд. Элис мигала фонариком. Патрульная машина замедлила ход. Она едва двигалась и все же не останавливалась.

— Дай мне фонарь!

Таннер включил фонарь и, поднеся вплотную к стеклу, держал до тех пор, пока отчетливо не различил за темной стеной ливня белый силуэт полицейской машины. Тогда он начал водить фонарем — вверх-вниз, вверх-вниз.

Мысль его лихорадочно работала.

Тот, кто сидит за рулем, не может не заметить сигнала. Луч от фонаря падает прямо на ветровое стекло. Он должен слепить глаза водителю...

Однако патрульная машина так и не остановилась. Вскоре она скрылась за поворотом шоссе.

Таннер, потушив фонарь, застыл на месте, боясь повернуться и увидеть разочарованные лица.

— Мне это не нравится… — едва слышно произнес Берни.

— Он видел сигнал! Он не мог его не видеть! — Элис держала сына за плечи. Рей по-прежнему не отводил глаз от окна.

— Вовсе не обязательно, — солгал Джон Таннер. — На улице ливень. Возможно, стекло машины запотело так же, как наше. Может быть, даже больше. Окна автомобилей быстро запотевают… Он скоро снова приедет. В следующий раз мы поступим по-другому. Я выбегу ему навстречу…

— Каким образом? — тихо спросил Берни. — Тебе ни за что не успеть вовремя. Мы же забаррикадировали парадную дверь.

— Я выберусь через это окно. — Таннер прикинул, сумеет ли он это сделать. Наверное, нет. Окно слишком мало.

— Я могу пролезть здесь, папа.

Реймонд был прав. Хорошо было бы прибегнуть к его помощи.

Но Таннер знал, что никогда не пошлет сына. Просто не сможет этого сделать — слишком велик риск.

Тот, кто сидел в патрульной машине, видел, как сигналили из подвала. Видел — и не остановился…

— Пойдем снова к окнам, — кивнул он Берни. — Лейла, оставайся здесь, следи за дорогой. Эли, взгляни на Дженет. Она, по-моему, уснула.

Таннер знал, что нужно каждому дать задание, пусть чисто формальное. Иначе все начнут строить собственные догадки, постепенно их охватит паника.

Раздался оглушительный раскат грома. Яркая вспышка молнии осветила подвал.

— Джонни! — окликнул Таннера Остерман. — Иди-ка сюда. Посмотри.

Джон поспешно встал рядом с Остерманом у окна. Сквозь сплошную серую стену ливня он разглядел вдалеке слабый луч света. Он приближался к бассейну со стороны рощи. Луч неровно прыгал, похоже, кто-то с фонарем в руках пробирался к их дому. Действительно, следующая вспышка молнии осветила человеческую фигуру.

— Он боится в темноте упасть в бассейн, — прошептал Берни.

— Что там? — тихо, чтобы не разбудить спящую Дженет, спросила Элис.

— Кто-то приближается к дому, — ответил Таннер. — Всем сохранять спокойствие. Не разговаривать. Это, может быть, э… Это, может быть, полиция.

— Или тот, кто стрелял в нас! О Господи! — воскликнула Элис.

— Тс-с! Ни слова! Лейла, Рей, отойдите от окна! Быстро!

Реймонд и Лейла устроились возле Элис и Дженет. Берни продолжал вести наблюдение.

— Он огибает бассейн. Теперь его хорошо видно.

Мужчины прижались к стене по бокам от окна. Неизвестный был одет в широкую непромокаемую накидку с капюшоном. Приблизившись к дому, он потушил фонарь.

Через секунду пленники услышали, как он дергает кухонную дверь. Затем до них донеслись звуки ударов. Потом все стихло, лишь дождь застучал с новой силой. Человек прекратил попытки проникнуть в дом через кухню. Таннер увидел со своего места, как луч от фонаря снова запрыгал по траве. Затем он пропал за углом дома у гаража.

— Берни! — негромко окликнула Лейла. — Смотри сюда. Через боковое окно стал виден луч еще одного фонарика.

Хотя он находился еще довольно далеко, луч был ярким и быстро приближался — видимо, тот, кто держал его, бежал прямо к дому...

Внезапно фонарик погас. Таннер и Остерман перебрались к боковому окну и, встав по сторонам, осторожно выглянули наружу. Но никого не увидели, ни одной живой души, лишь косые струи дождя...

И тут наверху раздался сильный грохот. Потом еще и еще. Затем послышался треск ломающегося дерева. Таннер кинулся к лестнице и запер подвальную дверь. Она была слишком тонка: хороший удар ногой — и она тут же слетит с петель. Он поднял топор, готовый ударить всякого, кто попробует спуститься по лестнице.

Из дома не доносилось больше никаких звуков. И вдруг Элис Таннер пронзительно закричала. Чья-то огромная ладонь снаружи протирала окно. Мощный луч прорезал темноту подвала. Кто-то присел на корточки и заглянул в окно. Лицо незнакомца было скрыто низко надвинутым капюшоном.

Таннер бросился к жене и дочери и, подхватив спящего ребенка, прокричал:

— Отойдите! Отойдите все к стене!

Послышался звон разбитого стекла. От сильного удара сапогом осколки разлетелись в разные стороны. Через разбитое окно внутрь подвала хлестал дождь. Шесть пленников замерли, прижавшись к передней стене подвала, пока луч фонаря скользил по полу и по противоположной

стене. В оконном проеме показался ствол автомата. Все, кто находился в подвале, еще плотнее прижались к стене. Раздалась короткая очередь. Пули ударили по полу и задней стене подвала. Тишина.

В воздухе кружилась бетонная пыль. В полосе света мощного фонарика она напоминала клубы дыма...

* * *

Последовала еще одна очередь, и вновь пауза.

Как бывший пехотинец, Таннер сразу понял, что стрелявший меняет магазин.

Внезапно снова раздался звон разбитого стекла, и в окне прямо напротив них показалось еще одно дуло автомата. Теперь луч фонаря бил прямо им в лица. Таннер увидел, как Элис крепче обняла дочь, закрывая ее своим телом, и его охватила ярость.

Он бросился к окну, целясь топориком в сидящего на корточках человека. Незнакомец отскочил: пули ударили в потолок над головой Таннера. Луч фонаря из противоположного окна поймал его.

«Вот и все! — обреченно подумал Таннер. — Теперь все кончено!»

Но в этот момент Берни сильно ударил вилами по стволу автомата, и пули снова прошли мимо. Джон полз назад к жене и детям.

— Идите туда! — прокричал он, толкая их к другой стене подвала — ближе к гаражу. Дженет громко плакала.

Берни схватил за руку Лейлу и потащил ее в угол подвала. Лучи двух фонарей лихорадочно шарили по полу и стенам. Стрельба не прекращалась, в воздухе пахло бетонной пылью, стало трудно дышать.

Неожиданно свет в окне, выходящем во двор, исчез. Видимо, стрелок решил изменить позицию. Сильный удар стволом — на пол посыпались осколки стекла. Широкий луч света ослепил их. Таннер толкнул жену и детей в дальний угол под лестницей. Раздалась очередь. Пули врезались в стену вокруг них.

— Перекрестный огонь! Сволочи! — Таннер пришел в ярость, теперь его ничто не остановит! Он сжал в руке топорик и рванулся вперед, не обращая внимания на стрельбу.

Он достиг бокового окна и по диагонали метнул в него топорик. Раздался дикий вопль, и в оконный проем брызнул алый фонтан. Лицо и руки Таннера забрызгало кровью.

Второй стрелок пытался достать Таннера. Безуспешно — пули ударялись в пол.

Схватив вилы наперевес, Остерман бросился к стрелявшему и метнул их, точно копье, в оконный проем.

Послышался сдавленный крик, и стрельба прекратилась.

Таннер прислонился к стене у бокового окна. При свете молний ему было видно, как по бетонной стене стекает кровь. Удивительно, что он еще жив.

Он повернулся и шагнул к жене и детям. Элис держала на руках все еще плачущую Дженет. Реймонд стоял отвернувшись к стене. Тело его сотрясали беззвучные рыдания.

— Лейла! Господи, Лейла! — Голос Берни сорвался. — Лейла, где ты?

— Я здесь, — негромко отозвалась Лейла. — Со мной все в порядке, дорогой...

Таннер увидел, что Лейла стоит прислонившись к передней стене. Она не послушалась его команды и не ушла оттуда.

И вдруг Таннер заметил нечто, поразившее его и без того истерзанный рассудок. На платье Лейлы была большая флюоресцирующая брошь — одно из тех модных женских украшении, которые недавно стали продавать в ювелирных киосках. Он не обращал на нее внимания раньше, теперь же ясно увидел — брошь светилась в сумраке подвала.

Прекрасная мишень даже в полной темноте.

Очередная вспышка молнии осветила стену, у которой стояла Лейла. Таннер похолодел: на стене не было следов пуль.

Таннер одной рукой прижал к себе жену и Дженет, а другой нежно погладил по голове сына. Берни бросился к Лейле и обнял ее. Сквозь шум дождя и ветра послышалось завывание полицейской сирены.

Все шестеро стояли на месте, не в силах пошевелиться. Через несколько минут они услышали громкие голоса и стук в дверь.

— Таннер! Таннер! Откройте! Отоприте дверь!

Джон отпустил жену и сына и, пошатываясь, подошел к окну.

— Мы здесь. Мы здесь, негодяи... Мерзавцы! Мы здесь...

* * *

Таннер и раньше видел двух этих полицейских на улицах города, но не знал их имен. Оба поступили на службу меньше года назад и были моложе Дженкинса и Макдермотта.

Едва поднявшись наверх, в холл, Таннер сразу же бросился в атаку. Схватив первого полицейского за грудки, он с силой толкнул его к стене. На форменной куртке полицейского от его рук остались кровавые отпечатки. Второй полицейский бросился по лестнице вниз, в подвал, за остальными пленниками.

— Что вы делаете? Отпустите, ради Бога! — опешив, воскликнул первый полицейский. Он не понимал, что происходит.

— Ты, подлый негодяй! Сукин сын! Нас едва... нас всех тут могли убить! Всех! Мою жену! Детей! Почему вы это сделали? Отвечай!.. Говори сейчас же, мерзавец!

— Черт возьми, да отпустите же меня! Что мы сделали? Что я должен говорить?

— Полчаса назад вы проехали мимо дома! Вы видели сигнал из окон подвала и не остановились! Вы проехали мимо!

— Вы с ума сошли! Мы с Ронни были на другом конце города. Нам приказали выехать сюда лишь пять минут назад. Какие-то Скэнлены сообщили, что слышали тут выстрелы...

— Кто дежурит во второй машине? Я хочу знать, кто во второй?!

— Если вы наконец отпустите меня, я схожу за маршрутной картой. Я не помню, кто там сейчас, но знаю, где они. На Эппл-Плейс. Там ограбление.

— На Эппл-Плене живут Кардоуны!

— Нет, не у Кардоунов. Ограбили Нидхэмов. Пожилую супружескую пару.

В холл по лестнице поднималась Элис, держа на руках Дженет. Девочка всхлипывала и сильно дрожала. Элис тихо плакала, прижимая дочь к себе.

За ними поднимался Реймонд. На его перепачканном пылью лице были видны следы слез. Берни с Лейлой шли следом. Остерман крепко держал жену, казалось, он больше никогда не отпустит ее от себя ни на шаг.

Последним двигался полицейский. Лицо его выражало ужас.

— Пресвятая Богородица... — хрипло прошептал он. — Там, внизу, была настоящая бойня. Разрази меня гром, если я понимаю, как они уцелели в этом аду.

Его помощник озадаченно нахмурился.

— Звони Маколиффу. Пусть едет сюда.

— Телефон не работает, — остановил его Таннер, устраивая Элис и Дженет на кушетке.

— Я передам по рации. — Полицейский, которого, как оказалось, звали Ронни, направился к выходу. — Шеф ни за что не поверит, — пробормотал он, качая головой.

Второй полицейский подал стул Лейле. Она обессилено опустилась на него и впервые за день громко разрыдалась. Берни склонился над женой, ласково, гладя ее по голове. Реймонд присел на полу у ног отца и матери. Он был до того напуган, что даже не плакал, а лишь расширенными от ужаса глазами смотрел на отца.

Полицейский направился к лестнице, ведущей в подвал. Всем было ясно, что он хочет спуститься вниз не столько из любопытства, сколько оттого, что сейчас в гостиной он чувствовал себя лишним.

Входная дверь отворилась, и появился Ронни.

— Я доложил шефу. Он принял сообщение в машине. Господи, если бы ты его слышал? Он едет сюда.

— Когда он будет здесь? — спросил с дивана Таннер.

— Я думаю, скоро, сэр. Он живет в восьми милях от города. Правда, дорога плохая, но судя по тому, как он со мной говорил, он примчится быстрее ветра.

— Я оставляю десяток полицейских во дворе и двоих в доме. Один будет дежурить наверху, второй внизу, в холле. Не знаю, что я еще могу сделать.

Маколифф стоял с Таннером в подвале. Остальные были наверху. Таннер выразил желание поговорить с шефом полиции наедине. Он был настроен очень решительно.

— А теперь слушайте меня! Кто-то из ваших людей проехал мимо на патрульной машине и не остановился на мой сигнал. Я на сто процентов уверен, что он видел свет в подвале. Видел — и уехал!

— Не может быть. Я все проверил. Ни одна патрульная машина не зарегистрировала здесь ничего подозрительного. Вы же смотрели маршрутную карту. Концентрация патрулей в вашем районе самая высокая.

— Но я сам видел, как они уехали!.. Где Дженкинс? Где Макдермотт?

— У них сегодня выходной. Теперь я, конечно, вызову их.

— Странно, что они отдыхают именно сегодня.

— Мои люди работают по графику. Все смены полностью укомплектованы, а по выходным мы выпускаем усиленные наряды... По приказанию городского совета.

Таннер почувствовал, что Маколифф оправдывается.

— Вам придется сделать еще одну вещь.

Маколифф словно не слышал его слов. Он внимательно рассматривал бетонные стены подвала. Затем он нагнулся и подобрал с пола несколько гильз.

— Я прослежу, чтобы все до единой улики были найдены и посланы на экспертизу. Если в Нью-Йорке нам откажут, я обращусь в ФБР... Вы что-то сказали?

— Я сказал, что вам придется выполнить мою просьбу. Вы сделаете это при мне. Больше никто присутствовать при этом не должен.

— О чем вы говорите?

— Сейчас мы с вами найдем какой-нибудь телефон, и вы в моем присутствии позвоните... — Таннер, не договорив, отошел к лестнице, чтобы убедиться, что их не подслушивают.

— Кому? Кому я должен звонить? — насторожился Маколифф.

— Кардоунам и Тримейнам. Я хочу знать, где они сейчас. И где они были.

— Какого черта...

— Делайте, как я говорю!..

— Вы думаете...

— Я ничего не думаю! Я просто хочу знать, где они... Можете считать, что я за них очень волнуюсь.

Таннер стал подниматься по лестнице. Удивленный Маколифф остался стоять на месте.

— Постойте! Так вы хотите, Чтобы я позвонил им, а потом выяснил, правду ли они сказали? Хорошо, я сделаю это... Только знайте: вы и так доставили мне достаточно хлопот. Из-за вас у меня обострилась язва. Что за дьявольщина тут у вас творится? С меня этих фокусов довольно! Если вы и ваши друзья влипли в какую-то историю, вы должны мне о ней рассказать. Как я могу что-то предпринимать, когда не знаю, в чем тут дело. И вот еще что... — Маколифф понизил голос и, прижимая одну

руку к желудку, ткнул другой в грудь Таннера. — Я не собираюсь портить себе послужной список из-за того, что вам вздумалось поиграть в войну. И я не потерплю, чтобы на моем участке устраивали сражения из-за того, что вы не желаете рассказать мне, в чем дело.

Таннер застыл на месте. Он смотрел на своего собеседника и думал: никто не может помешать ему сказать сейчас правду.

— Хорошо, я расскажу вам... Вы что-нибудь слышали об «Омеге»? — Таннер напряженно вглядывался в лицо Маколиффа. Шеф полиции остался невозмутимым. — Я забыл, — хмыкнул Таннер, — вас ведь не информировали о ее существовании, да?

— Дьявол... О чем вы?

— Спросите у Дженкинса. Может быть, он вам скажет... Пойдемте наверх.

...Маколифф позвонил по радиотелефону из своей машины. Информация, которую ему удалось получить, свидетельствовала и том, что после полудня ни Тримейнов, ни Кардоунов дома не было.

Кардоуны отправились в Рокленд-Каунти, что по дороге на Нью-Йорк. По словам горничной, они собирались пообедать в Ресторане. Взволнованная звонком полицейского, девушка торопливо попросила Маколиффа, если удастся их отыскать, сообщить им, что пришла срочная телеграмма из Филадельфии.

Тримейны поехали к своему доктору, так как Вирджиния снова почувствовала себя плохо.

Врач, которому тут же позвонил Маколифф, подтвердил, что Тримейны заезжали к нему. Он заявил, что они теперь, должно быть, отправились в Нью-Йорк-Сити, — он сам посоветовал им немного развлечься: пообедать в ресторане, сходить в театр или в кино. Состояние подавленности, на которое жаловалась миссис Тримейн, обусловлено чисто психологическими причинами. Ей нужно хорошенько отдохнуть и поменьше думать о том, что произошло на Лесситер-роуд.

Как все четко организовано, подумал про себя Таннер.

Он не поверил ни единому слову.

Теперь, хорошенько обдумав то, что произошло с ними в подвале, Таннер пришел к выводу, что в числе нападавших могла быть женщина.

Фоссет говорил, что в «Омегу» входят супружеские пары. Так кто же стрелял в них, Кардоуны или...

— Ну, вот и все, — сказал Маколифф, прервав размышления Таннера. — Мы уточним достоверность информации, когда они вернутся. Вы ведь понимаете, что правдивость их рассказов будет легко проверить.

— Да... да, конечно. Позвоните мне после того, как поговорите с ними лично.

— Этого я вам не обещаю. Разумеется, если это будет нужно для дела, я позвоню...

* * *

Приехал механик чинить поломанные автомобили. Таннер проводил его в гараж. Пока тот рассматривал обрезанные провода, Таннер внимательно следил за выражением его лица.

— Да-а, мистер Таннер, аккуратно сработано. Ну ничего, я поставлю временные провода, а в мастерской их заменят на постоянные. Кто-то сыграл над вами злую шутку...

Вернувшись на кухню, Таннер застал там свою жену и Остерманов. Дети играли в комнате Реймонда, где с ними остался один из полицейских Маколиффа. Он согласился побыть с детьми, чтобы взрослые могли спокойно поговорить.

Остерман был настроен решительно. Им всем следует уехать из Сэддл-Вэлли и как можно скорее добраться до Вашингтона. Как только фургон будет снова на ходу, они сразу поедут в аэропорт Кеннеди и там сядут в самолет. Такси вызывать не следует. Они не станут ничего объяснять Маколиффу — просто сядут в машину и уедут. У него нет никакого права удерживать их.

Таннер сидел рядом с Элис напротив Остерманов и держал ее за руку. Дважды Верни и Лейла пытались заставить его рассказать обо всем жене, и оба раза Таннер отказывался, желая сделать это наедине.

Остерманы все понимали.

Элис по-прежнему ничего не знала, и поэтому он сейчас держал ее за руку.

Всякий раз, когда Лейла начинала говорить, Таннер вспоминал сияющую в темноте подвала брошь и чистую — без пулевых отметин — стену.

У парадного позвонили, и Таннер вышел открыть дверь. Вернулся он, удовлетворенно улыбаясь.

— Кажется, скоро будет восстановлена связь с внешним миром. Приехали связисты ремонтировать телефон.

Таннер не стал больше садиться. Он прошел через кухню и остановился у окна. В сознании его вырисовывались контуры собственного плана. Для его осуществления ему понадобится помощь Элис.

Словно прочитав его мысли, жена повернулась:

— Я пойду наверх, посмотрю, что делают дети.

Она вышла. Таннер шагнул к столу. Он взял пачку сигарет и сунул ее в нагрудный карман рубашки.

— Ты собираешься сказать ей? — спросила Лейла.

— Да.

— Расскажи ей обо всем. Может быть, она сумет что-нибудь понять в этой странной истории с... «Омегой». — Берни пожал плечами. — Видит Бог, я лично ничего не понимаю...

— Но ты же видел знак на стене. Берни быстро взглянул на Таннера.

— Да, я видел знак, но...

— Простите, мистер Таннер. — В дверях стоял полицейский, дежуривший на первом этаже. — Вас хочет видеть телефонист из ремонтной бригады. Они сейчас у вас в кабинете.

— Хорошо. Сейчас я приду. — Таннер повернулся к Берни Остерману: — Если ты забыл, могу напомнить, что знак на стене — это греческая буква «омега».

Он быстро вышел из кухни и направился в кабинет. За окнами все еще бушевало ненастье. Ветер немного стих, но дождь лил как из ведра.

В кабинете было полутемно. Горела лишь одна настольная лампа.

— Мистер Таннер, — окликнул его сзади негромкий голос, и Таннер резко обернулся.

За его спиной стоял человек, одетый в голубую форменную куртку телефонной компании. Он напряженно смотрел на Таннера. Таннер сразу вспомнил его. Он видел этого человека у Фоссета. Кажется, его фамилия Коул...

— Прошу вас, говорите тихо.

Но Таннер уже потерял контроль над собой. Он бросился на разведчика.

— Ты, сукин сын...

Его быстро скрутили помощники Коула в форме связистов, заломив ему руки за спину. Коул сделал шаг вперед и, взяв Таннера за плечи, быстро заговорил:

— Прошу вас... Пожалуйста! Мы знаем, что вам пришлось немало пережить. Тут мы уже ничего не можем изменить, но мы заверяем вас, что больше это не повторится. Все кончено, мистер Таннер. «Омега» раскрыта.

— Замолчите! Я не хочу с вами разговаривать! Вы негодяи! Вы подлые мерзавцы! Вас просто не существует! В ЦРУ не слыхали о Фоссете. Ваши подслушивающие устройства не работают. Вы...

— Нам нужно было действовать молниеносно! — перебил его Коул. — Нам пришлось оставить свои посты. Таков был приказ. Позже вам все объяснят.

— Я не верю ни одному вашему слову!

— Прошу вас, успокойтесь! Потом вы сами решите, верить нам или не верить, но выслушайте меня. Фоссет сейчас в двух милях отсюда — готовит заключительный этап операции. В Вашингтоне все уже готово. К утру «Омега» будет у нас в руках.

— Какая «Омега»? Какой Фоссет? Я звонил в Вашингтон! Я говорил с базой Маклин в Вирджинии.

— Мы знаем об этом. Вы говорили с человеком по имени Дуайт. По званию он выше Эндрюса, но он не имеет доступа к информации по «Омеге». Он позвонил в секретный отдел и попал на директора. Нам пришлось все отрицать, у нас не было другого выхода. В таких случаях мы всегда все отрицаем. Мы вынуждены так поступать...

— А где ваша охрана? Что случилось с вашим доблестным войском, которое должно было нас охранять?

— Вам все объяснят... Я не стану лгать. Мы допустили ошибки. Одна из них, если хотите, едва не обернулась трагедией. Мы не ждем к себе снисхождения, но до этого дня нам никогда не приходилось стоять с «Омегой» лицом к лицу. Главное, что теперь она рядом. Мы добрались до цели!

— Ерунда! Главное то, что мою жену и детей едва не расстреляли.

— Взгляните! Взгляните на это... — Коул вынул из кармана небольшой металлический диск. Его помощник отпустил Таннера. — Возьмите. Посмотрите на него внимательно.

Таннер взял у него диск и повернул его к свету. Он сразу увидел, что металл изъеден ржавчиной.

— И что же? — пожал он плечами, возвращая Коулу диск.

— Это одно из подслушивающих устройств. Его разъело кислотой. Кислоту сюда капнули специально, чтобы вывести его из строя, Все подслушивающие устройства испорчены этим же способом. Мы не имели представления о том, что происходит в доме.

— Но кто и как мог отыскать их?

— Это не трудно сделать, имея соответствующую аппаратуру. Ни на одном из дисков никаких следов не обнаружено. Отпечатков пальцев тоже нет. Это ведь «Омега», мистер Таннер.

— Но кто… кто они?

— Этого не знаю даже я. Об этом знает только Фоссет. Он контролирует всю операцию. Он — лучший разведчик на трех континентах. Не верите мне, можете спросить у госсекретаря. Или, если хотите, у президента. Поверьте, в вашем доме ничего больше не случится…

Джон Таннер глубоко вздохнул и покачал головой.

— Но вы же понимаете, что, по сути дела, ничего мне не объяснили…

— Я же сказал, вам все объяснят позднее.

— Меня это не устраивает!

Коул ответил Таннеру долгим взглядом.

— А разве у вас есть выбор?

— Теперь есть. Я закричу и позову полицейского.

— Но что вам это даст? Пару часов спокойствия? Ваш отдых не будет долгим.

Таннер почти не слышал его.

Он задаст ему еще один вопрос. Не важно, какой будет ответ. Он его не интересует. В голове Таннера уже сложился план. Но Коул о нем никогда не узнает.

— Что я должен делать?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Когда ваши люди так говорят, вокруг сразу начинают греметь выстрелы.

— Стрельбы больше не будет. С этим покончено.

— Понятно... Покончено. Что ж, хорошо. Я... я ничего не буду делать. Могу я сейчас пойти к жене?

— Конечно.

— Кстати, а телефон работает?

— Да, разумеется.

Таннер повернулся и, сжав руки в кулаки, медленно вышел в коридор.

Он никому больше не будет доверять. Он сам займется «Омегой».

* * *

Элис сидела на краю кровати и слушала рассказ мужа. Порой ей казалось, что он сошел с ума. Она знала, что люди, которые, как ее муж, работают с большой психологической нагрузкой, подвержены нервным срывам. То, что Джон рассказывал раньше, имело хоть какой-то смысл: стрелявшие в них ночью маньяки, охваченные паникой адвокаты и брокеры, даже желание Джона исправить то, что не поддается исправлению. Но те вещи, о которых он говорил сейчас, казались ей совершенно неправдоподобными.

— Но почему ты согласился? — наконец спросила она.

— Ты не поверишь, но он загнал меня в ловушку. Я был вынужден это сделать.

— Но ты же согласился добровольно! — воскликнула Элис.

— Не совсем. Чтобы Фоссет назвал мне фамилии, я должен был подписать документ, согласно которому в случае разглашения меня могли подвергнуть преследованию за нарушение Закона о национальной безопасности. Как только я узнал, кто они, я попался на крючок. Фоссет знал, что так и будет. Я ни за что не смог бы вести себя с ними так же, как прежде, продолжать нормальные дружеские отношения... А это автоматически повлекло бы за собой преследования.

— Какой ужас... — прошептала Элис.

— "Мерзость" — более подходящее слово.

Он рассказал ей о вчерашних разговорах с Джинни и Лейлой у бассейна. О том, как Дик Тримейн пришел к нему в гараж. И наконец, о том, что начал говорить ему Берни Остерман как раз перед тем, как раздались крики Дженет.

— Он так и не объяснил тебе, о чем шла речь?

— Он только сказал, что хотел предложить мне деньги для выгодных вкладов. Я обвинил их в причастности к «Омеге»... Но они спасли мне жизнь.

— Нет, подожди, — заволновалась Элис. — Когда ты вышел закрывать зонты, мы стояли и смотрели на дождь... Я бросилась за тобой, но Лейла и Берни меня не пустили. Я кричала и вырывалась. А Лейла — не Берни — прижала меня к стене. Потом она вдруг оглянулась на Берни и сказала: «Иди, Берни! Все будет нормально, Берни... Иди!» Я не поняла, что она хотела этим сказать, но это она... она ему велела выйти во двор.

— Женщина не пошлет своего мужа под пули.

— Да, я тоже так думаю. Я не смогла бы вот так приказать тебе... ради Берни.

И тут Таннер рассказал ей о мучивших его сомнениях. О флюоресцирующей брошке и о стене без пулевых отметин.

— Но они были с нами, дорогой. Они были в подвале, а не на улице. Стреляли не они... — Элис замолчала. Воспоминания о пережитом кошмаре заставили ее содрогнуться. Она не хотела больше возвращаться к этому. Она заговорила об истерических признаниях Джо в гостиной и о том, как Бетти Кардоун смотрела на них через окно.

— Что ж, вот, пожалуй, и все, — произнес он, когда она закончила. — И убей меня Бог, если я в этом хоть что-нибудь понимаю.

— Но ведь этот человек в кабинете сказал тебе, что скоро все будет кончено. Он же сказал тебе...

— Мне уже много чего говорили... Но кто, кто же они? Может быть, все трое?

— О чем ты?

— Об «Омеге». Они работают парами. Значит, нужно искать пары... Но Тримейнов и Кардоунов отравили в машине. И оставили на Лесситер-роуд... А может быть, это была инсценировка?

Таннер сунул руки в карманы и зашагал по комнате. Он подошел к окну и, опершись локтями на подоконник, выглянул на улицу.

— Вокруг дома куча полицейских. Похоже, им тут здорово надоело. Интересно, если бы они посмотрели на стены в подвале, как бы...

Раздался звон разбитого стекла. Таннер пошатнулся, и на его рубашке начало расплываться кровавое пятно. Элис с криком бросилась к упавшему мужу.

Послышались выстрелы, но теперь, видимо, полицейские преследовали нападавшего.

В комнату влетел охранник. Он кинулся к Таннеру. Через три секунды в дверях появился второй полицейский с пистолетом наготове. С улицы доносились крики. Вбежала встревоженная Лейла. Громко охнув, она устремилась к Элис и лежавшему на полу Таннеру.

— Берни! Господи, иди же скорее, Берни! — громко закричала Лейла.

Однако Остерман не появлялся.

— Его нужно положить на кровать! — сказал полицейский. — Пропустите, пожалуйста, мэм! Дайте нам перенести его!

— Что случилось? — послышался с лестницы взволнованный голос Берни. — Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — Он вбежал в комнату. — О Боже! Боже мой!

* * *

Когда Таннер пришел в себя, он медленно обвел взглядом собравшихся вокруг него людей. Над ним склонился доктор, рядом с ним возвышалась могучая фигура Маколиффа. Элис сидела на краю кровати. Берни и Лейла стояли у задней спинки и пытались улыбаться ему.

— Все будет в порядке. Ранение пустяковое, — заверил его врач. — Немного болезненное, но ничего серьезного. Поврежден плечевой хрящ, только и всего.

— В меня стреляли?

— Да, в вас стреляли... — угрюмо подтвердил Маколифф. Капитан уже не пытался сдерживать душивший его гнев. — И теперь, черт возьми, я буду допрашивать вас по одному хоть всю ночь, пока не выясню, что за дьявольщина тут творится. Вы ведете себя как полные идиоты!.. Мне это уже надоело!

— Я наложил повязку, — сказал доктор, надевая пальто. — Можете встать и походить по дому, но постарайтесь не переутомляться, мистер Таннер... Рана неглубокая, и крови вы потеряли не много... — Доктор улыбнулся и поспешно вышел. У него не было причин задерживаться здесь.

Едва за ним закрылась дверь, Маколифф резко повернулся к собравшимся.

— А вы все что тут делаете, скажите на милость? Я хочу, чтобы нас оставили вдвоем с мистером Таннером.

— Капитан, в него только что стреляли, — твердо произнес Берни. — Его нельзя сейчас допрашивать. Я вам этого не позволю.

— Я полицейский и должен исполнять свои обязанности.

Для этого мне не требуется вашего разрешения. Вы слышали, что сказал доктор. Ранение легкое...

— Он и так сегодня натерпелся достаточно, — вскинула голову Элис.

— Прошу прошения, миссис Таннер. Но мне необходимо поговорить с ним наедине, и если вы не возражаете...

— Возражаем! — Берни подошел вплотную к шефу полиции. — Допрашивать нужно не его, а вас и ваших подчиненных. Я хочу знать, капитан, почему патрульная машина не остановилась по нашему сигналу? Я слышал ваши объяснения, но они меня не удовлетворили!

— Если вы будете продолжать вести себя в этом же духе, я вызову полицейского и прикажу посадить вас под замок.

— Только попробуйте, тогда я...

— Не выводите меня из себя! Мне приходилось иметь дело с такими, как вы. Я работал в Нью-Йорке, шини[9].

Остерман напрягся. Лицо его побелело от гнева.

— Что?.. Что вы сказали?

— Не провоцируйте меня! Только не надо меня провоцировать! — истерично закричал Маколифф, поняв, что перестарался.

— Хватит! — устало остановил их Таннер. — Не стоит, Берни. Я ничего не имею против...

Оставшись наедине с Маколиффом, Таннер сел на кровати. Раненое плечо болело, но он мог свободно шевелить им.

Маколифф подошел к кровати и взялся руками за спинку. Когда он заговорил, голос его звучал на удивление тихо и вкрадчиво:

— Теперь рассказывайте. Рассказывайте все, что вам известно, иначе я привлеку вас к ответственности за сокрытие важных сведений по делу о попытке убийства.

— Но убить-то пытались меня! — возмутился Таннер.

— И все равно это убийство. Преднамеренное убийство. Не важно, кого хотели прикончить — вас или вашего приятеля-жида.

— Почему вы настроены так агрессивно? — спросил Таннер. — Скажите, откуда эта враждебность? Вы должны валяться у меня в ногах. Я — налогоплательщик, а вы не смогли обеспечить безопасность моей семьи, моего жилища.

Маколифф что-то хотел сказать, но, не справившись с кипящей в нем яростью, лишь глухо зарычал. Наконец ему удалось взять себя в руки.

— О'кей. Я знаю, что кое-кому в городе не нравятся мои методы. Вы, сукины дети, хотели бы вышвырнуть меня подальше, а на мое место посадить хлюпика интеллигента с юридическим дипломом. Но вам не удастся этого сделать! Вам не к чему придраться. Мой послужной список чист, и вы не дождетесь, чтобы я сорвался! Я обеспечу в городе порядок, чего бы это ни стоило! А теперь говорите быстро, в чем у вас тут дело, и если я сочту нужным, то пошлю за помощью. Я не могу заставить людей работать внеурочно без веских оснований.

Таннер поднялся с кровати и осторожно сделал несколько шагов.

— Я верю вам. Вы слишком взволнованы, чтобы лгать... Что ж, вы правы, вас многие не любят. Тут уж ничего не поделаешь — вам придется с этим смириться... Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Я вам приказываю: с этой минуты вы будете охранять мой дом днем и ночью до тех пор, пока это будет нужно. Вам понятно?

— Вы не имеете права приказывать мне.

— Имею. И предупреждаю: если вы этого не сделаете, я выставлю вас перед миллионами телезрителей как образец тупого и невежественного служаки, чье место на свалке. Ваши методы устарели. Идите на пенсию копаться в своем огороде.

— Вы никогда этого не сделаете!

— Не сделаю? Посмотрим.

Маколифф стоял прямо напротив Таннера, Вены на его шее вздулись. Казалось, что он вот-вот бросится на Таннера.

— Я ненавижу вас! — процедил он сквозь зубы. — Ненавижу...

— Я вас тоже... Я видел вас в работе... Но теперь это уже не важно. Сядьте...

* * *

Через десять минут Маколифф вылетел из дома. Дождь стихал. Маколифф с силой хлопнул дверью и отдал несколько коротких приказаний дежурившим перед домом полицейским. Те небрежно козырнули ему, и Маколифф забрался в машину.

Таннер вынул из шкафа рубашку и с трудом надел ее. Затем он вышел из спальни и спустился вниз.

В холле первого этажа стояла Элис и разговаривала о чем-то с полицейским. Увидев мужа, она бросилась к нему.

— Весь дом наводнен полицией! Их целая армия... О Господи, Господи! Я пытаюсь взять себя в руки. Я стараюсь... И не могу! — Она легонько обняла его, чтобы не потревожить забинтованное плечо. — Что мы будем делать? Когда все это кончится?

— Все будет хорошо... Нужно только еще немного подождать.

— Чего ждать?

— Маколифф должен узнать для меня кое-что. Таннер отвел Элис к стене и тихо, чтобы их не услышал полицейский, произнес:

— Те люди, что стреляли в нас в подвале, ранены. Один из них — в ногу; я думаю, рана серьезная... Насчет второго сказать труднее, но Берни считает, что ранил его в грудь или в плечо. Маколифф должен встретиться с Тримейнами и Кардоунами и позвонить мне. Это займет некоторое время, но он обещал сразу приехать сюда.

— Ты сказал ему о своих подозрениях?

— Нет. Не сказал... Я просто велел ему выяснить, где они были, и проверить достоверность их показаний. Это все. Я не хочу, чтобы решения принимал Маколифф. Решать и действовать должен Фоссет.

А про себя Таннер подумал, что теперь решать и действовать будет он сам. Он скажет об этом Эли. В последнюю минуту.

Джон улыбнулся жене и, порывисто обняв за плечи, нежно поцеловал.

* * *

В десять сорок семь зазвонил телефон.

— Джон? Это Дик. У меня был Маколифф... — Тримейн тяжело дышал в трубку, но старался говорить спокойно, хотя было очевидно, что это давалось ему с большим трудом. — Я не знаю, что там у тебя случилось — Маколифф говорил что-то о попытке преднамеренного убийства... Я ничего не знаю и не хочу знать... С меня довольно! Я очень сожалею, Джон, но выхода не вижу. Мы уезжаем отсюда. Я заказал билеты в «Пан-Америкэн» на десять утра.

— Куда ты едешь?

Тримейн молчал. Таннер повторил:

— Я спрашиваю, куда ты едешь?

— Прости, Джон... Это может показаться оскорбительным, но я... я не хочу говорить тебе об этом.

— Что ж, понимаю... Может быть, заедете попрощаться по дороге в аэропорт?

— Не могу обещать. Прощай...

Таннер задумчиво нажал пальцем на рычаг, отпустил его и сразу набрал номер управления полиции.

— Полиция слушает. У телефона сержант Дейл.

— Позовите, пожалуйста, капитана Маколиффа. Его просит Джон Таннер...

— Шефа нет, мистер Таннер.

— Вы не могли бы разыскать его? Это очень важно.

— Я попытаюсь связаться с его машиной. Вы подождете?

— Нет. Если найдете его, попросите, чтобы он позвонил мне как можно скорее.

Таннер продиктовал дежурному номер своего телефона и повесил трубку. Маколифф, наверное, едет к Кардоунам. А возможно, он уже там. Должно быть, он скоро позвонит... Таннер вернулся в гостиную. Теперь надо встревожить Остермана.

Это было частью его плана.

— Кто звонил? — спросил Берни.

— Дик. Ему кто-то сказал о том, что случилось... Он забирает семью и уезжает.

Остерманы обменялись быстрыми взглядами.

— Куда?

— Он не сказал. Самолет вылетает завтра утром.

— Он не сказал, куда собирается ехать? — переспросил Берни, не сумев скрыть удивления.

— Я же говорю, он не пожелал мне об этом сказать.

— Сначала ты выразился не так. — Остерман пристально посмотрел на Таннера. «Не сказал» — это одно, «не пожелал сказать» — совсем другое...

— Да, возможно... Ты по-прежнему считаешь, что нам нужно ехать в Вашингтон?

— Что? — Взгляд Остермана был устремлен на жену. Он не расслышал вопроса Таннера.

— Ты думаешь, что нам нужно ехать в Вашингтон?

— Да. — Берни тряхнул головой. — Теперь это особенно необходимо. Тебе нужна защита. Надежная защита... Они хотят убрать тебя, Джон.

— Не знаю. Не знаю, меня ли они хотят убрать...

— Что ты имеешь в виду? — Быстро поднявшись, Лейла шагнула к Таннеру.

Зазвонил телефон.

Таннер бросился в кабинет и рывком поднял трубку. Звонил Маколифф.

— Слушайте, — взволнованно произнес Таннер, — я хочу, чтобы вы описали мне в мельчайших подробностях, где находился Тримейн во время допроса.

— В своем кабинете.

— Где именно?

— За столом. А что?

— Он поднимался из-за стола? Ходил по комнате? Он подал вам руку при встрече?

— Нет... По-моему, нет. Нет.

— А его жена? Это она открыла вам дверь?

— Нет. Дверь открыла прислуга. Жена Тримейна все время была наверху. Она нездорова. Мы проверяли это, помните? Звонили их доктору...

— Ладно. Теперь рассказывайте о Кардоунах. Где вы нашли их?

— Сначала я говорил с женой. Дверь открыл мальчик — их сын. Сама миссис Кардоун лежала на диване, а ее муж был в гараже...

— Где вы говорили с ним?

— Я же вам только что сказал, в гараже. Хотя туда меня пустили не сразу. Кардоун собирается в Филадельфию. У него отец при смерти, и он хочет с ним попрощаться.

— В Филадельфию?.. А где он стоял, когда вы говорили с ним?

— Он уже уложил багаж и сидел в машине. Он сказал мне, что очень торопится, и просил побыстрее заканчивать.

— Он сидел в машине? — Ну да. Да!

— Вам это не показалось странным? — Почему мне это должно казаться странным? У человека умирает отец! Ему поскорее нужно добраться до Филадельфии. Я все это проверю и....

Таннер повесил трубку. Проверка ничего не дала. Ни Тримейнов, ни Кардоунов Маколифф не видел в полный рост. Тримейн сидел за столом. Кардоун не выходил из автомобиля. Так что вопрос о том, что кто-то из них может быть ранен, остался открытым. Подозрительно, что и те и другие нашли предлоги, чтобы не показываться в его доме в воскресенье.

Неужели его бывшие друзья могли стрелять в него?.. Ничего, он скоро это выяснит...

* * *

Пора! Таннер вздохнул. Дождь на улице прекратился — теперь ехать будет удобнее, только в лесу, наверное, очень сыро.

В кухне Таннер переоделся. Он заранее приготовил черные брюки, черный свитер и кроссовки. В карман брюк сунул деньги, предварительно убедившись, что мелочи достаточно, а к воротнику свитера пристегнул миниатюрный фонарик в форме карандаша.

Затем Джон подошел к двери в холл и вызвал в кухню Элис. Разговор с женой страшил его больше, чем то, что ему предстояло сделать. Но другого выхода у него не было. Он должен сказать ей.

— Что ты тут делаешь? — удивилась Элис.

Таннер приложил палец к губам и привлек жену к себе. Они отошли в дальний конец кухни, туда, где была дверь в гараж, и он прошептал ей на ухо:

— Помнишь, я просил тебя довериться мне? Элис нехотя кивнула.

— Я сейчас уйду... Совсем ненадолго. Я должен встретиться с людьми, которые могут помочь нам. С ними связался Маколифф.

— Но почему они сами не могут прийти сюда? Я не хочу, чтобы ты уходил. Тебе нельзя выходить из дома!

— Так нужно. Все подготовлено, — солгал он, зная, что она почувствовала ложь. — Я скоро позвоню. И ты убедишься, что все в порядке. Но я прошу тебя ничего не сообщать пока Остерманам... Скажи им, что я пошел прогуляться... что я был очень встревожен и вышел во

двор... Можешь придумывать что угодно. Нужно, чтобы они думали, что я вышел только на минуту и скоро вернусь. Пусть считают, что я разговорился с кем-то из охранников...

— Но с кем ты собираешься встречаться? Ты должен сказать мне!

— С людьми Фоссета.

Она не отрываясь смотрела на него. Догадавшись, что он скрывает правду, она пыталась прочесть ответ по его глазам.

— Тебе это очень нужно? — наконец тихо спросила она.

— Да. — Он крепко обнял ее и торопливо вышел во двор.

Таннер обошел вокруг дома и прогулялся по всему своему участку, стараясь, чтобы его видели как можно больше охранников. Затем, почувствовав, что никто уже не обращает на него внимания, он быстро направился к роще и скрылся за деревьями.

Он двинулся на запад, освещая себе дорогу тонким лучом фонарика. Идти по мокрой земле было трудно. Наконец, сделав большой круг, он увидел огни во дворе Скэнленов. Их дом находился в трехстах футах от границы его участка. Пока Таннер добрался до двери Скэнленов и позвонил, он совсем вымок и перепачкался в грязи.

Через пятнадцать минут — опять он потратил больше времени, чем рассчитывал, — Таннер садился в «мерседес» Скэнленов. Из-за пояса у него торчал «смит-и-вессон», в кармане лежали три запасные обоймы.

Промчавшись по Орчед-Драйв, он свернул к центру города. Было уже за полночь, он немного запаздывал.

Мчась по пустым улицам, он снова и снова взвешивал свои возможности. Он не считал себя храбрецом. В те немногие минуты жизни, когда он проявлял решительность и смелость, он действовал импульсивно. И теперь его влекла в самое пекло не отвага, а скорее злость.

Страху — животному страху, в котором он жил последние дни, — пришел конец. Теперь он испытывал только злость: им манипулируют, его используют, подставляя под пули. Хватит! Больше он этого не потерпит!

В городе было тихо. Мягкий свет уличных фонарей и витрин магазинов освещал главную улицу Сэддл-Вэлли, подчеркивая царящие здесь спокойствие и достаток. Ни ярких неоновых ламп, не кричащих огней рекламы — все приглушенно, сдержанно и немного чопорно.

Таннер проехал мимо бара, стоянки такси, развернулся и становился у обочины, напротив телефона-автомата. Он специально поставил

машину в некотором отдалении, чтобы наблюдать за тем, что происходит на улице. Выбравшись из «мерседеса», Джон перешел через дорогу к будке телефона-автомата и набрал номер.

— Тримейн? Это Таннер. Молчи и слушай меня внимательно... С «Омегой» покончено. Она раскрыта. Я отзываю ее. Цюрих ее отзывает. Мы приготовили вам последнее испытание, и ты провалился. Вы все вели себя с невероятной глупостью! Сегодня ночью я отдам приказ о сворачивании всякой деятельности. Будь у складов на Лесситер-роуд в половине третьего утра. И не пытайся звонить мне домой. Я говорю из города. В Лесситер приеду на такси. За моим домом — благодаря всем вам — ведется наблюдение! Приезжай к складам в половине третьего и возьми с собой Вирджинию. Если ты хочешь выбраться живым, приезжай... В половине третьего!

Таннер нажал на рычаг. Теперь Кардоунам...

— Бетти? Это Таннер. Слушай внимательно. Свяжись с Джо и передай ему, что с «Омегой» все кончено. Мне все равно, как ты это сделаешь, но заставь его вернуться. Это приказ из Цюриха. Так и скажи ему... «Омега» раскрыта. Вы вели себя как идиоты. Зачем было ломать мои машины? Я отдаю приказ о свертывании всей деятельности. Приезжайте с Джо к складам на Лесситер-роуд в половине третьего утра. Будьте там обязательно. Так хотят в Цюрихе. И не пытайтесь звонить мне домой. Я говорю из автомата. За моим домом ведется наблюдение. Я возьму такси. Запомни: в половине третьего — и передай Джо...

Таннер снова нажал на рычаг. Теперь он набрал номер домашнего телефона.

— Эли? Все в порядке, дорогая. Не волнуйся. Слушай, позови к телефону Берни... Эли, об этом потом. Позови Берни... Берни, это Джон. Прости, что я уехал не предупредив, но так было нужно. Я знаю, кто входит в «Омегу», и мне нужна твоя помощь. Я звоню из города. Мне может понадобиться машина... не теперь, позже. Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел мою, поэтому возьми такси. Жди меня у железнодорожной станции на Лесситер-роуд в половине третьего. Прямо у дома выедешь на шоссе, проедешь на восток — около мили. У поворота увидишь большой пруд и белую изгородь. По другую сторону — Лесситер-роуд. Поедешь вниз, там мили через две увидишь станцию... Все, Берни. «Омега» будет там в половине третьего. Ради Бога, прошу тебя, не предпринимай ничего сам. Поверь мне! Никому не звони и ничего не делай! Просто будь там!

Таннер повесил трубку, открыл дверь будки и побежал к «мерседесу».

Таннер переменил позицию, теперь он стоял в темном подъезде магазина игрушек. «Мерседес» Скэнленов — заметная машина. И

Тримейны, и Кардоуны, а может быть, даже и Остерманы знают, что Скэнлены — его ближайшие соседи. «Возможно, что это и к лучшему, — думал он. — Если они решат, что я позаимствовал автомобиль, то, вероятно, станут искать меня где-нибудь в городе».

Теперь ему оставалось лишь ждать... По крайней мере, до двух часов, прежде чем он отправится на Лесситер-роуд.

Он будет стоять здесь, в центре города, и наблюдать. Он должен увидеть, кто станет его разыскивать. Кто будет пытаться помешать назначенной встрече. Кто из троих? А может быть, все трое вместе? Теперь, после его звонков, «Омега» в смятении.

Они должны попытаться убрать его. На этом он и строил свой расчет. Убить его им не удастся — об этом уж он позаботится, — но он хотел заранее знать, кто враг.

Таннер внимательно оглядел улицу. В поле его зрения находилось четыре человека: пожилая супружеская пара, выгуливавшая далматинца, мужчина, только что вышедший из бара, и спящий в своей машине таксист.

С восточного конца города приближались огни фар медленно идущего автомобиля. Скоро Таннер разглядел, что это его собственный фургон. Он отступил в темноту подъезда.

За рулем сидела Лейла Остерман. Она была одна.

У Таннера часто забилось сердце. Что он наделал! Как ему не пришло в голову, что в критическую минуту пары могут разделиться. Лейла ищет его. Остерман может превратить его семью в заложников. За Остерманом никто не охотится, наоборот, он находится под защитой полиции. Берни не могут запретить уехать из дома Таннера — уехать, забрав с собой Элис и детей.

Лейла остановила машину около бара, вышла и торопливо направилась к стоявшему неподалеку такси. Растолкав спящего водителя, она о чем-то спросила его, таксист отрицательно покачал головой. Затем Лейла направилась к бару и, решительно распахнув дверь, скрылась внутри.

Таннер шарил по карманам в поисках мелочи.

Скорее бы она выходила! Ожидание становилось невыносимым. Он должен связаться с полицией и убедиться, что с его семьей все в порядке.

Наконец она вышла, села в машину и поехала. Через два или три квартала она свернула направо. Фургон скрылся из виду.

Таннер бросился через улицу к телефонной будке. Он опустил в щель десятицентовик и набрал номер.

— Алло?

Слава Богу! Трубку взяла Эли.

— Это я.

— Где ты находишься? Что...

— Это сейчас не важно. Со мной все в порядке... А как у вас? — Он напряженно прислушался, пытаясь уловить в ее голосе волнение или фальшь.

— Нормально. Мы очень тревожимся за тебя. Где ты? Что делаешь?

Она говорила естественно. Значит, дома действительно все в порядке.

— У меня нет времени. Я хотел... Она перебила его:

— Лейла поехала разыскивать тебя. Ты сделал страшную ошибку. Я говорила с Остерманами... мы были не правы, дорогой. Все совершенно не так. Берни очень разволновался, он даже...

Таннер не дал ей договорить. Он не мог тратить время на Остерманов. Он должен был торопиться.

— Я не могу больше говорить. Оставайся под охраной полиции. Делай так, как я сказал. Постарайся все время быть у них на глазах.

Таннер повесил трубку прежде, чем она успела ответить. Он должен был связаться с полицией. Теперь дорого каждое мгновение...

— Управление полиции. Дженкинс у телефона.

Значит, единственный человек в местной полиции, которому известно об операции, снова на месте. Маколифф вызвал его.

— Управление полиции, — тревожно повторил дежурный.

— Это Джон Таннер.

— Господи, где вы пропадали? Мы вас везде ищем.

— Зря стараетесь, не найдете... Во всяком случае, до тех пор, пока я этого не захочу... Теперь слушайте. Я хочу, чтобы два ваших полицейских, которые дежурят в доме, не спускали глаз с моей жены. Она ни на минуту не должна оставаться одна. И дети тоже. Ни на минуту! И никого из них нельзя оставлять наедине с Остерманом...

— Разумеется. Мы знаем об этом. Но где вы находитесь? Не будьте глупцом...

— Я позвоню вам позднее. Не пытайтесь установить, откуда я звоню. Через минуту меня здесь уже не будет.

Джон повесил трубку и, открыв дверь телефонной будки, огляделся в поисках более надежного укрытия, чем подъезд магазина игрушек. Так и не увидев ничего подходящего, он начал переходить через улицу. Таксист снова спал, положив голову на руль.

Внезапно совсем рядом Таннер услышал рев мотора. На него стремительно надвигался темный силуэт автомобиля. Он возник, казалось, ниоткуда и несся с огромной скоростью прямо на него. Таннер рванулся к противоположному тротуару. Еще доля секунды, и мчащийся автомобиль собьет его. В последний момент Таннер увернулся, но почувствовал сильный удар по левой ноге. Падая, он успел заметить, как черный силуэт едва не сбившего его автомобиля скрылся из виду.

Боль в ноге была мучительной. Тупо ныло плечо.

«Господи, помоги мне! Только бы мне встать на ноги. Я должен идти... Господи!» Джон с большим трудом сумел сесть.

— Что случилось? — К нему бежал перепуганный таксист.

— Помогите мне подняться, пожалуйста.

— Конечно... Конечно. С вами все в порядке? Этот малый, должно быть, здорово напился! Господи! Он же мог убить вас... Может быть, я съезжу за доктором?

— Нет, нет. Не нужно.

— Тут рядом телефон! Я позвоню в полицию. Они в два счета доставят сюда врача и...

— Не стоит... Не нужно. Со мной все в порядке. Помогите мне немного. Я попробую походить...

Боль была острой, но несмотря на это Таннер мог самостоятельно передвигаться. Боль теперь не имела значения. Ничто не имело значения, кроме «Омеги».

— Я все-таки позвоню в полицию, — повторил таксист, поддерживая Таннера под руку. — Этого лихача нужно убрать с Дороги, иначе он наделает дел...

— Нет... То есть я хотел сказать, что не запомнил номер. Я даже не заметил, какой марки была машина. Я не смогу ее опознать.

— Пожалуй… Поделом будет проходимцу, если он врежется в какой-нибудь столб или дерево.

— Да, поделом… — Таннер шел уже один, без поддержки. Боль немного стихла.

Со стоянки такси до них донесся сигнал.

— Это мой телефон… Как вы… в порядке?

— Да. Спасибо.

— Субботняя ночь. Это, возможно, единственный вызов за всю смену, — смущенно пояснил таксист. — С субботы на воскресенье всегда дежурит одна машина. И этого-то много. — Он побежал к машине. — Счастливо, приятель… Может быть, все-таки прислать доктора?

— Нет-нет. Не стоит.

Таннер видел, как таксист записал адрес. Когда же он повторил его вслух, Таннер вздрогнул.

— Тримейн, Пичтри, номер шестнадцать. Буду у вас через пять минут, мэм… — Таксист повесил трубку и, поймав взгляд Таннера, скорчил гримасу. — Как вам это нравится, а? Ей вдруг понадобилось в мотель аэропорта Кеннеди. С кем, интересно, она там будет развлекаться посреди ночи?

Таннер задумался. У Тримейнов было две собственные машины… Выходит, Дик решил не подчиняться его приказанию и не собирается встречаться с ним у железнодорожной станции? А может быть, вызвав единственное дежурившее в городе такси, Тримейн надеется задержать его в Сэддл-Вэлли?

Возможно и то и другое.

Таннер, хромая, свернул в узкий переулок, который в основном использовался для доставки продуктов в бар. Переулок выходил на платную стоянку, поэтому в случае необходимости отсюда легко можно было скрыться. Стоя в тени деревьев, он массировал ушибленную ногу. Будет огромный кровоподтек… Он посмотрел на часы — двенадцать сорок девять. Через час он поедет на станцию. А пока нужно ждать: возможно, еще раз появится черный автомобиль, а может быть, приедут и другие…

Ему очень хотелось курить, но он боялся чиркать спичкой, находясь так близко от улицы. Он смог бы прикрыть рукой огонек сигареты, но не пламя от вспыхнувшей спички… Таннер отошел шагов на десять в глубь переулка и закурил. Послышался шорох. Шаги?

Он быстро вернулся на угол Вэлли-роуд. Улица была пуста. Только в баре было еще людно. Оттуда доносились приглушенные голоса и тихая музыка. Вскоре дверь бара открылась, и оттуда вышли трое: Джим и Нэнси Лумис, а с ними незнакомый мужчина. Таннер грустно усмехнулся, представляя себя со стороны.

Вот он, Джон Таннер, всеми уважаемый директор службы информации «Стэндарт мьючиал», стоит, прячась, в темном переулке — промокший, грязный, с пулевой раной в плече и синяком на колене, стоит и смотрит на Джима и Нэнси, выходящих из бара. Джим Лумис... И его коснулась эта история. Но он никогда не узнает об этом.

По Вэлли-роуд от шоссе номер пять медленно двигался автомобиль. Он шел со скоростью не более десяти миль в час. Казалось, водитель ищет кого-то.

Это был Джо.

Он не уехал в Филадельфию. Значит, умирающего отца не было, Кардоуны солгали.

Это не удивило Таннера.

Джон отступил назад и прижался к стене бара, держа пистолет наготове. Он убьет Кардоуна, если будет нужно.

Когда машина Джо была уже в сорока футах от него, прозвучали два коротких автомобильных гудка. Кардоун остановился.

Подъехал второй автомобиль.

В нем сидел Тримейн.

Они заговорили о чем-то. Таннер не мог разобрать слов, но он видел, что они говорят торопливо и взволнованно. Затем Тримейн быстро развернулся, и обе машины поехали в одном направлении.

Таннер облегченно вздохнул и расправил затекшие мышцы. Итак, все действующие лица на месте. Все, кого он знает, и еще один неизвестный. «Омега» плюс один, с грустной усмешкой подумал он. Кто же все-таки сидел за рулем черного автомобиля? Кто хотел сбить его?

Все, больше здесь нечего делать. Он видел все, что хотел увидеть. Теперь он отправится на Лесситер-роуд, спрячется в нескольких сотнях ярдов от станции и станет ждать, когда все члены «Омеги» соберутся там.

Таннер вышел из укрытия и направился к «мерседесу». Он замедлил шаги.

Что случилось с машиной? Даже в тусклом свете фонарей было видно, что задняя часть автомобиля сильно опущена и едва не касается мостовой хромированным бампером.

Он бросился к машине, на ходу вытаскивая фонарик. Так и есть, оба задних колеса были спущены, машина стояла на металлических ободах. Он наклонился и увидел два торчащих из резины ножа.

Когда это могло случиться? Он же все время находился рядом. Улица была пуста! Никто не проходил мимо. Никто не мог подкрасться к «мерседесу» незамеченным...

Стоп! Когда он отходил закурить и прятался у стены, наблюдая за Кардоуном и Тримейном, он слышал шаги...

Значит, колеса проткнули не более пяти минут назад.

«О Господи, — подумал Таннер, — кошмар продолжается. „Омега“ все время шла за мной по пятам. Они знают каждый мог шаг и ни на секунду не теряют меня из виду. Что начала говорить Эли по телефону? „Берни даже...“ Что? Почему я не дал ей договорить?»

Он побежал к будке, нащупывая в кармане последние десять центов. Прежде чем переходить улицу, он вытащил пистолет и огляделся. Тот, кто проткнул шины «мерседеса», может быть рядом.

— Эли?

— Милый! Ради Бога, возвращайся скорей домой...

— Подожди немного, дорогая... Нет, правда, со мной все в порядке. Ничего страшного нет... Я просто хотел спросить тебя... Это очень важно.

— Сейчас важно, чтобы ты вернулся домой!

— Послушай, ты раньше говорила, что Берни что-то решил... Что это было?

— Я?.. Ах, когда ты звонил в первый раз... Лейла поехала за тобой, а Берни не захотел оставлять нас. Но он боялся, что ты можешь не послушать ее. Здесь все равно дежурит полиция, и он решил, что поедет разыскивать тебя сам.

— Он взял «триумф»?

— Нет. Он попросил одну из машин, на которой приехали полицейские.

— О Боже! — Таннер не хотел проявлять свои чувства по телефону, но не смог сдержаться. Так вот откуда взялся черный автомобиль! «Плюс один» оказался на самом деле лишь частью троицы. Он перевел дыхание и спросил: — Он уже вернулся?

— Нет. Вернулась только Лейла. Она думает, что он заблудился.

— Я позвоню позже. — Таннер повесил трубку.

Конечно, Берни «заблудился». Он попросту не успел бы вернуться, ведь шины «мерседеса» прокололи лишь несколько минут назад.

Таннер тряхнул головой, собираясь с мыслями. Нужно как-то добраться до старой станции на Лесситер-роуд. Добраться и успеть занять нужную позицию, пока кто-нибудь из «Омеги» опять не помешал ему.

Лесситер-роуд проходила примерно в трех милях к северо-востоку от центра города. До старой железнодорожной станции была еще миля или две. Он пойдет пешком. Другого выхода нет.

Джон быстро зашагал по улице, стараясь не хромать, затем он резко нырнул в подъезд. Следом никто не шел.

Петляя и прячась в тени домов, Таннер достиг северо-восточной окраины города. Улица здесь кончалась. Впереди простиралась большая поляна. До Лесситер-роуд оставалось совсем немного. Дважды, когда мимо по шоссе проносились автомобили, он ложился на землю. Но водителей явно не интересовало ничто, кроме дороги.

В конце концов, пробравшись через кустарник за чьим-то ухоженным газоном — очень похожим на его собственный, — Таннер выбрался на Лесситер-роуд.

Начался последний этап его путешествия. По его расчетам, до цели оставалось не более полутора миль. Если выдержит больная нога, он сможет добраться до заброшенных складов минут за пятнадцать. Если не выдержит — он пойдет тише. Часы показывали час сорок. Время еще есть.

Вряд ли кто-нибудь появится там раньше намеченного срока. Им сейчас не до этого. Они не знают, что их ожидает.

Хромая, Таннер шагал вдоль дороги. Он почувствовал себя спокойнее и немного увереннее, когда сжал в руке пистолет Скэнлена. Внезапно на шоссе позади него упали две полосы света. В трехстах или четырехстах ярдах от него шел автомобиль. Таннер быстро свернул с дороги в перелесок, начинавшийся сразу у обочины, и, отбежав на несколько шагов, лег плашмя прямо на грязную землю.

Машина медленно двигалась мимо. Это был тот самый черный автомобиль, который едва не сбил его на Вэлли-роуд. Лица водителя он не увидел. Опознать кого бы то ни было в такой темноте было просто невозможно.

Когда машина скрылась из виду, Таннер вернулся на дорогу. Он хотел было пойти лесом, однако это оказалось слишком трудно для него. По ровной местности он доберется быстрее. Он шел, сильно припадая на ушибленную ногу, прикидывая, может ли черный автомобиль принадлежать кому-нибудь из полицейских, дежуривших сейчас на Орчед-Драйв, двадцать два. Если да, то за рулем, вероятно, сидит Остерман.

Джон прошел около полумили, когда огни фар показались снова. На этот раз впереди него. Он нырнул в кусты, моля Бога, чтобы его не заметили, и лег на землю, сняв с предохранителя пистолет.

Автомобиль приближался с огромной скоростью. Тот, кто сидел за рулем, очевидно, спешил назад, разыскивая кого-то.

Может быть, его?

Или Лейлу Остерман?

А может быть, он мчался к Кардоуну, у которого не было умирающего отца в Филадельфии? Или к Тримейну, который не поехал в мотель аэропорта Кеннеди?

Таннер поднялся и снова двинулся в путь. Ногу разрывало от нестерпимой боли. Он шел из последних сил.

Дорога резко свернула влево, и сразу же показалась полуразрушенная станция. Площадь перед ней освещалась единственным тусклым фонарем. Вход в вокзал был заколочен. Из трещин в прогнивших досках торчали похожие на водоросли сорняки. Отвратительные мелкие растения проросли и у основания фундамента.

Ветер стих. Таннер прислушался. Ни звука, только после грозы мерно падали капли с веток и листьев.

Он стоял у заросшей травой автостоянки, пытаясь решить, где лучше спрятаться. Было уже около двух часов, и с выбором укрытия следовало поторопиться. Может быть, само здание вокзала? Надо попытаться проникнуть внутрь...

Яркий свет на мгновение ослепил его. Таннер инстинктивно бросился вперед и покатился по земле. Сильно ударившись раненым плечом о камень, он не почувствовал боли. Мощный луч, похожий на луч прожектора, снова пронзил темноту, и в тишине загремели выстрелы. Пули ударялись о землю вокруг него и свистели над головой. Джон почувствовал, как левую руку обожгла боль.

Докатившись до края просевшего гравия, он поднял пистолет, направив его на слепящий свет, и несколько раз выстрелил в невидимого врага.

Раздался хлопок, прожектор погас, и тут же послышался вскрик. Таннер продолжал жать на спусковой крючок, пока не опустела обойма. Он попытался левой рукой вынуть из кармана вторую — рука не слушалась его.

Снова повисла тишина. Джон положил пистолет на землю и достал запасную обойму правой рукой. Затем перевернул пистолет и, зажав горячий ствол зубами и обжигая губы, вставил новую обойму.

Таннер ждал, когда противник зашевелится. Время шло, однако вокруг по-прежнему было тихо.

Тогда Джон медленно поднялся. Левая рука теперь совсем не двигалась. Он держал палец на спусковом крючке, готовый выстрелить на любой шорох.

Тишина.

Таннер, хромая, очень медленно, боясь споткнуться о невидимую преграду, направился к зданию вокзала, держа в вытянутой руке пистолет. Он знал, что не сумеет открыть дверь в вокзал, если она наглухо забита гвоздями. Его тело не подчинялось ему, силы были на исходе.

И все же, когда он налег на дверь спиной, она с громким скрипом приоткрылась. Таннер оглянулся — щель была не более трех или четырех дюймов в ширину. Он просунул плечо в образовавшийся проход и поднажал еще. Верхняя часть двери слетела с петель, и Таннер упал в темноту, на прогнивший пол заброшенного вокзала.

Несколько секунд он лежал неподвижно. Тусклый свет уличного фонаря мягко струился в дверной проем и через дыры в крыше.

Внезапно Таннер услышал позади себя тихий скрип — кто-то осторожно шел по полусгнившему полу. Джон попытался повернуться. Подняться... но было поздно. Сильный удар обрушился на его затылок. И уже сквозь пелену беспамятства он увидел сначала ногу, замотанную в бинты, а потом, подняв глаза, и лицо.

Это был Лоренс Фоссет.

* * *

Таннер не знал, сколько времени он пролежал без сознания. Пять минут? Час? Сутки? Он лежал уткнувшись лицом в прогнившие доски полупровалившегося пола, чувствуя, как из Раны на руке медленно сочится кровь. Голова раскалывалась.

Фоссет! Так вот кто манипулировал им все это время! Фоссет. «Омега».

В его сознании вдруг пронеслись обрывки фраз их первого разговора: «Вы должны зайти к нам в гости... наши жены друг другу понравятся...»

Но жену Лоренса Фоссета убили в Восточном Берлине. Господи, как просто, почему он раньше ничего не замечал!

Кажется, было что-то еще... Что-то связанное с программой Вудворта... Да! С его передачей о ЦРУ, прозвучавшей в эфире год назад.

«...Тогда я был в Штатах... Мне удалось ее посмотреть...» Во время их первого разговора в Вашингтоне Фоссет сказал ему, что год назад он находился на албанской границе. «...Сорок пять дней непрерывных переговоров...» Двойной агент. Так вот зачем ему понадобился Джон Таннер — репортер с безупречной репутацией, директор информационной службы известной телекомпании. Прекрасная кандидатура на роль резидента вражеской разведки.

Таннер вспомнил и о других несовпадениях — немногочисленных и не таких заметных. И все же они были. Теперь все это ему ни к чему. Он никогда не выберется из полуразрушенного вокзала на станции Лесситер.

Он повернул голову и увидел стоявшего над ним Фоссета.

— Мы вам очень обязаны, мистер Таннер, — с едва заметной усмешкой проговорил он. — Если вы в самом деле такой хороший стрелок, как я думаю, то вы помогли нам сегодня сотворить прекрасный образ идейного мученика. Погибший герой... Даже если он только ранен, то все равно скоро умрет... немного печально — ведь он часть нашей организации. Но он и сам понял бы огромное значение такой жертвы. Видите, я не солгал вам. Мы — фанатики. Мы должны ими быть.

— Что вы намерены делать?

— Подождем остальных. Кто-нибудь из ваших приятелей наверняка появится. И на этом покончим и с вами и с ними... Увы! Вашингтон должен получить свою «Омегу». И тогда небезызвестный вам Фоссет получит очередную благодарность и повышение по службе. Не исключено, что в порыве ликования его даже назначат начальником оперативного отдела.

— Вы предатель...

Правой рукой Таннер нащупал в темноте что-то твердое. Это был кусок половой доски длиной фута два и толщиной около дюйма. Преодолевая боль во всем теле, Джон неловко сел, незаметно подтянув его под себя.

— С моей точки зрения — нет. Отступник... — Фоссет был не прочь поговорить. — Но не предатель. И давайте не будем об этом. Вы все

равно не сможете понять тех мотивов, которые движут мною. По-моему, это вы предатели. Вы все. Посмотрите вокруг...

Не дослушав, Таннер резко поднял с пола обломок доски и изо всех сил ударил им по забинтованной ноге Фоссета. Фоссет покачнулся. Таннер рванулся вперед и пнул его в пах. Фоссет согнулся и взвыл от боли. Таннер попытался вырвать пистолет из его руки, но она намертво прилипла к рукоятке. Тогда Джон, навалившись на разведчика всем телом, оттеснил его к стене и начал яростно топтать ногами раненую ступню Фоссета, не обращая внимания на его дикие вопли.

Наконец Джону удалось выбить у Фоссета пистолет, и тот со стуком отлетел к открытой двери. Фоссет повалился на пол у стены.

Джон подобрал пистолет и крепко сжал в руке.

Преодолевая мучительную боль во всем теле, Таннер поднялся на ноги. После этой короткой схватки рана на левой руке стала сильно кровоточить.

Фоссет корчился на полу. Таннер знал: надо, чтобы этот человек остался жив. Но вспомнив ужас на лицах детей и Элис — тогда, в подвале, — он тщательно прицелился и выстрелил. Он выстрелил дважды — в кровавое месиво на ступне Фоссета и в коленную чашечку той же ноги.

Шатаясь, Таннер шагнул к двери и обессиленно прислонился к косяку. С трудом подняв руку, он взглянул на часы: два тридцать семь. Прошло семь минут после назначенного срока.

Никто больше не придет. Вся «Омега» уже здесь: одна ее половина истекает кровью в полуразрушенном здании вокзала, другая лежит где-то там в мокрой траве, за бывшей автостоянкой. Кто это? Тримейн? Кардоун? Остерман?

Джон оторвал кусок рукава от рубашки и попытался обмотать его вокруг раны на руке. Если бы ему удалось хоть ненадолго остановить кровь... В этом случае он, возможно, сумел бы через автостоянку дойти до того места, откуда светил прожектор.

Однако его старания оказались напрасными, он потерял Равновесие и упал навзничь на прогнивший пол. Он, как и Фоссет, обречен. Они оба сдохнут здесь, в заброшенном старом вокзале.

Откуда-то издалека донесся высокий ноющий звук. Сначала Таннер подумал, что это шумит у него в голове, но нет, звук был реальным. Вой сирены. Он становился все громче и громче.

Затем Таннер услышал шум моторов, скрип тормозов, шаги по лужам и по мокрому гравию.

Таннер с трудом приподнялся на локте. Он собрал все силы, чтобы встать, — хотя бы на четвереньки. Этого будет достаточно, чтобы доползти до двери. Лучи фонарей и прожекторов заскользили по стенам вокзала, проникая внутрь сквозь провалы и проломы в штукатурке. Один из огней замер на проеме входной двери. Затем раздался усиленный мегафоном голос:

— Полиция! С нами представители федеральных властей! Если у вас есть оружие, бросайте его и выходите с поднятыми руками!.. Если вы захватили заложником Таннера, немедленно освободите его! Вы окружены! Все подходы к станции перекрыты!

Таннер попытался ответить, ползком добираясь до двери, но не успел. Снова зазвучал тот же голос:

— Повторяю! Бросайте оружие и... Его перебил другой голос:

— Смотрите! Дайте свет сюда!.. Он там, в траве, за автомобилем!

Кто-то обнаружил вторую часть «Омеги».

— Таннер! Джон Таннер! Вы здесь? Вы слышите нас?

Таннер добрался до двери и, цепляясь за косяк, привстал, чтобы попасть в полосу света.

— Вот он! Господи, что с ним?

Рука Таннера сорвалась, и он рухнул на землю лицом вниз. Через автостоянку к нему бежал Дженкинс.

* * *

— Ну вот мистер Таннер, мы перевязали вас. Сейчас сюда подъедет «скорая помощь»... Вы сможете идти? — Дженкинс обхватил Таннера за пояс и помог ему подняться на ноги. Двое других полицейских выносили Фоссета.

— Это он... Это «Омега».

— Мы знаем. Вы удивительный человек. Вы сделали то, что никому не удавалось сделать в течение пяти лет. Вы взяли для нас «Омегу».

— Там был кто-то еще... Тот, в траве... Фоссет сказал, что он член их организации.

— Мы нашли его. Он мертв. Он все еще там. Хотите посмотреть, кто это?

Таннер взглянул на Дженкинса и быстро кивнул.

— Да, да. Хочу. Я должен знать...

Вдвоем они пошли по мокрому гравию туда, где в высокой траве лежал убитый Таннером человек. Джон боялся увидеть его лицо. Он чувствовал, что Дженкинс понимает его состояние.

Крах дружбы и конец любви.

Дик. Джо. Берни.

Несколько человек осматривали черный автомобиль с разбитыми фарами. Труп лежал лицом вниз у раскрытой дверцы машины. В темноте Таннер разглядел только то, что это очень крупный мужчина.

Дженкинс включил карманный фонарик и пинком перевернул тело. Луч света скользнул по лицу убитого.

Таннер похолодел.

Перед ним лежал изрешеченный пулями капитан полиции Алберт Маколифф.

Таннер не заметил, как к ним приблизился полицейский и, остановившись у края автостоянки, обратился к Дженкинсу:

— Они хотят подойти...

— Пусть идут. — Дженкинс презрительно пожал плечами. — Опасности больше нет. Они могут делать, что хотят.

— Идите! — Макдермотт махнул рукой каким-то людям, стоявшим в тени по другую сторону автостоянки.

Таннер увидел, как три высокие фигуры зашагали по гравию. Они шли медленно, словно через силу.

Берни Остерман. Джо Кардоун. Дик Тримейн.

С помощью Дженкинса Таннер выбрался из травы на мокрый гравий. Четверо друзей сошлись лицом к лицу. Они стояли молча. Им нечего было сказать.

— Пойдемте, — повернулся Таннер к Дженкинсу.

— Извините, джентльмены...

Часть четвертая

Воскресенье, днем

И снова в городе Сэддл-Вэлли наступило воскресное утро. Две патрульные машины, как обычно, курсировали по городу — на этот раз не спеша объезжая тенистые улицы. Водители улыбались детям, приветливо помахивали их родителям, занятым привычными

воскресными делами. В небольших автомобилях с откидывающимся верхом и в сверкающих лимузинах лежали сумки для гольфа и теннисные ракетки. Ярко светило солнце, деревья и лужайки сверкали яркой зеленью, омытой вчерашним летним ливнем.

Сэддл-Вэлли проснулся и готовился к великолепному воскресному дню. Звонили телефоны. Кое-кто извинялся за неподобающее поведение на вчерашней вечеринке. Извинения встречали смехом: о чем вы говорите? Вчера же была суббота! В Сэддл-Вэлли субботние проступки легко и быстро прощались.

Последней модели темно-синий седан с белыми ободами мягко подкатил к дому Таннера. Сидевший в гостиной хозяин поднялся с дивана и, морщась от боли, подошел к окну. Верхняя часть груди у него и вся левая рука были замотаны бинтами, Левая нога от бедра до колена туго забинтована.

Таннер выглянул в окно. По тропинке к дому шли два человека. В одном он, хотя и не сразу, узнал Дженкинса. Сняв полицейскую форму, Дженкинс преобразился. Теперь он выглядел как респектабельный горожанин — служащий банка или рекламного бюро. Его спутника Таннер не знал. Он никогда не встречался с ним раньше.

— Они приехали, — крикнул Таннер, повернувшись в сторону кухни.

В дверях гостиной показалась Элис. Она была одета как обычно — в свободные домашние брюки и рубашку, но взгляд ее глаз был тревожен.

— Я думаю, мы должны закончить с этим сейчас, — сказала она, — Дженет гуляет с няней. Рей в клубе... Верни и Лей-па наверное, уже добрались до аэропорта.

Если успели... Они должны были дать показания, подписать протоколы... Дик выступает в роли общего адвоката.

В прихожей раздался звонок, и Элис пошла открывать, говоря мужу:

— Садись, дорогой. Тебе нельзя много двигаться, так сказал доктор.

— О'кей.

Вошли Дженкинс и его спутник. Элис принесла кофе, и вчетвером они уселись друг против друга — Таннеры на диване, Дженкинс и мужчина, которого он представил как Грувера, в креслах.

— Кажется, это с вами я говорил по телефону в Нью-Йорке, да? — спросил Джон.

— Да, со мной. Я — сотрудник Центрального разведывательного управления. Между прочим, и Дженкинс тоже. Он был послан сюда полтора года назад.

— Вы очень убедительно играли роль полицейского, мистер Дженкинс, — сказала Элис.

— Это было нетрудно. Прекрасное место, приятные люди...

— А я думал, тут у нас шпионское гнездо, — съязвил Таннер, не скрывая враждебности. Настало время для объяснений. Он потребует их.

— Отчасти и так, — мягко добавил Дженкинс.

— Тогда давайте лучше побеседуем об этом.

— Прекрасно, — сказал Грувер. — Знаете, каков был девиз Фоссета? «Разделяй и убивай». Узнаете тактику «Омеги»?

— Так значит, все-таки Фоссет? То есть я хочу сказать, что это было его настоящее имя?

— Да, разумеется. В течение десяти лет Лоренс Фоссет был одним из лучших оперативников нашего управления. Прекрасный послужной список, награды... А потом с ним стали происходить непонятные вещи...

— Он сделался предателем.

— Это все не так просто, — вступил в разговор Дженкинс. — Точнее сказать — у него изменились взгляды. Изменились коренным образом, радикально. Он стал врагом.

— И вы об этом не знали?

Грувер помедлил, прежде чем ответить. Казалось, он подыскивает более мягкие слова.

— Мы знали... Мы убеждались в этом постепенно в течение нескольких лет. Изменников такого ранга, как Фоссет, невозможно разоблачить за одну ночь. Это долгий процесс: подозреваемому дается серия заданий с противоречивыми целями. В конце концов истинная картина начинает вырисовываться. И тут важно не упустить момент... так мы и действовали.

— Что-то слишком сложно и запутанно.

— Нет, наоборот, все предельно ясно. Фоссетом манипулировали так же, как он вами и вашими друзьями. Фоссет был привлечен к операции по ликвидации «Омеги», его служебное положение создавало для этого прекрасные предпосылки. Он был блестящим тактиком, а ситуация становилась угрожающей... У шпионажа свои законы. Мы

предположили — как оказалось, справедливо, — что противник возложит на Фоссета обязанность сохранить «Омегу», не допустить ее разоблачения. Таким образом, он становился одновременно и атакующим и защитником. Все было хорошо продумано, поверьте... Теперь вы начинаете понимать?

— Да, — едва слышно произнес Таннер.

— "Разделяй и убивай". «Омега» на самом деле существовала. «Кусок кожи» — это действительно Сэддл-Вэлли. Проверка жителей города выявила наличие счетов в швейцарских банках у Кардоунов и Тримейнов. Когда в поле зрения появился Остерман, оказалось, что и у него есть счет в Цюрихе. Для Фоссета обстоятельства складывались как нельзя более удачно. Он нашел три супружеские пары, связанные друг с другом не только дружбой, но и незаконными — или, по крайней мере, весьма сомнительными — финансовыми операциями в Швейцарии.

— Цюрих... итак, вот почему их всех так пугало это слов. Кардоун, услышав его, просто цепенел.

— У него были основания для страха. И у него, и у Тримейна. Один — совладелец брокерской конторы, которую использовала для отмывания своих денег мафия, другой — ведущий адвокат фирмы, специализирующейся по оказанию услуг сомнительного характера крупным корпорациям. Для них публичное разбирательство стало бы крахом. Остерман терял меньше всех, но и для него — человека причастного к миру телевидения — передача дела в суд могла бы иметь печальные последствия. Вам лучше нас известно, как чутко реагируют на подобные события средства массовой информации.

— Да, — кивнул Таннер и глубоко вздохнул.

— Если в течение одного вечера Фоссету удалось посеять недоверие между друзьями и разобщить их настолько, что они стали бросать друг другу в лицо обвинения, то следующим шагом вполне могло стать насилие. Создав для этого нужные условия, настоящая «Омега» намеревалась убить по крайней мере две из четырех пар, которые Фоссет затем представил бы как побежденного врага, заявив об уничтожении «Омеги». Кто смог бы оспорить это? Ведь те, кого он собирался выдать за «Омегу», были бы мертвы... План действительно блестящий.

Преодолевая боль, Таннер поднялся с дивана и, хромая, подошел к камину. Он в гневе хлопнул ладонью по каминной полке.

— Я рад, что теперь вы можете сидеть здесь и рассуждать о достоинствах этого плана! — Он резко повернулся к разведчикам. — Но вы не имели права! Не имели права! Мою жену, моих детей едва не убили! Где в это время были ваши люди, которых поставили охранять нас? Что

случилось с оборудованием крупнейшей разведывательной службы мира? Почему вы ничего не слышали, если по всему дому были расставлены подслушивающие устройства? Где были ваши умники? Нас оставили одних и фактически обрекли на смерть! Нас чудом не расстреляли тогда в подвале!

Грувер и Дженкинс не спешили с ответом. Они восприняли враждебность Таннера с пониманием — им уже приходилось испытывать подобное раньше. Когда Грувер заговорил, его Голос был нетороплив и спокоен.

— В операциях, подобных этой, трудно избежать ошибок. Они случаются, так как всего предусмотреть нельзя.

— О каких ошибках вы говорите?

Дженкинс кашлянул.

— Позвольте мне ответить на этот вопрос… Ошибка была моя. Я был старшим в оперативной группе — единственным, кто знал об измене Фоссета. Единственным… В субботу утром Макдермотт сообщил мне, что Коул располагает чрезвычайно важной информацией и хочет немедленно со мной увидеться. Я не проверил этого — не стал звонить в Вашингтон, чтобы убедиться в ее достоверности. Я решил, что он — или кто-то еще из нашей агентуры — узнал, кем на самом деле является Фоссет. Если бы это действительно было так, план операции мог кардинально измениться. Из Вашингтона поступили бы совершенно иные инструкции…

— Мы были готовы к этому, — добавил Грувер. — Составили несколько альтернативных планов, подготовили условия для их осуществления…

— Я приехал в Нью-Йорк и отправился в номер гостиницы, где должен был находиться Коул, но его там не оказалось. Я знаю, это звучит нелепо, но он… вышел пообедать. Просто вышел пообедать. Он оставил у портье адрес ресторана, и я бросился туда. Все это, естественно, заняло определенное время. Такси, пробки на дорогах… Я не мог позвонить по телефону, так как все разговоры записывались на магнитофон. Фоссета могли предупредить… В конце концов я нашел Коула. Он никак не мог взять в толк, о чем я говорю. Он не вызывал меня и ничего не просил мне передать.

Дженкинс остановился. Его душила досада при воспоминании об этом промахе.

— В этом состояла ошибка? — тихо спросила Элис.

— Да. Фоссет получил необходимое ему время. Я дал ему это время…

— А не слишком ли многим он рисковал? Он самому себе ставил ловушку. Ведь вы могли связаться с Коулом и узнать, что тот не вызывал вас.

— Фоссет просчитал степень риска. Он все выверил по минутам. Так как Коул постоянно находился в контакте с оперативной группой, одно сообщение, особенно переданное через второе лицо, можно было сфальсифицировать. Тот факт, что я поддался на обман, тоже говорил ему о многом. Проще говоря, меня следовало убрать.

— Ваш отъезд в Нью-Йорк не объясняет того, почему ваши люди ушли...

— Мы уже говорили, что Фоссет блестящий тактик, — продолжил Грувер. — Он систематически отводил людей от вашего дома под тем предлогом, что вы — агент «Омеги». Он постоянно внушал им мысль, что человек, которого они охраняют, рискуя жизнью, на самом деле — враг.

— Что?!

— Подумайте сами. Если бы вас убили, кто смог бы это опровергнуть?

— Но почему они ему верили?

— Электронные звукосниматели, установленные в вашем доме... Они все перестали работать. Один за другим они выходили из строя. Вы были единственным в доме, кто знал об их существовании. Следовательно, вы сами целенаправленно уничтожали их.

— Но это неправда! Я даже не знал, где они установлены. Я и сейчас не знаю!

— Даже если бы вы знали, это вряд ли бы помогло, — сказал Дженкинс. — Эти звукосниматели были рассчитаны для работы на срок от тридцати шести до сорока восьми часов. Не больше. Коул показывал вам один из них вчера вечером... Их обработали кислотой. Все до единого. Кислота постепенно разъедала миниатюрные пластины, и передача сигнала прерывалась... Но люди, следившие за вами, знали только одно: что звукосниматели прекращают работать. И в этот момент Фоссет заявляет, что он допустил ошибку. Вы агент «Омеги», а он этого не понимал. Мне говорили, что он проделал все это очень эффектно. Когда такой человек, как Фоссет, признает собственные ошибки — это внушает уважение... Он убрал охрану, а затем они вместе с Маколиффом отправились убивать вас. Они могли сделать это беспрепятственно, так как меня на месте не было и некому было остановить их. Они предусмотрительно удалили меня со сцены, отправив в Нью-Йорк.

— Вы знали о Маколиффе?

— Нет, — ответил Дженкинс. — Даже не подозревали. Его легенда была просто идеальной. Фанатичный провинциальный полицейский, ветеран нью-йоркской полиции, «правый» до мозга костей. Если говорить честно, то первые подозрения о его возможной причастности зародились у нас, когда вы рассказали о том, что полицейская машина не остановилась на ваш сигнал из подвала. Ни одной патрульной машины поблизости не было. Маколифф позаботился об этом. Однако в своей машине он возил красную сигнальную лампу, которую при необходимости можно установить на крыше. Он кружил вокруг вашего дома в надежде выманить вас... Когда же он наконец прибыл сюда, нам показались странными две вещи. Первое — он принял вызов в машине, а не дома. Второе — по словам присутствовавших в доме полицейских, Маколифф то и дело хватался за живот, жалуясь на то, что у него сильный приступ язвы. Никаких сведений о язвенной болезни в его медицинской карте не было. Тогда мы предположили, что он ранен. Впоследствии это предположение подтвердилось. «Язва» оказалась кровоточащей раной. Памятью о мистере Остермане.

Таннер потянулся за сигаретой. Элис помогла ему прикурить.

— Кто убил того человека в роще?

— Маколифф. И не вините себя в его смерти. Маколифф убил бы его независимо от того, зажгли бы вы той ночью свет на кухне или нет. Он же отравил газом вашу семью в прошлую среду. Он использовал полицейское снаряжение для борьбы с массовыми беспорядками.

— А убитая собака в спальне моей дочери?

— Это уже Фоссет. Он решил усилить всеобщую панику, — отозвался Грувер. — Без пятнадцати два вам привезли лед и оставили прямо на крыльце у парадного. Вы все в это время были у бассейна. Фоссет взял лед и вошел в дом. Попав внутрь, он мог маневрировать — ведь он профессионал. Даже если бы вы обнаружили его, он мог бы сказать, что решил предпринять дополнительные меры предосторожности. Вы, разумеется, не стали бы с этим спорить... Ну и конечно, Фоссет был тем человеком на дороге, который отравил Кардоунов и Тримейнов.

— Все было рассчитано на то, чтобы держать в панике не только нас, но и остальных. Мы не знали ни минуты покоя, подозревали всех и каждого... — сказала Элис и, посмотрев на мужа, тихо добавила: — Почему так случилось? Что мы друг другу говорили?

— Были моменты, когда мне казалось, что каждый из них выдал себя... Я был в этом абсолютно уверен.

— Вы ждали, что они себя выдадут, — сказал Грувер. — Вам мучительно хотелось этого. И учтите, что ваши друзья были очень напуганы. Фоссет

поработал на славу. Он шантажировал их не только профессиональными грехами, но, самое главное, Цюрихом.

Таннер и Элис слушали не перебивая.

— И это объясняет их действия в финале. Кардоун даже не поехал к больному отцу в Филадельфию. Он позвонил своему партнеру Беннету и назначил ему встречу. Он не захотел говорить о делах по телефону, так как боялся, что за его домом установлена слежка. И в то же время не хотел уезжать далеко семьи. Они встретились в кафе, на шоссе номер пять... Кардоун рассказал Беннету о финансовых операциях в Цюрихе и предложил свою отставку, если тот поможет ему замять скандал. Замысел Кардоуна состоял в том, чтобы дать свидетельские показания органам правосудия в обмен на гарантии неприкосновенности.

— Тримейн сказал, что улетит сегодня утром...

— Самолетом «Люфганза». Прямиком в Цюрих. Он хороший адвокат. Очень искушенный в решении подобного рода споров. Он собирался выйти из этой истории с минимальными потерями.

— Выходит, они оба — и каждый в отдельности — оставляли Берни одного расхлебывать эту кашу?

— Да, но у мистера и миссис Остерман были свои планы. Один из крупных парижских синдикатов дал согласие принять их долю капитала. Все, что для этого требовалось, это дать телеграмму французским адвокатам фирмы.

Таннер поднялся с дивана и, прихрамывая, подошел к окнам, выходящим во двор. Он не был уверен в том, что хочет продолжать этот разговор. Он устал. Его душило отчаяние. «Омега» никого не оставила в стороне. Как там говорил Фоссет?

«Это неизбежно, мистер Таннер. Безгрешных людей нет».

Он медленно повернулся к сидящим в креслах гостям.

— Остаются еще вопросы...

— Боюсь, что мы никогда не сможем дать вам исчерпывающих ответов, — сказал Дженкинс. — Вы будете обнаруживать несовпадения, противоречия — они породят сомнения. Появятся новые вопросы... Это самый тяжелый для вас момент. Прошедшие события слишком глубоко затронули вас лично. В течение пяти дней вы жили на пределе, в огромном напряжении, почти без сна... Фоссет рассчитывал и на это.

— Нет-нет, я не о том. Я имею в виду конкретные факты. Тогда, в подвале, на Лейле была брошь, которая светилась в темноте. И на стене вокруг нее не оказалось следов пуль... Ее мужа не было здесь, когда я

находился в городе. Кто-то проколол шины моего автомобиля и пытался сбить меня... встреча на станции Лесситер была моей идеей. Как Фоссет смог узнать о ней, если ни один из них не сообщал ему?.. Вы говорите, они не причастны? На чем основана ваша уверенность? Ведь вы не знали о Маколиффе? Откуда вам известно, что они не... — Джон Таннер остановился, поняв, какое обвинение собирался бросить в адрес своих ближайших друзей. Он посмотрел на Дженкинса, не сводившего с него глаз.

Дженкинс оказался прав. Вопросы возникали снова и снова. Многое в этой истории было чересчур личным.

Грувер подался вперед.

— Я попробую ответить вам. На мой взгляд, все достаточно просто. Фоссет и Маколифф работали в паре. Когда Фоссет покинул мотель, он забрал с собой всю аппаратуру и подслушивающие устройства. Когда вы уехали из дома и позвонили вашим друзьям, назначив встречу, он легко мог связаться по рации с Маколиффом и передать ему приказ уничтожить вас. После того как Маколифф сообщил ему о том, что не сумел этого сделать, Фоссет сам поехал на станцию. Достать автомобиль — не проблема, проколоть шины — тем более. Брошь миссис Остерман? Думаю, она надела ее случайно... Стена без пулевых отметин? Насколько я помню, ее расположение почти полностью исключает возможность прямого попадания.

— "Почти", «случайно»... О Боже! — Таннер вернулся к дивану и неловко сел. Он взял руку жены. — Постойте... Вчера на кухне, когда я вышел закрыть зонты и попал под обстрел, Элис услышала странный диалог...

— Мы знаем, — мягко перебил его Дженкинс. — Ваша жена рассказала нам.

Элис посмотрела на Джона и кивнула. Глаза ее были печальными.

— Ваши друзья, Остерманы, удивительная пара, — продолжал Дженкинс. — Миссис Остерман видела, что ее муж хотел... должен был прийти вам на помощь. Он не мог просто так стоять и смотреть, как вас убивают... Они очень близки. Вчера она фактически разрешила ему рисковать за вас жизнью.

Джон Таннер закрыл глаза.

— Не думайте об этом, — сказал Дженкинс. Таннер посмотрел на Дженкинса и понял, что тот имел в виду.

Грувер поднялся со своего кресла. Это было сигналом для Дженкинса, который последовал за ним.

— Нам пора идти. Мы не хотим утомлять вас. Время еще будет. Мы всегда к вашим услугам... Да, кстати, это принадлежит вам. — Грувер полез в карман и вытащил оттуда конверт.

— Что это?

— Обязательство, которое Фоссет заставил вас подписать. Ваше согласие участвовать в операции. Даю вам честное слово, что магнитная запись этого разговора надежно похоронена в архивах. Навечно. Ради безопасности обеих сторон.

— Я понимаю. Позвольте еще один вопрос. — Таннер помедлил, словно боясь собственных мыслей.

— Да, слушаю.

— Кто из них позвонил вам? Кто сообщил вам о встрече у станции?

— Они сделали это вместе. Все трое встретились и решили позвонить в полицию.

— Вот так просто?..

— Ирония судьбы, мистер Таннер, — сказал Дженкинс. — Если бы они сделали это раньше, ничего не случилось бы. Но только прошлой ночью они решились встретиться и рассказать друг другу правду.

Дженкинс и Грувер поднялись, чтобы попрощаться. Пожимая им руки, Джон вдруг спросил:

— Скажите, а кто же был в машине?

— В какой машине, мистер Таннер?

Джон продолжал держать руку Грувера.

— Когда я шел по Лесситер-роуд, мимо меня дважды проехала черная машина — к станции и обратно, в Сэддл-Вэлли. Маколифф и Фоссет остались поджидать меня. А кто же был в машине?

Джон наконец выпустил руку Грувера.

— Вы сегодня очень устали, мистер Таннер, давайте в следующий раз, — вместо ответа сказал Грувер. — Как-нибудь в другой раз... — повторил он, и они с Дженкинсом быстро вышли из комнаты.

* * *

Сэддл-Вэлли наполнился слухами. В полумраке местного бара завсегдатаи собирались группами и шептались о чем-то. В клубе, на теннисных кортах и у бассейна, оживленно обсуждали неслыханные события, потрясшие их райский уголок.

Рассказывали странные вещи — будто Кардоуны уехали в длительное путешествие, никто не знает куда. Говорят, у его фи[,-мы неприятности... Ричард Тримейн пьет больше обычного — а он и так никогда не был трезвенником. И вообще, в его семье что-то неладное. Прислуга куда-то пропала. Дом — далеко не тот, каким был раньше. Любимый сад Вирджинии потихоньку зарастает...

Но скоро разговоры прекратились. В Сэддл-Вэлли быстро забывали о печальном. Через некоторое время горожане перестали вспоминать о Кардоунах и Триметинах. Они ведь, в сущности, никогда не были здесь своими. И их калифорнийские друзья не из тех, кого привечали в клубе.

И вообще для разговоров, суждений и оценок просто не было времени. Ведь летом столько интересных дел! Сэддл-Вэлли летом бесподобен. А как же иначе?

Отгородившийся от всего мира, надежно защищенный и независимый.

А Джон Таннер знал, что больше никогда не будет «уик-энда Остермана».

«Разделяй и убивай».

В конце концов «Омега» все же победила.

Примечания

1

Инкорпорейтед — здесь: «получивший статус города».

2

Пятицентовая монета с изображением головы индейца. Выпускалась около шестидесяти лет назад.

3

Бербэнк (англ. Burbank) — один из пригородов Лос-Анджелеса.

4

Нисеи — американцы японского происхождения.

5

Прослеживается аналогия с названием населенного пункта, где проживает герой. Сэддл-Вэлли: saddle — седло, valley — долина (англ.).

6

Ср. роман Дж. Оруэлла «1984».

7

Англ. Caught in Act; ср. ЦРУ — CIA.

8

Нидхэм так называет фирму «Дюпон де Немур» — химическую монополию, основанную в 1902 году.

9

Шини — оскорбительная кличка еврея (ам. жарг.).